

ОСНОВНОЕ

июль
1905

11

октябрь
1905

ЛЕНИН

Свободное
ВРЕМЯ

ОСНОВНОЕ В ЛЕНИНИЗМЕ

11

ДВЕ
ТАКТИКИ

Самым значительным произведением 11 тома стала книга «ДВЕ ТАКТИКИ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ В ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ», в которой Ленин продолжил теоретическое обоснование стратегии партии, выдвинутой на Женевской конференции, а также всесторонне обосновал идею о руководящей роли пролетариата в революции, указал на отход меньшевиков от марксизма. В этом произведении, а также других статьях Ленин раскрыл контрреволюционную сущность русской буржуазии:

- ПРОЛЕТАРИАТ БОРЕТСЯ, БУРЖУАЗИЯ КРАДЁТСЯ К ВЛАСТИ;
- БОЙКОТ БУЛЫГИНСКОЙ ДУМЫ И ВОССТАНИЕ;
- ЧЕГО ХОТЯТ И ЧЕГО БОЯТСЯ НАШИ ЛИБЕРАЛЬНЫЕ БУРЖУА?
- «ЕДИНЕНИЕ ЦАРЯ С НАРОДОМ И НАРОДА С ЦАРЁМ»;
- БУРЖУАЗИЯ СЫТАЯ И БУРЖУАЗИЯ АЛЧУЩАЯ;
- ИГРА В ПАРЛАМЕНТАРИЗМ;
- В ХВОСТЕ У МОНАРХИЧЕСКОЙ БУРЖУАЗИИ ИЛИ ВО ГЛАВЕ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПРОЛЕТАРИАТА И КРЕСТЬЯНСТВА?

Ряд статей адресована бойцам революционной армии, в них Ленин призывает теоретически и практически учиться военному делу:

- В БОЕВОЙ КОМИТЕТ ПРИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ КОМИТЕТЕ;
- ЗАДАЧИ ОТРЯДОВ РЕВОЛЮЦИОННОЙ АРМИИ.

Шенцев Иван Олегович

Рабочий, по образованию инженер-энергетик. Член группы Свободное время, ответственный за выпуск серии «Марксизм ленинизм эпохи диктатуры пролетариата».

svremya.su
dzen.ru/svremya
vk.com/svobodnoev
Telegram @SVremya

Купить и скачать

Видео

ОСНОВНОЕ В ЛЕНИНИЗМЕ ТОМ XI

Июль ~ октябрь 1905

Печатается по Полному собранию сочинений
В. И. ЛЕНИН, том 11, изд. 5-е

2024

УДК 323.4
ББК 63.3-28
Л-45

ОСНОВНОЕ В ЛЕНИНИЗМЕ

Июль ~ октябрь 1905

ТОМ XI

Ленин В. И.

Л-45 Основное в ленинизме (июль ~ октябрь 1905) : в 45 т. – Санкт-Петербург: Издатель Англинова Л. Н., 2024. – Т. 11. – 280 с. (Сер. «Основное в ленинизме»)
ISBN 978-5-6051580-6-6 (Т. 11)

Центральной работой 11-го тома стала книга «Две тактики социал-демократии в демократической революции» (июнь-июль 1905 г.), в которой Ленин развил и всесторонне обосновал основные решения Женевской конференции, прошедшей в марте 1905 года. В этот важный исторический момент, когда в Российской империи назревала буржуазная революция, важно было сплотить партию, вооружить меньшевиков и указать правильный алгоритм действий пролетариату.

ISBN 978-5-6051580-6-6 (Т. 11)

ISBN 978-5-6047058-2-7

9 785605 158066 >

Сообщить об опечатке

© Группа «СВОБОДНОЕ ВРЕМЯ», 2024

© Удовиченко М. С., составитель, 2024

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уважаемые читатели!

Вы держите в руках 11-й том серии «Основное в ленинизме», материалы которого были написаны в июле-октябре 1905 года. Как вы видите, очень много работ было написано Владимиром Ильичом в этом году, важнейшем для становления революционного движения и партии.

После прошедшей в марте Женевской конференции, на которой были приняты важнейшие для партии решения, основной задачей стало воплотить их в жизнь, сплотить партию и разоблачить меньшевиков, которые раскалывали единство партии и ратовали за передачу инициативы в руки буржуазии.

Огромное значение в этих условиях имела публикация в июле 1905 года книги В. И. Ленина «Две тактики социал-демократии в демократической революции». В этой книге Ленин сформулировал основные задачи, цели и особенности русской революции, разоблачил оппортунистическую тактику меньшевиков. Снова и снова Ленин подчеркивал руководящую роль пролетариата в революции и указывал на важность этого основополагающего принципа — именно пролетариат как наиболее революционный и передовой класс кровно заинтересован в революционном пути, а не в передаче власти в руки буржуазии, только пролетариат был подготовлен к тому, чтобы возглавить общедемократическое движение в стране, а значит буржуазная революция должна закончиться социалистической.

Ряд статей сборника посвящен разбору вопроса об отношении социал-демократии к булыгинской Думе. (19) августа 1905 года был издан манифест о созыве Государственной думы, названной булыгинской, по имени министра Булыгина, автора проекта создания Думы, избираться в которую могла только крупная

буржуазия. Правильность большевистской тактики активного бойкота булыгинской Думы была подтверждена последующим ходом исторических событий и увенчалась блестящим успехом — выборы в неё не производились и правительству не удалось её собрать. Булыгин сошел с политической арены.

О важности боевой подготовки, о сплоченности и ежеминутной готовности отрядов революционной армии пишет Владимир Ильич в ряде других статей. Революция назревала и пролетарские силы должны были быть готовы решительно, дружно и сплочённо выступить, чтобы взять власть.

Читайте Ленина!

Редакторская группа серии «Основное в ленинизме»

«СВОБОДНОЕ ВРЕМЯ»

Москва, 2024

ДВЕ ТАКТИКИ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ В ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

ПРЕДИСЛОВИЕ

В революционный момент очень трудно поспеть за событиями, которые дают поразительно много нового материала к оценке тактических лозунгов революционных партий. Настоящая брошюра писана до одесских событий (имеется в виду восстание броненосца «Князь Потёмкин»). Мы уже указали в «Пролетарии», что эти события заставили даже тех социал-демократов, которые создали теорию восстания-процесса и отрицали пропаганду временного революционного правительства, перейти или начать переходить фактически на сторону своих оппонентов. Революция учит, несомненно, с такой быстротой и такой основательностью, которые кажутся невероятными в мирные эпохи политического развития. И она учит, что особенно важно, не только руководителей, — но и массы.

Не подлежит никакому сомнению, что революция научит рабочие массы в России социал-демократизму. Революция подтвердит на деле программу и тактику социал-демократии, показав настоящую природу различных общественных классов, показав буржуазность нашей демократии и настоящие стремления крестьянства, революционного в буржуазно-демократическом духе, но таящего в себе не идею «социализации», а новую классовую борьбу между крестьянской буржуазией и сельским пролетариатом. Старые иллюзии старого народничества, которые так явно сквозят, например, в проекте программы «партии социалистов-революционеров» и в вопросе о развитии капитализма в России, и в вопросе о демократизме нашего «общества», и в вопросе о значении полной победы крестьянского восстания, все эти иллюзии будут беспощадно и окончательно развеяны революцией. Она даст впервые настоящее политическое крещение различным классам. Эти классы

выйдут из революции с определённой политической физиономией, показав себя не только в программах и тактических лозунгах своих идеологов, но и в открытом политическом действии масс.

Несомненно, что революция научит нас, научит народные массы. Но вопрос для борющейся политической партии состоит теперь в том, сумеем ли мы научить чему-нибудь революцию? сумеем ли мы воспользоваться правильностью нашего социал-демократического учения, связью нашей с единственным до конца революционным классом, пролетариатом, для того, чтобы наложить на революцию пролетарский отпечаток, чтобы довести революцию до настоящей решительной победы на деле, а не на словах, чтобы парализовать неустойчивость, половинчатость и предательство демократической буржуазии?

К этой цели должны мы направить все свои усилия. А достижение её зависит, с одной стороны, от правильности нашей оценки политической позиции, от верности наших тактических лозунгов, а с другой стороны, от поддержки этих лозунгов реальной боевой силой рабочих масс. К укреплению и расширению связей с массой направлена вся обычная, регулярная, текущая работа всех организаций и групп нашей партии, работа пропаганды, агитации и организации. Эта работа всегда необходима, но в революционный момент она менее, чем когда-либо, может считаться достаточной. В такой момент рабочий класс инстинктивно рвётся к открытому революционному выступлению, и мы должны уметь правильно поставить задачи этого выступления, чтобы распространить затем как можно шире знакомство с этими задачами и понимание их. Не надо забывать, что ходячий пессимизм насчёт нашей связи с массой прикрывает теперь особенно часто буржуазные идеи относительно роли пролетариата в революции. Несомненно, нам надо ещё много и много работать над воспитанием и организацией рабочего класса, но весь вопрос теперь в том, где должен лежать главный политический центр тяжести этого воспитания и этой организации? В профессиональных ли союзах и легальных обществах или в вооружённом восстании, в деле создания революционной армии и революционного правительства? И на том, и на другом рабочий класс воспитывается и организуется. И то и другое, конечно, необходимо. Весь вопрос теперь, в настоящей революции, сводится, однако, к тому, в чём

будет лежать центр тяжести воспитания и организации рабочего класса, в первом или во втором?

Исход революции зависит от того, сыграет ли рабочий класс роль пособника буржуазии могучего по силе своего натиска на самодержавие, но бессильного политически, или роль руководителя народной революции. Сознательные представители буржуазии чувствуют это прекрасно. Поэтому-то «Освобождение» и восхваляет акимовщину, «экономизм» в социал-демократии, выдвигающий теперь на первый план профессиональные союзы и легальные общества «Поэтому-то г. Струве и приветствует (№ 72 «Освобождения») принципиальные тенденции акимовщины в новоискровстве. Поэтому-то он и обрушивается на ненавистную революционную узость решений III съезда Российской социал-демократической рабочей партии.

Правильные тактические лозунги социал-демократии имеют теперь особенно важное значение для руководства массами. Ничего нет более опасного, как принижение значения принципиально выдержанных тактических лозунгов в революционное время. Например, «Искра» в № 104 фактически переходит на сторону своих оппонентов в социал-демократии, но в то же время пренебрежительно отзывается о значении лозунгов и тактических решений, идущих впереди жизни, указывающих путь, по которому движение идёт, с рядом неудач, ошибок и т. д. Напротив, выработка верных тактических решений имеет гигантское значение для партии, которая хочет в духе выдержанных принципов марксизма руководить пролетариатом, а не только тащиться в хвосте событий. В резолюциях III съезда Российской социал-демократической рабочей партии и конференции отколовшейся части партии мы имеем самые точные, самые обдуманые, самые полные выражения тактических взглядов, не случайно высказанных отдельными литераторами, а принятых ответственными представителями социал-демократического пролетариата.

На III съезде РСДРП (Лондон, в мае 1905 г.) участвовали только большевики. На «конференции» (Женева, тогда же) — только меньшевики, называемые часто в предлагаемой брошюре «новоискровцами», ибо, продолжая издавать «Искру», они объявили устами тогдашнего своего единомышленника, Троцкого, что между старой и новой «Искрой» лежит пропасть. (Примечание автора к изданию 1907 г. *Ред.*)

Наша партия стоит впереди всех остальных, имея точную и принятую всеми программу. Она должна показать пример остальным партиям и в деле строгого отношения к своим тактическим резолюциям, в противовес оппортунизму демократической буржуазии «Освобождения» и революционной фразе социалстов-революционеров, которые только во время революции спохватились выступить с «проектом» программы и заняться впервые вопросом, буржуазная ли революция происходит у них перед глазами.

Вот почему мы считаем самым насущным делом революционной социал-демократии тщательное изучение тактических резолюций III съезда Российской социал-демократической рабочей партии и конференции, определение уклонов в них от принципов марксизма, уяснение себе конкретных задач социал-демократического пролетариата в демократической революции. Этой работе и посвящена предлагаемая брошюра. Проверка нашей тактики с точки зрения принципов марксизма и уроков революции необходима и для того, кто хочет реально готовить единство тактики как основу будущего полного объединения всей Российской социал-демократической рабочей партии, а не ограничиваться одними словами увещания.

Н. Ленин

Июль 1905 года.

1. НАСУЩНЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ВОПРОС

На очереди дня в переживаемый нами революционный момент стоит вопрос о созыве всенародного учредительного собрания. Как решить этот вопрос, мнения расходятся. Намечаются три политических направления. Царское правительство допускает необходимость созыва народных представителей, но не желает ни в каком случае допустить, чтобы их собрание было всенародным и учредительным. Оно как будто соглашается, если верить газетным известиям о работах булыгинской комиссии, на совещательное собрание, избранное при отсутствии свободы агитации и при узкоцензурной или узкосословной системе выборов. Революционный пролетариат, поскольку им руководит социал-демократия,

требует полного перехода власти к учредительному собранию, добиваясь в этих целях не только всеобщего избирательного права и не только полной свободы агитации, но, кроме того, немедленного низвержения царского правительства и замены его временным революционным правительством. Наконец, либеральная буржуазия, выражающая свои пожелания устами вождей так называемой «конституционно-демократической партии», не требует низвержения царского правительства, не выдвигает лозунга временного правительства, не настаивает на реальных гарантиях того, чтобы выборы были вполне свободны и правильны, чтобы собрание представителей могло стать действительно всенародным и действительно учредительным. По существу дела, либеральная буржуазия, которая одна только является серьёзной социальной опорой направления «освободителей», добивается возможно более мирной сделки между царём и революционным народом, и притом такой сделки, при которой бы всего больше власти досталось ей, буржуазии, всего менее — революционному народу, пролетариату и крестьянству.

Таково политическое положение в данный момент. Таковы три главные политические направления, соответствующие трём главным социальным силам современной России. О том, как «освободители» прикрывают якобы демократическими фразами свою половинчатую, т. е., говоря прямее и проще, изменническую, предательскую по отношению к революции политику, мы уже не раз говорили в «Пролетарии». Посмотрим теперь, как учитывают социал-демократы задачи момента. Превосходным материалом в этом отношении являются две резолюции, принятые совсем недавно III съездом РСДРП и «конференцией» отколовшейся части партии. Вопрос о том, какая из этих резолюций правильнее учитывает политический момент и правильнее определяет тактику революционного пролетариата, имеет громадное значение, и всякий социал-демократ, желающий сознательно исполнить свои обязанности пропагандиста, агитатора и организатора, должен со всем вниманием разобраться в этом вопросе, оставив совершенно в стороне соображения, не относящиеся к существу дела.

Под тактикой партии разумеется её политическое поведение, или характер, направление, способы её политической

деятельности. Тактические резолюции принимаются партийным съездом для того, чтобы точно определить политическое поведение партии, как целого, в отношении новых задач или ввиду нового политического положения. Такое новое положение создала начавшаяся в России революция, то есть полное, решительное и открытое расхождение гигантского большинства народа с царским правительством. Новый вопрос состоит в том, каковы практические способы созыва действительно всенародного и действительно учредительного собрания (теоретически вопрос о таком собрании давно уже и раньше всех других партий решён социал-демократией официально, в её партийной программе). Если народ разошёлся с правительством, и массой признана необходимость учредить новый порядок, то партия, поставившая себе целью свергнуть правительство, необходимо должна подумать о том, каким правительством заменить старое, свергаемое правительство. Возникает *новый* вопрос о временном революционном правительстве. Чтобы дать полный ответ на этот вопрос, партия сознательного пролетариата должна выяснить, во-1-х, *значение* временного революционного правительства в происходящей революции и во всей борьбе пролетариата вообще; во-2-х, своё *отношение* к временному революционному правительству; в-3-х, точные условия *участия* социал-демократии в этом правительстве; в-4-х, условия давления на это правительство *снизу*, т. е. при отсутствии в нём социал-демократии. Только при выяснении всех этих вопросов политическое поведение партии в данном отношении будет принципиальное, ясное и твёрдое.

Посмотрим же, как разрешает эти вопросы резолюция III съезда РСДРП. Вот её полный текст:

«Резолюция о временном революционном правительстве.

Принимая во внимание:

1) что как непосредственные интересы пролетариата, так и интересы его борьбы за конечные цели социализма требуют возможно более полной политической свободы, а следовательно, замены самодержавной формы правления демократической республикой;

2) что осуществление демократической республики в России возможно лишь в результате победоносного народного восстания, органом которого явится временное революционное

правительство, единственно способное обеспечить полную свободу предвыборной агитации и созвать, на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права с тайной подачей голосов, учредительное собрание, действительно выражающее волю народа;

3) что этот демократический переворот в России, при данном общественно-экономическом её строе, не ослабит, а усилит господство буржуазии, которая неминуемо попытается в известный момент, не останавливаясь ни перед чем, отнять у российского пролетариата возможно большую часть завоеваний революционного периода, —

III съезд РСДРП постановляет:

а) необходимо распространять в рабочем классе конкретное представление о наиболее вероятном ходе революции и о необходимости в известный её момент появления временного революционного правительства, от которого пролетариат потребует осуществления всех ближайших политических и экономических требований нашей программы (программа-минимум);

б) в зависимости от соотношения сил и других факторов, не поддающихся точному предварительному определению, допустимо участие во временном революционном правительстве уполномоченных нашей партии, в целях беспощадной борьбы со всеми контрреволюционными попытками и отстаивания самостоятельных интересов рабочего класса;

в) необходимым условием такого участия ставится строгий контроль партии над её уполномоченными и неуклонное охранение независимости социал-демократии, стремящейся к полному социалистическому перевороту и постольку непримиримо враждебной всем буржуазным партиям;

г) независимо от того, возможно ли будет участие социал-демократии во временном революционном правительстве, следует пропагандировать в самых широких слоях пролетариата идею необходимости постоянного давления на временное правительство со стороны вооружённого и руководимого социал-демократией пролетариата в целях охраны, упрочения и расширения завоеваний революции».

2. ЧТО ДАЁТ НАМ РЕЗОЛЮЦИЯ III СЪЕЗДА РСДРП О ВРЕМЕННОМ РЕВОЛЮЦИОННОМ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ?

Резолюция III съезда РСДРП, как видно из её названия, посвящена всецело и исключительно вопросу о временном революционном правительстве. Это значит, что участие с.-д. во временном революционном правительстве входит сюда, как часть вопроса. С другой стороны, речь идёт только о временном революционном правительстве, ни о чём другом; след., сюда не входит совершенно вопрос хотя бы о «завоевании власти» вообще и т. п. Правильно ли поступил съезд, отстранив этот последний и подобные вопросы? Несомненно правильно, ибо таких вопросов политическое положение России отнюдь не выдвигает на очередь дня. Наоборот, всем народом поставлено на очередь свержение самодержавия и созыв учредительного собрания. Съездам партии следует ставить на разрешение не те вопросы, которых коснулся кстати или некстати тот или иной литератор, а те, которые имеют серьёзное политическое значение в силу условий момента и вследствие объективного хода общественного развития.

Какое значение в теперешней революции и в общей борьбе пролетариата имеет временное революционное правительство? Резолюция съезда разъясняет это, указывая в самом начале на необходимость «возможно более полной политической свободы» и с точки зрения непосредственных интересов пролетариата, и с точки зрения «конечных целей социализма». А полная политическая свобода требует замены царского самодержавия демократической республикой, как признано уже нашей партийной программой. Подчёркивание лозунга демократической республики в резолюции съезда необходимо логически и принципиально, ибо пролетариат, как передовой борец за демократию, добивается именно полной свободы; кроме того, это подчёркивание тем более целесообразно в данный момент, что у нас как раз теперь выступают под флагом «демократизма» монархисты, именно: так наз. конституционно-«демократическая» или «освобожденская» партия. Для учреждения республики безусловно необходимо собрание народных представителей, притом непременно всенародное (на основе всеобщего, равного и прямого

избирательного права с тайной подачей голосов) и учредительное. Это и признаёт резолюция съезда далее. Но она не ограничивается этим. Чтобы учредить новый порядок, «действительно выражающий волю народа», недостаточно назвать представительное собрание учредительным. Надо, чтобы это собрание имело власть и силу «учреждать». Сознавая это, резолюция съезда не ограничивается формальным лозунгом «учредительного собрания», а добавляет материальные условия, при которых только и возможно настоящее выполнение этим собранием своей задачи. Такое указание условий, при которых учредительное на словах собрание может стать учредительным на деле, необходимо настоятельно, ибо либеральная буржуазия, в лице конституционно-монархической партии, заведомо извращает, как мы уже не раз указывали, лозунг всенародного учредительного собрания, сводя его к пустой фразе.

Резолюция съезда говорит, что обеспечить полную свободу предвыборной агитации и созвать собрание, действительно выражающее волю народа, способно единственно временное революционное правительство, притом такое, которое бы являлось органом победоносного народного восстания. Верно ли это положение? Кто вздумал бы оспорить его, тот должен утверждать, что царское правительство может не тянуть руку реакции, что оно способно быть нейтральным при выборах, что оно может заботиться о действительном выражении воли народа. Подобные утверждения настолько нелепы, что открыто их никто не станет защищать, но тайком их провозят, под либеральным флагом, именно наши освобожденцы. Учредительное собрание должен кто-нибудь созвать; свободу и правильность выборов должен кто-нибудь обеспечить; силу и власть этому собранию кто-нибудь должен целиком вручить: только революционное правительство, являющееся органом восстания, может вполне искренне хотеть этого и быть в силах всё сделать для осуществления этого. Царское правительство неизбежно будет противодействовать этому. Либеральное правительство, вошедшее в сделку с царём и не опирающееся целиком на народное восстание, неспособно ни искренне хотеть этого, ни осуществить этого, даже при самом искреннем желании. Резолюция съезда даёт, след., единственно правильный и вполне последовательный демократический лозунг.

Но оценка значения временного революционного правительства была бы неполна и неверна, если бы был упущен из виду классовый характер демократического переворота. Резолюция добавляет поэтому, что переворот усилит господство буржуазии. Это неизбежно при данном, т. е. капиталистическом, общественно-экономическом строе. А результатом усиления господства буржуазии над сколько-нибудь свободным политически пролетариатом неизбежно должна быть отчаянная борьба между ними за власть, должны быть отчаянные попытки буржуазии «отнять у пролетариата завоевания революционного периода». Борясь за демократию впереди всех и во главе всех, пролетариат ни на минуту не должен забывать поэтому о таящихся в недрах буржуазной демократии новых противоречиях и о новой борьбе.

Значение временного революционного правительства оценено, таким образом, в рассмотренной нами части резолюции вполне: и в его отношении к борьбе за свободу и за республику, и в его отношении к учредительному собранию, и в его отношении к демократическому перевороту, очищающему почву для новой классовой борьбы.

Спрашивается далее, какова должна быть позиция пролетариата вообще по отношению к временному революционному правительству? Резолюция съезда отвечает на это прежде всего прямым советом партии распространять в рабочем классе убеждение в необходимости временного революционного правительства. Рабочий класс должен сознать эту необходимость. В то время как «демократическая» буржуазия оставляет в тени вопрос о низвержении царского правительства, мы должны выдвигать его на первое место и настаивать на необходимости временного революционного правительства. Мало того, мы должны указать программу действий этого правительства, соответствующую объективным условиям переживаемого исторического момента и задачам пролетарской демократии. Эта программа есть вся программа-минимум нашей партии, программа ближайших политических и экономических преобразований, вполне осуществимых, с одной стороны, на почве данных общественно-экономических отношений, и необходимых, с другой стороны, для дальнейшего шага вперед, для осуществления социализма.

Таким образом, резолюция выясняет вполне характер и цель временного революционного правительства. По своему происхождению и основному характеру, это правительство должно быть органом народного восстания. По своему формальному назначению, оно должно быть орудием созыва всенародного учредительного собрания. По содержанию его деятельности, оно должно осуществить программу-минимум пролетарской демократии, как единственно способную обеспечить интересы восставшего против самодержавия народа.

Могут возразить, что временное правительство, будучи временным, не может проводить положительной программы, ещё не одобренной всем народом. Такое возражение было бы лишь софизмом реакционеров и «самодержавщиков». Не проводить никакой положительной программы значит терпеть существование крепостнических порядков прогнившего самодержавия. Терпеть такие порядки могло бы лишь правительство изменников делу революции, а не правительство, являющееся органом народного восстания. Было бы насмешкой, если бы кто-либо предложил отказаться от осуществления на деле свободы собраний впредь до признания этой свободы учредительным собранием, — под тем предлогом, что учредительное собрание может ещё и не признать свободы собраний! Такой же насмешкой является возражение против немедленного осуществления программы-минимум временным революционным правительством.

Заметим, наконец, что, ставя задачей временного революционного правительства осуществление программы-минимум, резолюция тем самым устраняет нелепые полуанархические мысли о немедленном осуществлении программы-максимум, о завоевании власти для социалистического переворота. Степень экономического развития России (условие объективное) и степень сознательности и организованности широких масс пролетариата (условие субъективное, неразрывно связанное с объективным) делают невозможным немедленное полное освобождение рабочего класса. Только самые невежественные люди могут игнорировать буржуазный характер происходящего демократического переворота; — только самые наивные оптимисты могут забывать о том, как ещё мало знает масса рабочих о целях социализма и способах его осуществления. А мы все убеждены, что освобождение

рабочих может быть делом только самих рабочих; без сознательности и организованности масс, без подготовки и воспитания их открытой классовой борьбой со всей буржуазией о социалистической революции не может быть и речи. И в ответ на анархические возражения, будто мы откладываем социалистический переворот, мы скажем: мы не откладываем его, а делаем первый шаг к нему единственно возможным способом по единственно верной дороге, именно по дороге демократической республики. Кто хочет идти к социализму по другой дороге, помимо демократизма политического, тот неминуемо приходит к нелепым и реакционным, как в экономическом, так и в политическом смысле, выводам. Если те или другие рабочие спросят нас в соответствующий момент: почему бы не осуществить нам программы-максимум, мы ответим им указанием на то, как чужды ещё социализму демократически настроенные массы народа, как неразвиты ещё классовые противоречия, как неорганизованы ещё пролетарии. Организуйте-ка сотни тысяч рабочих по всей России, распространите сочувствие своей программе среди миллионов! Попробуйте сделать это, не ограничиваясь звонкими, но пустыми анархическими фразами, — и вы увидите тотчас же, что осуществление этой организации, что распространение этого социалистического просвещения зависит от возможно более полного осуществления демократических преобразований.

Пойдём дальше. Раз выяснено значение временного революционного правительства и отношение к нему пролетариата, возникает следующий вопрос: допустимо ли и при каких условиях наше участие в нём (действие сверху)? Каково должно быть наше действие снизу? Резолюция даёт точные ответы на оба эти вопроса. Она решительно заявляет, что в принципе участие социал-демократии во временном революционном правительстве (в эпоху демократического переворота, в эпоху борьбы за республику) *допустимо*. Этим заявлением мы бесповоротно отделяем себя и от анархистов, отвечающих на этот вопрос принципиально в отрицательном смысле, и от хвостистов социал-демократии (вроде Мартынова и новоискровцев), *пугавших* нас перспективой такого положения, когда это участие могло бы оказаться для нас необходимым. Этим заявлением III съезд РСДРП бесповоротно отверг ту мысль новой «Искры», будто участие социал-демократов

во временном революционном правительстве есть разновидность милитаризма, будто это недопустимо принципиально, как освящение буржуазного порядка, и т. д.

Но вопрос о принципиальной допустимости, само собою разумеется, не решает ещё вопроса о практической целесообразности. При каких условиях этот новый вид борьбы, борьбы «сверху», признанный съездом партии, является целесообразным? Само собою разумеется, что о конкретных условиях, вроде соотношения сил и т. п., говорить теперь нет возможности, и резолюция, естественно, отказывается от предварительного определения этих условий. Ни один разумный человек не возьмётся предсказывать что-либо насчёт интересующего нас вопроса в настоящий момент. Можно и должно определить характер и цель нашего участия. Резолюция и делает это, указывая две цели участия: 1) беспощадную борьбу с контрреволюционными попытками и 2) отстаивание самостоятельных интересов рабочего класса. В то время как либеральные буржуа начинают усердно разговаривать о психологии реакции, стараясь запугать революционный народ и побудить его к уступчивости по отношению к самодержавию, — в это время особенно уместно со стороны партии пролетариата напомнить о задаче настоящей войны с контрреволюцией. Великие вопросы политической свободы и классовой борьбы решает, в последнем счёте, только сила, и мы должны заботиться о подготовке, организации этой силы и об активном, не только оборонительном, но и наступательном употреблении её. Долгая эпоха политической реакции, царящей в Европе почти непрерывно со времён Парижской Коммуны, слишком сроднила нас с мыслью о действии только «снизу», слишком приучила нас наблюдать борьбу только оборонительную. Мы вступили теперь, несомненно, в новую эпоху; начался период политических потрясений и революций. В такой период, какой переживается Россией, непозволительно ограничиваться старым шаблоном. Надо пропагандировать идею о действии сверху, надо готовиться к самым энергичным, наступательным действиям, надо изучать условия и формы таких действий. Из таких условий резолюция съезда выдвигает на первый план два: одно касается формальной стороны участия социал-демократии во временном революционном правительстве (строгий контроль партии за её уполномоченными), другое — самого

характера этого участия (ни на минуту не упускать из виду цели полного социалистического переворота).

Выяснив, таким образом, со всех сторон политику партии при действии «сверху», — этом новом, почти невиданном доселе способе борьбы, — резолюция предусматривает и тот случай, когда сверху действовать нам не удастся. Действовать снизу на временное революционное правительство мы обязаны во всяком случае. Для такого давления снизу пролетариат должен быть вооружён, — ибо в революционный момент дело доходит особенно быстро до прямой гражданской войны, — и руководим социал-демократией. Цель его вооружённого давления — «охрана, упрочение и расширение завоеваний революции», т. е. тех завоеваний, которые, с точки зрения интересов пролетариата, должны состоять в осуществлении всей нашей программы-минимум.

Этим мы закончим краткий разбор резолюции III съезда о временном революционном правительстве. Как видит читатель, резолюция эта выясняет и значение нового вопроса, и отношение к нему партии пролетариата, и политику партии как изнутри временного революционного правительства, так и извне его.

Посмотрим теперь на соответствующую резолюцию «конференции».

3. ЧТО ТАКОЕ «РЕШИТЕЛЬНАЯ ПОБЕДА РЕВОЛЮЦИИ НАД ЦАРИЗМОМ»?

Резолюция «конференции» посвящена вопросу «*о завоевании власти и участии во временном правительстве*». Уже в этой постановке вопроса кроется, как мы указывали, путаница. С одной стороны, вопрос ставится узко: только о нашем участии во временном правительстве, а не вообще о задачах партии по отношению к временному революционному правительству. С другой стороны, смешиваются два совершенно разнородных вопроса: о нашем участии в одной из стадий *демократического* переворота и о *социалистическом* перевороте. В самом деле, «завоевание власти» социал-демократией есть именно социалистический переворот и не может быть ничем иным, если употреблять эти слова в их прямом и обычном значении. А если понимать

их в смысле завоевания власти не для социалистического, а для демократического переворота, то тогда какой смысл говорить не только об участии во временном революционном правительстве, но и о «завоевании власти» *вообще*? Очевидно, наши «конферененты» сами хорошенько не знали, о чём собственно им следует говорить: о демократическом или о социалистическом перевороте. Кто следил за литературой вопроса, тот знает, что начало этой путанице положил тов. Мартынов в его знаменитых «Двух диктатурах»: новоискровцы неохотно вспоминают о постановке вопроса, данной (ещё до 9-го января) в этом образцово-хвостистском произведении, но его идейное влияние на конференцию не подлежит сомнению.

Но оставим в стороне заглавие резолюции. Её содержание показывает нам ошибки, несравненно более глубокие и серьёзные. Вот первая часть её:

«Решительная победа революции над царизмом может быть ознаменована либо учреждением временного правительства, вышедшего из победоносного народного восстания, либо революционной инициативой того или иного представительного учреждения, решающего, под непосредственным революционным давлением народа, организовать всенародное учредительное собрание».

Итак, нам говорят, что решительной победой революции над царизмом может быть и победоносное восстание и... решение представительного учреждения организовать учредительное собрание! Что это? как это? Решительная победа может быть ознаменована «решением» организовать учредительное собрание?? И такая «победа» ставится рядом с учреждением временного правительства, «вышедшего из победоносного народного восстания»!! Конференция не заметила, что *победоносное* народное восстание и *учреждение* временного правительства означает победу революции *на деле*, а «решение» организовать учредительное собрание означает победу революции лишь *на словах*.

Конференция меньшевиков-новоискровцев впала в ту самую ошибку, в которую постоянно впадают либералы, освобожденцы. Освобожденцы фразёрствуют об «учредительном» собрании, стыдливо закрывая глаза на сохранение силы и власти в руках царя, забывая, что для «учреждения» нужно иметь *силу* учредить. Конференция тоже забыла, что от «решения» каких угодно

представителей до осуществления этого решения ещё далеко. Конференция тоже забыла, что, пока власть остаётся в руках царя, любые решения каких угодно представителей останутся такой же пустой и жалкой болтовнёй, какой оказались «решения» знаменитого в истории германской революции 1848 года Франкфуртского парламента. Представитель революционного пролетариата, Маркс, в своей «Новой Рейнской Газете» за то и бичевал беспощадными сарказмами франкфуртских либеральных «освобожденных», что они говорили хорошие слова, принимали всякие демократические «решения», «учреждали» всякие свободы, а на деле оставляли власть в руках короля, не организовали вооружённой борьбы с военной силой, бывшей в распоряжении короля. И пока франкфуртские освобожденные болтали, — король выждал время, укрепил свои военные силы, и контрреволюция, опираясь на реальную силу, разбила наголову демократов со всеми их престельными «решениями».

Конференция приравняла к решительной победе то, в чём как раз недостаёт решительного условия победы. Каким образом могли социал-демократы, признающие республиканскую программу нашей партии, впасть в эту ошибку? Чтобы понять это странное явление, надо обратиться к резолюции III съезда об отколовшейся части партии. В этой резолюции указывается на переживание в нашей партии разных «родственных «экономизму»» течений. Наши конференты (недаром, верно, они находятся под идейным руководством Мартынова) рассуждают о революции совершенно в том же духе, как «экономисты» рассуждали о политической борьбе или 8-часовом рабочем дне. «Экономисты» сейчас же пускали в ход «теорию стадий»: 1) борьба за права; 2) политическая агитация; 3) политическая борьба, — или 1) 10-часовой рабочий день; 2) 9-часовой; 3) 8-часовой. Какие результаты получались от этой «тактики-процесса», всем достаточно известно. Теперь нам предлагают и революцию наперёд разделить хорошенечко на стадии: 1) царь созывает представительное учреждение; 2) это представительное учреждение «решает» под давлением «народа» организовать учредительное собрание; 3) ... о третьей стадии меньшевики ещё не столковались; они забыли, что революционное давление народа встречает контрреволюционное давление царизма и что поэтому либо «решение»

остается неосуществлённым, либо дело решает опять-таки победа или поражение народного восстания. Резолюция конференции точь-в-точь похожа на такое рассуждение «экономистов»: решительная победа рабочих может быть ознаменована либо революционным осуществлением 8-часового рабочего дня, либо дарованием десятичасового рабочего дня и «решением» перейти к девятичасовому... Точь-в-точь то же самое.

Нам могут возразить, пожалуй, что авторы резолюции не имели в виду *приравнять* победу восстания к «решению» представительного учреждения, созданного царём, что они хотели лишь предусмотреть тактику партии в том и в другом случае. Мы ответим на это: 1) текст резолюции прямо и недвусмысленно называет «решительной победой революции над царизмом» *решение* представительного учреждения. Может быть, это результат небрежной редакции, может быть, её можно бы исправить на основании протоколов, но пока она не исправлена, смысл этой редакции может быть только один, и смысл этот всецело *освободительский*. 2) «Освободительский» ход мысли, в который впали авторы резолюции, ещё несравненно рельефнее выступает в других литературных произведениях новоискровцев. Напр., в органе Тифлисского комитета «Социал-Демократ» (на грузинском языке; расхвален «Искрой» в № 100) статья «Земский собор и наша тактика» договаривается прямо до того, что «тактика», «избирающая центром нашего действия Земский собор» (о созыве которого, добавим от себя, мы ещё ничего точного не знаем!), «*выгоднее для нас*», чем «тактика» вооружённого восстания и учреждения временного революционного правительства. Мы ниже ещё вернёмся к этой статье. 3) Нельзя ничего иметь против предварительного обсуждения тактики партии и на случай победы революции и на случай поражения её, и на случай успеха восстания и на тот случай, если восстание не сможет разгореться в серьёзную силу. Возможно, что царскому правительству удастся созвать представительное собрание в целях сделки с либеральной буржуазией, — резолюция III съезда, предусматривая это, говорит прямо о «лицемерной политике», о «псевдodemократизме», о «карикатурных формах народного представительства вроде так называемого Земского собора». Но в том-то и дело, что это говорится не в резолюции

о временном революционном правительстве, ибо к временному революционному правительству это не имеет отношения. Этот случай отодвигает проблему восстания и учреждения временного революционного правительства, видоизменяет её и т. д. Речь же идёт теперь не о том, что возможны всякие комбинации, что возможна и победа и поражение, и прямые пути и окольные, — речь идёт о том, что непозволительно социал-демократу вносить путаницу в представление рабочих о действительно революционном пути, что непозволительно по-освободженски называть решительной победой то, в чём не достаёт *основного* условия победы. Возможно, что и восьмичасовой рабочий день мы получим не сразу, а лишь долгим окольным путём, но что вы скажете о человеке, который победой рабочих назовёт такое бессилие, такую слабость пролетариата, при которых он *не в силах* будет помешать проволочкам, отсрочкам, торгашеству, измене и реакции? Возможно, что русская революция кончится «конституционным выкидышем», как сказал однажды «Вперёд», но разве это может оправдать социал-демократа, который бы накануне решительной борьбы стал называть этот выкидыш «решительной победой над царизмом»? Возможно, на худой конец, что не только республики мы не завоюем, но и конституция-то будет призрачная, «шиповская», но разве извинительно было бы со стороны социал-демократа затушёвывание нашего республиканского лозунга?

Конечно, до затушёвывания его новоискровцы ещё не дошли. Но до какой степени отлетел от них революционный дух, до какой степени безжизненное резонёрство заслонило от них боевые задачи момента, это особенно наглядно видно из того, что в своей резолюции они как раз *позабыли* сказать о республике! Это невероятно, но это факт. Все лозунги социал-демократии подтверждены, повторены, разъяснены, детализированы в разных резолюциях конференции, не забыт даже выбор рабочими по заведениям старост и депутатов, — не нашлось только случая в резолюции о временном революционном правительстве вспомнить о республике. Говорить о «победе» народного восстания, об учреждении временного правительства и не указать отношение этих «шагов» и актов к завоеванию республики — значит писать резолюцию не для руководства борьбой пролетариата, а для ковыляния в хвосте пролетарского движения.

Итог: первая часть резолюции: 1) совершенно не выяснила значения временного революционного правительства с точки зрения борьбы за республику и обеспечения действительно всенародного и действительно учредительного собрания; 2) внесла прямую путаницу в демократическое сознание пролетариата, приравнивая к решительной победе революции над царизмом такое положение дел, когда как раз не достаёт ещё основного условия для настоящей победы.

4. ЛИКВИДАЦИЯ МОНАРХИЧЕСКОГО СТРОЯ И РЕСПУБЛИКА

Перейдём к следующей части резолюции:

«...И в том и в другом случае такая победа послужит началом новой фазы революционной эпохи.

Задачей, которая стихийным образом ставится этой новой фазе объективными условиями общественного развития, является окончательная ликвидация всего сословно-монархического режима в процессе взаимной борьбы между элементами политически освобождённого буржуазного общества за осуществление своих социальных интересов и за непосредственное обладание властью.

Поэтому и временное правительство, которое взяло бы на себя осуществление задач этой, по своему историческому характеру, буржуазной революции, должно было бы, регулируя взаимную борьбу между противоположными классами освобождающейся нации, не только двигать вперёд революционное развитие, но и бороться против тех его факторов, которые угрожают основам капиталистического строя».

Остановимся на этой части, которая представляет из себя самостоятельный отдел резолюции. Основная мысль выписанных нами рассуждений совпадает с той, которая изложена в 3 пункте съездовской резолюции. Но при сличении обеих резолюций в этой их части сразу бросается в глаза следующее коренное различие между ними. Резолюция съезда, в двух словах характеризующая общественно-экономическую основу революции, всё внимание переносит на резко определённую борьбу классов из-за определённых завоеваний и на первый план выдвигает боевые задачи пролетариата. Резолюция конференции, длинно, туманно и путано

описывая общественно-экономическую основу революции, очень неясно говорит о борьбе за определённые завоевания и абсолютно оставляет в тени боевые задачи пролетариата. Резолюция конференции говорит о ликвидации старого порядка в процессе взаимной борьбы между элементами общества. Резолюция съезда говорит, что мы, партия пролетариата, должны произвести эту ликвидацию, что настоящая ликвидация есть только учреждение демократической республики, что эту республику мы должны завоевать, что мы будем бороться за неё и за полную свободу не только с самодержавием, но и с буржуазией, когда она будет (а она непременно будет) пытаться отнять у нас наши завоевания. Резолюция съезда зовёт на борьбу определённый класс за точно определённую ближайшую цель. Резолюция конференции рассуждает о взаимной борьбе разных сил. Одна резолюция выражает психологию активной борьбы, другая — пассивного зрительства; одна проникнута призывом к живой деятельности, другая — мертвенным резонёрством. Обе резолюции заявляют, что происходящий переворот для нас только первый шаг, за которым пойдёт второй, но отсюда одна резолюция делает тот вывод, что надо тем скорее пройти этот первый шаг, тем скорее ликвидировать его, завоевать республику, беспощадно раздавить контрреволюцию и создать почву для второго шага. А другая резолюция, так сказать, истекает в многоречивых описаниях этого первого шага и (простите за вульгарное выражение) сосёт мысли по поводу него. Резолюция съезда берёт старые и вечно новые мысли марксизма (о буржуазном характере демократического переворота), как предисловие или первую посылку для выводов о передовых задачах передового класса, борющегося и за демократический и за социалистический переворот. Резолюция конференции так и остаётся при одном предисловии, жуя его и умничая по поводу него.

Это различие и есть как раз то самое различие, которое издавна разбивает русских марксистов на два крыла: резонёрское и боевое крыло в былые времена легального марксизма, экономическое и политическое в эпоху начинающегося массового движения. Из верной посылки марксизма о глубоких экономических корнях классовой борьбы вообще и политической борьбы в особенности «экономисты» делали тот оригинальный вывод, что надо повернуться спиной к политической борьбе и задерживать

её развитие, суживать её размах, принижать её задачи. Политики, наоборот, делали из тех же посылок иной вывод, именно: что чем глубже теперь корни нашей борьбы, тем шире, смелее, решительнее, инициативнее должны мы вести эту борьбу. В иной обстановке, в видоизменённой форме перед нами и теперь тот же спор. Из тех посылок, что демократический переворот отнюдь ещё не есть социалистический, что он «интересует» отнюдь не одних только неимущих, что его глубочайшие корни лежат в неотвратимых нуждах и потребностях *всего* буржуазного общества в целом, — из этих посылок мы делаем вывод, что тем смелее должен передовой класс ставить свои демократические задачи, тем резче должен он договаривать их до конца, выставлять непосредственный лозунг республики, пропагандировать идею о необходимости временного революционного правительства, о необходимости беспощадно раздавить контрреволюцию. А наши оппоненты, новоискровцы, делают из этих же посылок то заключение, что не следует договаривать до конца демократических выводов, что можно среди практических лозунгов и не выставлять республики, что позволительно не пропагандировать идеи о необходимости временного революционного правительства, что решительной победой можно назвать и решение о созыве учредительного собрания, что задачу борьбы с контрреволюцией можно не выдвигать как нашу активную задачу, а потопить её в туманной (и неправильно сформулированной, как мы сейчас увидим) ссылке на «процесс взаимной борьбы». Это не язык политических деятелей, это — язык каких-то архивных заседателей!

И чем внимательнее вы рассмотрите отдельные формулировки новоискровской резолюции, тем нагляднее выступят перед вами указанные основные её особенности. Нам говорят, напр., о «процессе взаимной борьбы между элементами политически освобождённого буржуазного общества». Памятуя тему, на которую резолюция писалась (временное революционное правительство), мы с недоумением спрашиваем: если уже говорить о процессе взаимной борьбы, то как же можно умолчать об элементах, политически *порабощающих* буржуазное общество? Думают ли конференты, что раз они предположили победу революции, то такие элементы уже исчезли? Подобная мысль была бы абсурдом вообще и величайшей политической наивностью, политической

близорукостью в частности. После победы революции над контрреволюцией, контрреволюция не исчезнет, а, напротив, неизбежно начнёт новую, ещё более отчаянную борьбу. Посвящая свою резолюцию разбору задач при победе революции, мы обязаны громадное внимание уделить задачам отражения контрреволюционного натиска (как это и сделано в резолюции съезда), а не топить эти ближайшие, насущные, злободневные политические задачи боевой партии в общих рассуждениях о том, что будет *после* теперешней революционной эпохи, что будет тогда, когда будет уже налицо «политически *освобождённое* общество». Как «экономисты» ссылками на общие истины о подчинении политики экономике прикрывали своё непонимание злободневных политических задач, так новоискровцы своими ссылками на общие истины о борьбе внутри политически *освобождённого* общества прикрывают своё непонимание злободневных революционных задач политического *освобождения* этого общества.

Возьмите выражение: «окончательная ликвидация всего сословно-монархического режима». На русском языке окончательная ликвидация монархического строя называется учреждением демократической республики. Но нашему доброму Мартынову и его поклонникам такое выражение кажется слишком простым и ясным. Они непременно хотят «углубить» и сказать «поумнее». Получаются смешные потуги на глубокомыслие, с одной стороны. А с другой стороны, вместо лозунга получается описание, вместо бодрого призыва идти вперёд получается какой-то меланхолический взгляд назад. Перед нами точно не живые люди, которые вот теперь же, сейчас хотят бороться за республику, а какие-то одеревеневшие мумии, которые *sub specie aeternitatis* (— с точки зрения вечности. *Ред.*) рассматривают вопрос с точки зрения *plusquamperfectum* (— давно прошедшего. *Ред.*).

Пойдём дальше: «...временное правительство... взяло бы на себя осуществление задач этой... буржуазной революции...». Вот тут сразу и сказалось, что наши конференты просмотрели конкретный вопрос, вставший перед политическими руководителями пролетариата. Конкретный вопрос о временном революционном правительстве стушевался с их поля зрения перед вопросом о том будущем ряде правительств, которые осуществят задачи буржуазной революции вообще. Если вы желаете

рассматривать вопрос «исторически», то пример любой европейской страны покажет вам, что именно ряд правительств, вовсе не «временных», осуществлял исторические задачи буржуазной революции, что даже правительства, побеждавшие революцию, вынуждены были всё-таки осуществить исторические задачи этой побеждённой революции. Но «временным революционным правительством» называется вовсе не то, о чём вы говорите: так называется правительство революционной эпохи, непосредственно сменяющее свергнутое правительство и опирающееся на восстание народа, а не на какие-нибудь представительные учреждения, вышедшие из народа. Временное революционное правительство есть орган борьбы за немедленную победу революции, за немедленное отражение контрреволюционных попыток, а вовсе не орган осуществления исторических задач буржуазной революции вообще. Предоставим, господа, будущим историкам в будущей «Русской Старине» определять, какие именно задачи буржуазной революции осуществили мы с вами или то или иное правительство, — это дело успеют сделать и через 30 лет, а нам теперь надо дать лозунги и практические указания для борьбы за республику и для энергичнейшего участия пролетариата в этой борьбе.

По указанным причинам неудовлетворительны и последние положения выписанной нами части резолюции. Крайне неудачно или, по меньшей мере, неловко выражение, что временное правительство должно было бы «регулировать» взаимную борьбу между противоположными классами: марксистам не следовало бы употреблять такой либерально-освободительской формулировки, дающей повод думать, будто возможны правительства, служащие не органом классовой борьбы, а «регулятором» её... Правительство должно было бы «не только двигать вперёд революционное развитие, но и бороться против тех его факторов, которые угрожают основам капиталистического строя». Этим «фактором» является как раз тот самый пролетариат, от имени которого говорит резолюция! Вместо указания того, как именно должен пролетариат в данный момент «двигать вперёд революционное развитие» (подвигать его дальше, чем хотела бы идти конституционалистская буржуазия), вместо совета готовиться определённым способом к борьбе с буржуазией, когда она повернёт против

завоеваний революции, — вместо этого нам дают общее описание процесса, ничего не говорящее о конкретных задачах *нашей* деятельности. Способ изложения своих мыслей новоискровцами напоминает отзыв Маркса (в его знаменитых «тезах» о Фейербахе) о старом, чуждом идеи диалектики, материализме. Философы только *истолковывали* мир различным образом — говорил Маркс — а дело в том, чтобы *изменять* этот мир. Так и новоискровцы могут сносно описывать и объяснять процесс происходящей у них на глазах борьбы, но совершенно не могут дать правильного лозунга в этой борьбе. Усердно маршируя, но плохо руководя, они принижают материалистическое понимание истории своим игнорированием действенной, руководящей и направляющей роли, которую могут и должны играть в истории партии, сознавшие материальные условия переворота и ставшие во главе передовых классов.

5. КАК СЛЕДУЕТ «ДВИГАТЬ РЕВОЛЮЦИЮ ВПЕРЁД»?

Приводим дальнейший отдел резолюции:

«При таких условиях социал-демократия должна стремиться сохранить на всём протяжении революции такое положение, которое лучше всего обеспечит за нею возможность двигать революцию вперёд, не свяжет ей рук в борьбе с непоследовательной и своекорыстной политикой буржуазных партий и предохранит её от растворения в буржуазной демократии.

Поэтому социал-демократия не должна ставить себе целью захватить или разделить власть во временном правительстве, а должна оставаться партией крайней революционной оппозиции».

Совет занять положение, наилучшее обеспечивающее возможность двигать революцию вперёд, нам очень и очень нравится. Мы бы желали только, чтобы кроме этого доброго совета было налицо и прямое указание, как именно сейчас, при данной политической ситуации, в эпоху толков, предположений, разговоров и проектов созыва народных представителей, следует социал-демократии двигать революцию вперёд. Может ли теперь двигать революцию вперёд тот, кто не понимает опасности

освобожденской теории «соглашения» народа с царём, кто называет победой одно «решение» созвать учредительное собрание, кто не ставит задачей активную пропаганду идеи о необходимости временного революционного правительства? кто оставляет в тени лозунг демократической республики? Такие люди на самом деле *двигают революцию назад*, потому что в *практически-политическом* отношении они остановились на уровне *освобожденской* позиции. Что толку от признания ими программы, требующей замены самодержавия республикой, когда в тактической резолюции, определяющей настоящие и ближайшие задачи партии в революционный момент, лозунг борьбы за республику отсутствует? Ведь именно освобожденская позиция, позиция конституционалистской буржуазии характеризуется теперь фактически тем, что в решении созвать всенародное учредительное собрание усматривается решительная победа, а о временном революционном правительстве и о республике благоразумно умалчивается! Чтобы двигать революцию *вперёд*, т. е. дальше того предела, до которого двигает её монархическая буржуазия, надо активно выставлять, подчёркивать, выдвигать на первый план лозунги, *исключающие* «непоследовательность» буржуазной демократии. Таких лозунгов в настоящий момент есть *только два*: 1) временное революционное правительство и 2) республика, потому что лозунг всенародного учредительного собрания *воспринят* монархической буржуазией (смотри программу «Союза освобождения») и воспринят именно в интересах эскамотирования революции, в интересах недопущения полной победы революции, в интересах торгашеской сделки крупной буржуазии с царизмом. И вот мы видим, что конференция из этих двух, единственно способных двигать революцию вперёд, лозунгов лозунг республики вовсе позабыла, а лозунг временного революционного правительства прямо приравняла к освобожденскому лозунгу всенародного учредительного собрания, назвав «решительной победой революции» и то и другое!!

Да, таков несомненный факт, который послужит, мы уверены, вехой для будущего историка российской социал-демократии. Конференция социал-демократов в мае 1905 года принимает резолюцию, которая говорит хорошие слова о необходимости двигать демократическую революцию вперёд и которая на деле

двигает её назад, которая на деле не идёт дальше демократических лозунгов монархической буржуазии.

Новоискровцы любят упрекать нас в том, что мы игнорируем опасность растворения пролетариата в буржуазной демократии. Мы бы хотели посмотреть на того, кто предпринял бы доказать этот упрёк на основании текста резолюций, принятых III съездом РСДРП. Мы ответим нашим оппонентам: социал-демократия, действующая на почве буржуазного общества, не может участвовать в политике, не идя то в том, то в другом отдельном случае *рядом* с буржуазной демократией. Разница между нами и вами при этом та, что мы идём рядом с революционной и республиканской буржуазией, не сливаясь с ней, а вы идёте рядом с *либеральной и монархической буржуазией*, тоже не сливаясь с ней. *Вот как обстоит дело.*

Ваши тактические лозунги, данные от имени конференции, *совпадают* с лозунгами «конституционно-демократической» партии, т. е. *партии монархической буржуазии*, причём вы не заметили, не сознали этого совпадения, оказавшись, таким образом, фактически *в хвосте освобожденцев.*

Наши тактические лозунги, данные от имени III съезда РСДРП, совпадают с лозунгами демократически-революционной и республиканской буржуазии. Такая буржуазия и мелкая буржуазия ещё не сложились в крупную народную партию в России.

«Социалисты-революционеры» скорее террористическая интеллигентская группа, чем зародыш такой партии, хотя объективное значение деятельности этой группы сводится именно к осуществлению задач революционной и республиканской буржуазии.

Но в существовании элементов её может усомниться лишь тот, кто понятия не имеет о том, что происходит теперь в России. Мы намерены руководить (на случай успешного хода великой русской революции) не только пролетариатом, организованным с.-д. партией, но и этой мелкой буржуазией, способной идти рядом с нами.

Конференция своей резолюцией бессознательно *опускается* до уровня либеральной и монархической буржуазии. Съезд партии своей резолюцией сознательно *поднимает* до своего уровня способные на борьбу, а не на маклерство, элементы революционной демократии.

Таких элементов больше всего среди крестьянства. Без большой ошибки, при распределении крупных общественных групп по их политическим тенденциям, мы можем отождествить революционную и республиканскую демократию с массой крестьянства, — разумеется, в том же смысле, с теми же оговорками и подразумеваемыми условиями, с какими можно отождествлять рабочий класс с социал-демократией. Мы можем, другими словами, формулировать наши выводы также в следующих выражениях: конференция своими *общенациональными политическими лозунгами* в революционный момент бессознательно *опускается до уровня массы помещиков*. Съезд партии своими общенациональными политическими лозунгами *поднимает до революционного уровня крестьянскую массу*. Тому, кто обвинит нас за этот вывод в пристрастии к парадоксам, мы сделаем вызов: пусть опровергнет он то положение, что, если мы не будем в силах довести революцию до конца, если революция *закончится* по-освобожденски «решительной победой» в виде одного лишь созданного царём представительного собрания, которое только в насмешку могло бы быть названо учредительным, — тогда это будет революция с преобладанием элемента *помещичьего и крупнобуржуазного*. Наоборот, если суждено нам пережить действительно великую революцию, если история на этот раз не допустит «выкидыша», если мы в силах будем довести революцию до конца, до решительной победы не в освобожденском и не в новоискровском смысле слова, тогда это будет революция с преобладанием элемента крестьянского и пролетарского.

Может быть, некоторые увидят в допущении мысли о таком преобладании отказ от убеждения в буржуазном характере предстоящей революции? Это очень возможно при том злоупотреблении этим понятием, которое мы видим в «Искре». Поэтому остановиться на этом вопросе очень нелишне.

6. ОТКУДА ГРОЗИТ ПРОЛЕТАРИАТУ ОПАСНОСТЬ ОКАЗАТЬСЯ СО СВЯЗАННЫМИ РУКАМИ В БОРЬБЕ С НЕПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОЙ БУРЖУАЗИЕЙ?

Марксисты безусловно убеждены в буржуазном характере русской революции. Что это значит? Это значит, что те демократические преобразования в политическом строе и те социально-экономические преобразования, которые стали для России необходимостью, — сами по себе не только не означают подрыва капитализма, подрыва господства буржуазии, а, наоборот, они впервые очистят почву настоящим образом для широкого и быстрого, европейского, а не азиатского, развития капитализма, они впервые сделают возможным господство буржуазии как класса. Социалисты-революционеры не могут понять этой идеи, потому что они не знают азбуки о законах развития товарного и капиталистического производства, они не видят того, что даже полный успех крестьянского восстания, даже перераспределение всей земли в интересах крестьянства и согласно его желаниям («чёрный передел» или что-нибудь в этом роде) нисколько не уничтожит капитализма, а, напротив, даст толчок его развитию и ускорит классовое распадение самого крестьянства. Непонимание этой истины делает из социалистов-революционеров бессознательных идеологов мелкой буржуазии. Настаивание на этой истине имеет для социал-демократии огромное значение не только теоретическое, но и практически-политическое, ибо отсюда вытекает обязательность полной классовой самостоятельности партии пролетариата в настоящем «общедемократическом» движении.

Но из этого отнюдь не вытекает, чтобы *демократический* переворот (буржуазный по своему общественно-экономическому содержанию) не представлял *громадного* интереса для пролетариата. Из этого отнюдь не вытекает, чтобы демократический переворот не мог произойти и в форме, выгодной преимущественно для крупного капиталиста, финансового туза, «просвещённого» помещика, и в форме, выгодной для крестьянина и для рабочего.

Новоискровцы в корне неправильно понимают смысл и значение категории: буржуазная революция. В их рассуждениях постоянно сквозит мысль, будто буржуазная революция есть такая

революция, которая может дать лишь то, что выгодно буржуазии. А между тем ничего нет ошибочнее такой мысли. Буржуазная революция есть такая революция, которая не выходит из рамок буржуазного, т. е. капиталистического общественно-экономического строя. Буржуазная революция выражает потребности развития капитализма, не только не уничтожая его основ, а, напротив, расширяя и углубляя их. Эта революция выражает поэтому интересы не только рабочего класса, но и всей буржуазии. Так как господство буржуазии над рабочим классом неизбежно при капитализме, то можно с полным правом сказать, что буржуазная революция выражает интересы не столько пролетариата, сколько буржуазии. Но совершенно нелепа мысль, что буржуазная революция не выражает вовсе интересов пролетариата. Эта нелепая мысль сводится либо к стародедовской народнической теории, что буржуазная революция противоречит интересам пролетариата, что нам не нужна поэтому буржуазная политическая свобода. Либо эта мысль сводится к анархизму, отрицающему всякое участие пролетариата в буржуазной политике, в буржуазной революции, в буржуазном парламентаризме. Теоретически эта мысль представляет из себя забвение азбучных положений марксизма о неизбежности развития капитализма на почве товарного производства. Марксизм учит, что общество, основанное на товарном производстве, стоящее в обмене с цивилизованными капиталистическими нациями, на известной ступени развития неизбежно становится и само на путь капитализма. Марксизм бесповоротно порвал с бреднями народников и анархистов, будто можно, например, России миновать капиталистическое развитие, выскочить из капитализма или перескочить через него каким-нибудь путём кроме пути классовой борьбы на почве и в пределах этого самого капитализма.

Все эти положения марксизма доказаны и разжёваны со всей подробностью как вообще, так и специально по отношению к России. А из этих положений следует, что *реакционная* мысль искать спасения рабочему классу в чём бы то ни было, кроме дальнейшего развития капитализма. В таких странах, как Россия, рабочий класс страдает не столько от капитализма, сколько от недостатка развития капитализма. Рабочий класс *безусловно заинтересован* поэтому в самом широком, самом свободном, самом быстром

развитии капитализма. Рабочему классу безусловно *выгодна* устранение всех остатков старины, мешающих широкому, свободному и быстрому развитию капитализма. Буржуазная революция есть именно такой переворот, который всего решительнее сметает остатки старины, остатки крепостничества (к этим остаткам принадлежит не только самодержавие, но и монархия), который всего полнее обеспечивает самое широкое, свободное и быстрое развитие капитализма.

Поэтому *буржуазная революция в высшей степени выгодна пролетариату*. Буржуазная революция *безусловно* необходима в интересах пролетариата. Чем полнее и решительнее, чем последовательнее будет буржуазная революция, тем обеспеченнее будет борьба пролетариата с буржуазией за социализм. Только людям, не знающим азбуки научного социализма, этот вывод может казаться новым или странным, парадоксальным. А из этого вывода, между прочим, следует и то положение, что *в известном смысле* буржуазная революция *более выгодна* пролетариату, чем буржуазии. Именно вот в каком смысле несомненно это положение: буржуазии выгодно опираться на некоторые остатки старины против пролетариата, например, на монархию, на постоянную армию и т. п. Буржуазии выгодно, чтобы буржуазная революция не смела слишком решительно все остатки старины, а оставила некоторые из них, т. е. чтобы эта революция была не вполне последовательна, не дошла до конца, не была решительна и беспощадна. Эту мысль выражают часто социал-демократы несколько иначе, говоря, что буржуазия изменяет сама себе, что буржуазия предаёт дело свободы, что буржуазия не способна на последовательный демократизм. Буржуазии выгоднее, чтобы необходимые преобразования в буржуазно-демократическом направлении произошли медленнее, постепеннее, осторожнее, нерешительнее, путём реформ, а не путём революции; чтобы эти преобразования были как можно осторожнее по отношению к «почтенным» учреждениям крепостничества (вроде монархии); чтобы эти преобразования как можно меньше развивали революционной самостоятельности, инициативы и энергии простонародья, т. е. крестьянства и особенно рабочих, ибо иначе рабочим тем легче будет, как говорят французы, «переложить ружье с одного плеча на другое», т. е. направить против самой буржуазии то оружие,

которым снабдит их буржуазная революция, ту свободу, которую она даст, те демократические учреждения, которые возникнут на очищенной от крепостничества почве.

Наоборот, рабочему классу выгоднее, чтобы необходимые преобразования в буржуазно-демократическом направлении прошли именно не реформаторским, а революционным путём, ибо реформаторский путь есть путь затяжек, проволочек, мучительно-медленного отмирания гниющих частей народного организма. От гниения их страдает прежде всего и больше всего пролетариат и крестьянство. Революционный путь есть путь быстрой, наименее болезненной по отношению к пролетариату операции, путь прямого удаления гниющих частей, путь наименьшей уступчивости и осторожности по отношению к монархии и соответствующим ей омерзительным и гнусным, гнилым и заражающим воздух гниением учреждениям.

Вот почему наша буржуазно-либеральная печать не по одним только цензурным соображениям, не только страха ради иудейска оплакивает возможность революционного пути, боится революции, пугает царя революцией, заботится об избежании революции, холопствует и низкопоклонствует ради жалких реформ как основы реформаторского пути. На этой точке зрения стоят не только «Русские Ведомости», «Сын Отечества», «Наша Жизнь», «Наши Дни», но и нелегальное, свободное «Освобождение». Самое положение буржуазии, как класса в капиталистическом обществе, неизбежно порождает её непоследовательность в демократическом перевороте. Самое положение пролетариата, как класса, заставляет его быть последовательным демократом. Буржуазия оглядывается назад, боясь демократического прогресса, который грозит усилением пролетариата. Пролетариату нечего терять кроме цепей, а приобретёт он при помощи демократизма весь мир (Манифест Коммунистической партии). Поэтому, чем последовательнее буржуазная революция в её демократических преобразованиях, тем менее ограничивается она тем, что выгодно исключительно для буржуазии. Чем последовательнее буржуазная революция, тем больше обеспечивает она выгоды пролетариата и крестьянства в демократическом перевороте.

Марксизм учит пролетария не отстранению от буржуазной революции, не безучастию к ней, не предоставлению руководства

в ней буржуазии, а, напротив, самому энергичному участию, самой решительной борьбе за последовательный пролетарский демократизм, за доведение революции до конца. Мы не можем выскочить из буржуазно-демократических рамок русской революции, но мы можем в громадных размерах расширить эти рамки, мы можем и должны в пределах этих рамок бороться за интересы пролетариата, за его непосредственные нужды и за условия подготовки его сил к будущей полной победе. Есть буржуазная демократия и буржуазная демократия. И земец-монархист, сторонник верхней палаты, «запрашивающий» всеобщее избирательное право, а втайне, под сурдинку заключающий с царизмом сделку насчёт куцей конституции, есть буржуазный демократ. И крестьянин, с оружием в руках идущий против помещиков и чиновников, «наивно-республикански» предлагающий «прогнать царя», есть тоже буржуазный демократ. Буржуазно-демократические порядки бывают такие, как в Германии, и такие, как в Англии; такие, как в Австрии, и такие, как в Америке или Швейцарии. Хорош был бы тот марксист, который в эпоху демократического переворота прозевал бы эту разницу между степенями демократизма и между различным характером той или иной формы его и ограничивался бы «умничаньем» насчёт того, что всё же это «буржуазная революция», плоды «буржуазной революции».

А ведь именно таких умников, важничающих своей близукошью, представляют из себя наши новоискровцы. Они как раз ограничиваются рассуждениями о буржуазном характере революции там и тогда, где надо уметь провести разницу между республикански-революционной и монархически-либеральной буржуазной демократией, не говоря уже о разнице между последовательным буржуазным и последовательным пролетарским демократизмом. Они удовлетворяются, — точно они и в самом деле стали «человеками в футляре», — меланхолическим разговором о «процессе взаимной борьбы противоположных классов», когда речь идёт о том, чтобы дать *демократическое руководство* в настоящей революции, чтобы подчеркнуть *передовые демократические* лозунги в отличие от предательских лозунгов г-на Струве и К⁰, чтобы указать прямо и резко ближайшие задачи действительно революционной борьбы пролетариата и крестьянства в отличие от либерального маклерства помещиков

и фабрикантов. В этом теперь суть вопроса, которую вы прозвали, господа: в том, завершится ли наша революция действительной грандиозной победой или лишь жалкой сделкой, дойдёт ли она до революционной демократической диктатуры пролетариата и крестьянства или «истечёт силами» на либерально-шиповской конституции!

Может показаться на первый взгляд, что, ставя этот вопрос, мы совсем уклоняемся в сторону от нашей темы. Но так может показаться лишь на первый взгляд. На самом деле, именно в этом вопросе лежит корень того принципиального расхождения, которое вполне обрисовалось уже теперь между социал-демократической тактикой III съезда Российской социал-демократической рабочей партии и тактикой, установленной на конференции новоискровцев. Эти последние сделали уже теперь не два, а три шага назад, воскресив ошибки «экономизма» при решении несравненно более сложных, более важных и более жизненных для рабочей партии вопросов её тактики в момент революции. Вот почему на разборе поставленного вопроса нам необходимо остановиться со всем вниманием.

В выписанной нами части новоискровской резолюции содержится указание на опасность того, как бы социал-демократия не связала себе рук в борьбе с непоследовательной политикой буржуазии, как бы она не растворилась в буржуазной демократии. Мысль об этой опасности проходит красной нитью через всю специфически-новоискровскую литературу, эта мысль есть настоящий гвоздь всей принципиальной позиции в нашем партийном расколе (с тех пор, как элементы дразги в этом расколе отошли совершенно на задний план перед элементами поворота к «экономизму»). И мы без всяких обиняков признаем, что эта опасность действительно существует, что именно теперь, в разгар русской революции, эта опасность стала особенно серьёзна. На нас всех, теоретиков или — про себя я предпочёл бы сказать — публицистов социал-демократии, ложится неотложная и чрезвычайно ответственная задача разобратить, *с которой стороны* грозит на самом деле эта опасность. Ибо источник нашего разногласия заключается не в споре о том, существует ли такая опасность, а в споре о том, порождает ли её так называемый хвостизм «меньшинства» или так называемый революционаризм «большинства».

Чтобы устранить кривотолки и недоразумения, заметим, прежде всего, что опасность, о которой мы говорим, лежит не в субъективной, а в объективной стороне дела, не в формальной позиции, которую займёт социал-демократия в борьбе, а в материальном исходе всей теперешней революционной борьбы. Не в том вопрос, захотят ли те или иные социал-демократические группы раствориться в буржуазной демократии, сознают ли они, что они растворяются, — об этом нет и речи. Подобного желания мы ни у кого из социал-демократов не подозреваем, и не в желании тут вовсе дело. Не в том также вопрос, сохранят ли те или иные социал-демократические группы свою формальную самостоятельность, особность, независимость от буржуазной демократии на всём протяжении революции. Они могут не только заявить об этой «самостоятельности», но и сохранить её формально, и тем не менее *дело может выйти так*, что у них окажутся связанными руки в борьбе с непоследовательностью буржуазии. Окончательный политический итог революции может оказаться тот, что, несмотря на формальную «самостоятельность», несмотря на полную организационную, партийную особность социал-демократии, она на деле окажется несамостоятельной, окажется не в силах наложить на ход событий печать своей пролетарской самостоятельности, окажется настолько слабой, что в общем и целом, в последнем счёте, в окончательном итоге, «растворение» её в буржуазной демократии всё же будет историческим фактом.

Вот в чём состоит действительная опасность. И теперь посмотрим, с которой стороны грозит она: от уклонения ли социал-демократии вправо в лице новой «Искры», как думаем мы, или от уклонения её влево в лице «большинства», «Вперёда» и т. д., как думают новоискровцы.

Решение этого вопроса, как мы указали, определяется объективным сочетанием действия различных общественных сил. Характер этих сил определён теоретически марксистским анализом русской действительности, а теперь он определяется практически открытым выступлением групп и классов в ходе революции. И вот, весь теоретический анализ, задолго до переживаемой эпохи произведённый марксистами, и все практические наблюдения над развитием революционных событий показывают нам, что возможен, с точки зрения объективных условий, двоякий ход и исход

революции в России. Преобразование экономического и политического строя России в буржуазно-демократическом направлении неизбежно и неустранимо. Нет такой силы на земле, которая могла бы помешать такому преобразованию. Но из сочетания действия наличных сил, творящих это преобразование, может получиться двоякий результат или двоякая форма этого преобразования. Одно из двух: 1) или дело кончится «решительной победой революции над царизмом» или 2) для решительной победы сил не хватит, и дело кончится сделкой царизма с наиболее «непоследовательными» и наиболее «своекорыстными» элементами буржуазии. Всё бесконечное разнообразие деталей и комбинаций, предвидеть которые никто не в состоянии, сводится, в общем и целом, именно к тому или другому из этих двух исходов.

Рассмотрим теперь эти исходы, во-первых, с точки зрения их социального значения, и, во-вторых, с точки зрения положения социал-демократии (её «растворения» или «связанности рук» её) при том и другом исходе.

Что такое «решительная победа революции над царизмом»? Мы видели уже, что, употребляя это выражение, новоискровцы не понимают его даже в его ближайшем политическом значении. Ещё менее заметно у них понимания классового содержания этого понятия. Ведь мы, марксисты, никоим образом не должны позволять себе обольщаться *словами*: «революция» или «великая русская революция», как обольщаются ими теперь многие революционные демократы (вроде Гапона). Мы должны дать себе точный отчёт в том, какие же реальные общественные силы противостоят «царизму» (это вполне реальная и вполне понятная для всех сила) и способны одержать «решительную победу» над ним. Такой силой не может быть крупная буржуазия, помещики, фабриканты, «общество», идущее за освобожденцами. Мы видим, что они даже и не хотят решительной победы. Мы знаем, что они не способны, по своему классовому положению, на решительную борьбу с царизмом: слишком тяжёлым ядром на ногах является частная собственность, капитал, земля, чтобы идти на решительную борьбу. Слишком нужен им царизм с его полицейски-бюрократическими и военными силами против пролетариата и крестьянства, чтобы могли они стремиться к уничтожению царизма. Нет, силой, способной одержать «решительную победу

над царизмом», может быть только *народ*, то есть пролетариат и крестьянство, если брать основные, крупные силы, распределяя сельскую и городскую мелкую буржуазию (тоже «народ») между тем и другим. «Решительная победа революции над царизмом» есть *революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства*. От этого вывода, давно указанного «Вперёд», никуда не уйдут наши новоисковцы. Больше некому одержать решительную победу над царизмом.

И такая победа будет именно диктатурой, т. е. она неизбежно должна будет опираться на военную силу, на вооружение массы, на восстание, а не на те или иные, «легальным», «мирным путём», созданные учреждения. Это может быть только диктатура, потому что осуществление преобразований, немедленно и непременно нужных для пролетариата и крестьянства, вызовет отчаянное сопротивление и помещиков, и крупных буржуа, и царизма. Без диктатуры сломить это сопротивление, отразить контрреволюционные попытки невозможно. Но это будет, разумеется, не социалистическая, а демократическая диктатура. Она не сможет затронуть (без целого ряда промежуточных ступеней революционного развития) основ капитализма. Она сможет, в лучшем случае, внести коренное перераспределение земельной собственности в пользу крестьянства, провести последовательный и полный демократизм вплоть до республики, вырвать с корнем все азиатские, кабальные черты не только из деревенского, но и фабричного быта, положить начало серьёзному улучшению положения рабочих и повышению их жизненного уровня, наконец, *last but not least* (последнее по счёту, но не по важности) — перенести революционный пожар в Европу. Такая победа нисколько ещё не делает из нашей буржуазной революции революцию социалистическую; демократический переворот не выйдет непосредственно из рамок буржуазных общественно-экономических отношений; но тем не менее значение такой победы будет гигантское для будущего развития и России и всего мира. Ничто не поднимет до такой степени революционной энергии всемирного пролетариата, ничто не сократит так сильно пути, ведущего к его полной победе, как эта решительная победа начавшейся в России революции.

Насколько вероятна такая победа — вопрос другой. Мы вовсе не склонны к безрассудному оптимизму на этот счёт, мы вовсе

не забываем о громадной трудности этой задачи, но, идя на борьбу, мы должны желать победы и уметь указать настоящий путь к ней. Тенденции, способные привести к этой победе, неоспоримо есть налицо. Правда, наше, социал-демократическое, влияние на массу пролетариата ещё очень и очень недостаточно; революционное воздействие на массу крестьянства совсем ничтожно; разбросанность, неразвитость, темнота пролетариата и особенно крестьянства ещё страшно велики. Но революция быстро сплывает и быстро просвещает. Каждый шаг в её развитии пробуждает массу и с неудержимой силой привлекает её именно на сторону революционной программы, как единственной, выражающей последовательно и цельно её настоящие, кровные интересы.

Закон механики гласит, что действие равно противодействию. В истории разрушительная сила революции тоже в немалой степени зависит от того, насколько сильно и продолжительно было подавление стремления к свободе, насколько глубоко противоречие между допотопной «надстройкой» и живыми силами современной эпохи. И международная политическая ситуация складывается во многих отношениях как нельзя более выгодно для русской революции. Восстание рабочих и крестьян уже началось, оно раздроблено, стихийно, слабо, но оно неоспоримо и безусловно доказывает наличность сил, способных на решительную борьбу и идущих к решительной победе.

Не хватит этих сил, — тогда царизм успеет заключить сделку, которую и готовят уже с двух концов и господа Булыгины и господа Струве. Тогда кончится дело куцей конституцией или даже — на худой из худых концов — пародией на неё. Это будет тоже «буржуазная революция», только выкидыш, недоносок, убудок. Социал-демократия не делает себе иллюзий, она знает предательскую натуру буржуазии, она не падёт духом и не бросит своей упорной, терпеливой, выдержанной работы над классовым воспитанием пролетариата даже в самые серые будни буржуазно-конституционного «шиповского» благоденствия. Такой исход был бы более или менее похож на исход всех почти демократических революций в Европе в течение XIX века, и наше партийное развитие пошло бы тогда по трудной, тяжёлой, долгой, но знакомой и проторённой дорожке.

Спрашивается теперь, при котором же из этих двух возможных исходов социал-демократия окажется фактически со связанными руками против непоследовательной и своекорыстной буржуазии? окажется фактически «растворившейся» или почти растворившейся в буржуазной демократии?

Достаточно ясно поставить этот вопрос, чтобы, не затрудняясь ни на минуту, ответить на него.

Удастся буржуазии сорвать русскую революцию посредством сделки с царизмом, — тогда у социал-демократии фактически руки окажутся именно связанными против непоследовательной буржуазии, — тогда социал-демократия окажется «растворившейся» в буржуазной демократии в том смысле, что пролетариату не удастся наложить своего яркого отпечатка на революцию, не удастся по-пролетарски или, как говорил некогда Маркс, «по-плебейски» разделаться с царизмом.

Удастся решительная победа революции, — тогда мы разделимся с царизмом по-якобински или, если хотите, по-плебейски. «Весь французский терроризм, — писал Маркс в знаменитой «Новой Рейнской Газете» в 1848 г., — был не чем иным, как плебейским способом разделаться с врагами буржуазии, с абсолютизмом, феодализмом и мещанством». Думали ли когда-нибудь о значении этих слов Маркса те люди, которые пугают социал-демократических русских рабочих пугалом «якобинизма» в эпоху демократической революции?

Жирондисты современной русской социал-демократии, новокровцы, не сливаются с освобожденцами, но оказываются фактически, в силу характера своих лозунгов, в хвосте у них. А освобожденцы, т. е. представители либеральной буржуазии, хотят разделаться с самодержавием мягко, по-реформаторски, — уступчиво, не обижая аристократии, дворянства, двора, — осторожно, без всякой ломки, — любезно и вежливо, по-барски, надевая белые перчатки (вроде тех, которые надел с рук башибузука г. Петрункевич на приеме «представителей народа» (?) Николаем Кровавым).

Якобинцы современной социал-демократии, — большевики, вперёдовцы, съездовцы или пролетарцы, не знаю уж, как сказать, — хотят поднять своими лозунгами революционную и республиканскую мелкую буржуазию и особенно крестьянство

до уровня последовательного демократизма пролетариата, сохраняющего свою полную классовую особенность. Они хотят, чтобы народ, т. е. пролетариат и крестьянство, разделался с монархией и аристократией «по-плебейски», беспощадно уничтожая врагов свободы, подавляя силой их сопротивление, не делая никаких уступок проклятому наследию крепостничества, азиатчины, надругательства над человеком.

Это не значит, конечно, чтобы мы хотели обязательно подражать якобинцам 1793 года, перенимать их взгляды, программу, лозунги, способы действия. Ничего подобного. У нас не старая, а новая программа — программа-минимум Российской социал-демократической рабочей партии. У нас новый лозунг: революционная демократическая диктатура пролетариата и крестьянства. У нас будут, коли доживём мы до настоящей победы революции, и новые способы действия, соответствующие характеру и целям стремящейся к полному социалистическому перевороту партии рабочего класса. Мы хотим только пояснить своим сравнением, что представители передового класса XX века, пролетариата, т. е. социал-демократы, разделяются на такие же два крыла (опportunистическое и революционное), на какие разделялись и представители передового класса XVIII века, буржуазии, т. е. жирондисты и якобинцы.

Только в случае полной победы демократической революции у пролетариата не будут связаны руки в борьбе против непоследовательной буржуазии, только в этом случае он не «растворится» в буржуазной демократии, а наложит на всю революцию свой пролетарский или, вернее, пролетарски-крестьянский отпечаток.

Одним словом: чтобы не оказаться со связанными руками в борьбе с непоследовательной буржуазной демократией, пролетариат должен быть достаточно сознателен и силён, чтобы поднять до революционного самосознания крестьянство, чтобы руководить его натиском, чтобы, таким образом, самостоятельно провести последовательно-пролетарский демократизм.

Вот как стоит столь неудачно разрешённый новоискровцами вопрос об опасности остаться со связанными руками в борьбе с непоследовательной буржуазией. Буржуазия всегда будет непоследовательна. Нет ничего наивнее и бесплоднее попыток начертать условия или пункты, при исполнении которых можно

было бы считать буржуазную демократию нелицемерным другом народа. Последовательным борцом за демократизм может быть только пролетариат. Победоносным борцом за демократизм он может оказаться лишь при том условии, если к его революционной борьбе присоединится масса крестьянства. Не хватит на это силы у пролетариата, — буржуазия окажется во главе демократической революции и придаст ей характер непоследовательный и своекорыстный. Помешать этому нет иного средства, кроме революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства.

Таким образом, мы приходим к несомненному выводу, что именно новоискровская тактика, по её объективному значению, *играет на руку буржуазной демократии*. Проповедь организационной расплывчатости, доходящей до плебисцитов, до принципа соглашения, до оторванности партийной литературы от партии, — принижение задач вооружённого восстания, — смешение общенародных политических лозунгов революционного пролетариата и монархической буржуазии, — извращение условий «решительной победы революции над царизмом», — всё это вместе взятое даёт как раз ту политику хвостизма в революционный момент, которая сбивает с толку пролетариат, дезорганизует его и вносит смуту в его сознание, принижает тактику социал-демократии, вместо того, чтобы указывать единственный путь к победе и присоединять к лозунгу пролетариата все революционные и республиканские элементы народа.

Чтобы подтвердить этот вывод, к которому мы пришли на основании разбора резолюции, подойдём к тому же вопросу с других сторон. Посмотрим, во-первых, как иллюстрирует новоискровскую тактику простоватый и откровенный меньшевик в грузинском «Социал-Демократе». Посмотрим, во-вторых, кто пользуется на деле, в данной политической обстановке, лозунгами новой «Искры».

7. ТАКТИКА «ОТСТРАНЕНИЯ КОНСЕРВАТОРОВ ОТ ПРАВИТЕЛЬСТВА»

Упомянутая нами выше статья в органе меньшевистского Тифлисского «комитета» («Социал-Демократ» № 1) называется «Земский собор и наша тактика». Автор её не совсем забыл ещё нашей программы, он выдвигает лозунг республики, но рассуждает он о тактике следующим образом:

«Для достижения этой цели (республики) можно указать два пути: или оставить совсем без внимания созываемый правительством Земский собор и с оружием в руках поразить правительство, составить революционное правительство и создать учредительное собрание. Или — объявить Земский собор центром нашего действия, воздействуя с оружием в руках на его состав, на его деятельность, и силой заставить объявить себя учредительным собранием или через него создать учредительное собрание. Эти две тактики очень резко разнятся друг от друга. Посмотрим же, которая из них выгоднее для нас».

Вот как русские новоискровцы излагают идеи, воплощённые впоследствии в разобранной нами резолюции. Это писано, заметьте, до Цусимы, когда булыгинский «проект» совсем не показывался на свет божий. Даже либералы теряли терпение и выражали своё недоверие на страницах легальной печати, а социал-демократ-новоискровец оказался доверчивее либералов. Он объявляет, что Земский собор «созывается», и настолько верит царю, что этот несуществующий ещё Земский собор (а, может быть, «Государственную думу» или «законосовещательный собор»?) предлагает взять центром нашего действия. Более откровенный и прямолинейный, чем авторы резолюции, принятой на конференции, наш тифлисец не приравнивает обе «тактики» (излагаемые им с неподражаемой наивностью), а объявляет, что вторая «выгоднее». Слушайте:

«Тактика первая. Как вы знаете, предстоящая революция есть революция буржуазная, т. е. она направлена к такому изменению современного строя, в котором (изменении) заинтересован не только пролетариат, но и всё буржуазное общество. В оппозиции к правительству стоят все классы, даже сами капиталисты. Борющийся пролетариат и борющаяся буржуазия в некотором смысле вместе идут и вместе нападают на самодержавие с разных сторон. Правительство здесь совсем одиноко

и лишено сочувствия общества. Поэтому уничтожить его очень легко. Весь российский пролетариат не настолько ещё сознателен и организован, чтобы один только он мог произвести революцию. Да если бы он мог это сделать, он произвёл бы не буржуазную, а пролетарскую (социалистическую) революцию. Стало быть, в нашем интересе, чтобы правительство осталось без союзников, не могло разъединить оппозицию, не присоединило бы к себе буржуазию и не оставило бы пролетариат изолированным...».

Итак, в интересах пролетариата, чтобы царское правительство не могло разъединить буржуазии и пролетариата! Да не по ошибке ли назван грузинский орган «Социал-Демократом» вместо того, чтобы быть названным «Освобождением»? И заметьте, какая бесподобная философия демократической революции! Разве не видим мы здесь воочию, как бедный тифлисец окончательно сбит с толку резонёрски-хвостистским толкованием понятия: «буржуазная революция»? Он обсуждает вопрос о возможной изолированности пролетариата в демократическом перевороте и *забывает...* забывает о мелочи... о крестьянстве! Из возможных союзников пролетариата он знает и облюбовывает земцев-помещиков и не знает крестьян. И это на Кавказе! Ну, разве не правы мы были, сказав, что новая «Искра» своими рассуждениями опускается до монархической буржуазии вместо того, чтобы поднимать к себе в союзники революционное крестьянство?

«...В противном случае поражение пролетариата и победа правительства неизбежны. И вот самодержавие к этому именно и стремится. Оно, нет сомнения, в своём Земском соборе привлечёт на свою сторону представителей дворянства, земств, городов, университетов и т. п. буржуазных учреждений. Оно постарается задобрить их мелкими уступками и таким образом примирить их с собой. Подкреплённое таким образом оно направит все свои удары на оставшийся одиноким рабочий народ. Наша обязанность — предотвратить такой несчастный исход. Но разве можно это сделать первым путём? Положим, мы не обратили никакого внимания на Земский собор, а начали сами готовиться к восстанию и в один прекрасный день вышли вооружённые на улицу на борьбу. И вот, здесь перед нами не один, а два врага: правительство и Земский собор. В то время, как мы готовились, они успели сговориться, войти в соглашение между собою, выработать выгодную для них конституцию и поделили между собою власть. Это прямо выгодная

для правительства тактика, и мы должны самым энергичным образом отказаться от неё...».

Вот это откровенно! Надо отказаться решительно от «тактики» подготовки восстания, потому что «в это время» правительство войдёт в сделку с буржуазией! Можно ли в старой литературе самого заядлого «экономизма» найти хоть что-либо, приближающееся к такому опозорению революционной социал-демократии? То здесь, то там происходящие восстания и вспышки рабочих и крестьян — факт. Земский собор — булыгинский посул. И «Социал-Демократ» из города Тифлиса решает: отказаться от тактики готовить восстание и ждать «центра воздействия» — Земского собора...

«...Вторая тактика, наоборот, заключается в том, чтобы поставить Земский собор под наш надзор, не дать ему возможности действовать по своей воле и войти в соглашение с правительством.

Мы поддерживаем Земский собор постольку, поскольку он борется с самодержавием, и боремся с ним в тех случаях, когда он примиряется с самодержавием. Энергичным вмешательством и силой мы разъединяем депутатов между собой, радикалов присоединяем к себе, консерваторов отстраняем от правительства и таким образом весь Земский собор ставим на революционный путь. Благодаря такой тактике правительство останется постоянно одиноким, оппозиция сильной, и тем облегчится установление демократического строя».

Да, да! Пусть говорят теперь, что мы преувеличиваем поворот новоискровцев к вульгарнейшему подобию «экономизма». Ведь это уже прямо вроде знаменитого порошка против мух: поймать муху, посыпать на неё, и околеет. Разъединить *силой* депутатов Земского собора, «отстранить консерваторов от правительства» — и *весь* Земский собор встанет на *революционный путь*... Без всякого «якобинского» вооружённого восстания, а так себе, благородно, почти по-парламентски, «воздействуя» на *членов Земского собора*.

Бедная Россия! Про неё говорили, что она всегда носит старомодные и выкинутые Европой шляпки. Парламента ещё у нас нет, его даже и Булыгин не посулил, а парламентского кретинизма сколько угодно.

«...Как должно произойти это вмешательство? Прежде всего, мы потребуем, чтобы Земский собор был создан путём всеобщего,

равного, прямого избирательного права с тайной подачей голосов. Вместе с оглашением такого порядка выборов должна быть узаконена полная свобода предвыборной агитации, т. е. свобода собраний, слова, печати, неприкосновенность избирателей и избираемых и освобождение всех политических преступников. Сами выборы должны быть назначены как можно позже, чтобы у нас оказалось достаточно времени для ознакомления и подготовки народа. И так как выработка правил по созыву Собора поручена комиссии министра внутренних дел Булыгина, мы должны воздействовать и на эту комиссию и на её членов. Если булыгинская комиссия откажется удовлетворить наши требования и право избрания депутатов предоставит одним имущим, тогда мы должны вмешаться в эти выборы и революционным путём заставить избирателей выбрать передовых кандидатов и на Земском соборе потребовать учредительного собрания. Наконец, всевозможными мерами: демонстрациями, стачками и, если нужно будет, восстанием заставить Земский собор созвать учредительное собрание или объявить таковым себя. Защитником учредительного собрания должен быть вооружённый пролетариат, и оба вместе пойдут к демократической республике.

Такова социал-демократическая тактика и только она обеспечит нам победу».

Пусть не думает читатель, что весь этот невероятный вздор есть простая проба пера какого-либо неответственного и невлиятельного новоискровца. Нет, это говорится в *органе* целого комитета новоискровцев, Тифлисского. Мало того. Этот вздор *прямо одобрен «Искрой»*, в сотом номере которой мы читаем про этот «Социал-Демократ»:

«Живо и талантливо редактирован номер первый. Заметна опытная, умелая рука редактора-писателя... Можно с уверенностью сказать, что газета блестяще исполнит поставленную себе задачу».

Да! Если эта задача состоит в том, чтобы показать всем и каждому наглядно полное идейное разложение новоискровства, то она выполнена действительно «блестяще». Более «живо, талантливо и умело» выразить принижение новоискровцев до либерально-буржуазного оппортунизма никто не сумел бы.

8. ОСВОБОЖДЕНСТВО И НОВОИСКРОВСТВО

Теперь перейдём к другому наглядному подтверждению политического значения новоискровства.

В замечательной, превосходной, поучительнейшей статье «Как найти себя» (№ 71 «Освобождения») г. Струве идёт войной на «программный революционизм» наших крайних партий. Мною лично г. Струве особенно недоволен. Что касается меня, то я как нельзя более доволен г-ном Струве: лучшего союзника в борьбе с возрождающимся «экономизмом» новоискровцев и с полной беспринципностью «социалистов-революционеров» я не мог бы и желать. Каким образом г. Струве и «Освобождение» практически доказали всю реакционность «поправок» к марксизму, сделанных в проекте программы социалистов-революционеров, об этом мы поговорим как-нибудь в другой раз. Как г. Струве всякий раз, когда он *принципиально* одобрял новоискровцев, служил мне верную, честную и истинную службу, об этом мы говорили уже неоднократно и скажем сейчас ещё раз.

В статье г-на Струве есть целый ряд интереснейших заявлений, которые мы можем здесь отметить лишь мимоходом. Он собирается «создать русскую демократию, опираясь не на борьбу, а на сотрудничество классов», причём «социально-привилегированная интеллигенция» (вроде «культурного дворянства», перед которым г. Струве расшаркивается с грациозностью истинно светского... лакея) принесёт «вес своего социального положения» (вес денежного мешка) в эту «неклассовую» партию. Г. Струве выражает желание знакомить молодёжь с негодностью «радикального трафарета о том, что буржуазия испугалась и продала пролетариат и дело свободы» (от всей души приветствуем это желание. Ничто не подтвердит так этого марксистского «трафарета», как война с ним г-на Струве. Пожалуйста, г. Струве, не откладывайте в долгий ящик своего великолепного плана!).

Нам важно для нашей темы отметить, с какими *практическими* лозунгами воюет в настоящее время такой политически-чуткий и отзывчивый на малейшую перемену погоды представитель русской буржуазии. Во-первых, с лозунгом республиканизма. Г. Струве твёрдо убеждён, что этот лозунг «непонятен и чужд народной массе» (он забывает добавить: понятен, но невыгоден

буржуазии!). Мы бы желали посмотреть, какой ответ получил бы г. Струве от рабочих в наших кружках и на наших массовках! Или рабочие не народ? А крестьяне? У них бывает, по словам г. Струве, «наивный республиканизм» («прогнать царя»), — но либеральная буржуазия верит в то, что на смену *наивного* республиканизма придёт не сознательный республиканизм, а сознательный монархизм! *Ça dépend*, г. Струве, это ещё зависит от обстоятельств. И царизм и буржуазия не могут не противодействовать коренному улучшению положения крестьян на счёт помещичьей земли, а рабочий класс не может не содействовать в этом крестьянству.

Во-вторых, г. Струве уверяет, что «в гражданской войне нападающий всегда окажется неправым». Эта идея вплотную подходит к показанным выше тенденциям новоискровства. Мы не скажем, конечно, чтобы в гражданской войне *всегда* было выгодно нападать; нет, иногда оборонительная тактика *на время* обязательна. Но выставлять такое положение, которое дал г. Струве, в применении к России 1905 года, значит как раз показывать кусочек «радикального трафарета» («буржуазия пугается и продаёт дело свободы»). Кто не хочет теперь нападать на самодержавие, на реакцию, кто не готовится к этому нападению, кто не проповедует его, — тот всеу приемлет имя сторонника революции.

Г. Струве осуждает лозунги: «конспирация» и «бунт» (это «восстание в миниатюре»). Г. Струве презирает и то и другое — с точки зрения «доступа к массам»! Мы бы спросили г-на Струве: укажет ли он проповедь бунта в таком, напр., произведении безмерного, на его взгляд, революционера, как «Что делать?». А насчёт «конспирации» велико ли различие, напр., между нами и г. Струве? Не оба ли мы работаем в «нелегальной» газете, «конспиративно» провозимой в Россию и служащей «тайным» группам «Союза освобождения» или РСДРП? Наши рабочие массовки часто «конспиративны», — есть тот грех. А собрания гг. освобожденных? Есть ли вам чем чваниться, г. Струве, перед презренными сторонниками презренной конспирации?

Правда, конспирация сугубая требуется с доставкой оружия рабочим. Вот тут уже г. Струве выступает прямее. Слушайте: «Что касается вооружённого восстания или революции в техническом смысле, то только массовая пропаганда демократической

программы может создать социально-психические условия всеобщего вооружённого восстания. Таким образом, даже с той, мною неразделяемой, точки зрения, которая вооружённое восстание считает *неизбежным* завершением современной борьбы за освобождение, — пропитывание масс идеями демократического преобразования есть самое основное, самое нужное дело».

Г. Струве старается уклониться от вопроса. Он говорит о неизбежности восстания вместо того, чтобы говорить о необходимости его для победы революции. Восстание, неподготовленное, стихийное, раздробленное, уже началось. Безусловно поручиться за то, что оно дойдёт до цельного и целостного вооружённого народного восстания, никто не сможет, ибо это зависит и от состояния революционных сил (вполне измеряемых только на самой борьбе), и от поведения правительства и буржуазии, и от ряда других обстоятельств, учесть которые точно невозможно. О неизбежности, в смысле той абсолютной уверенности в конкретном событии, на которую сворачивает речь г. Струве, не к чему и говорить. Говорить надо, если вы хотите быть сторонником революции, о том, *необходимо* ли восстание *для победы* революции, необходимо ли активно выдвигать его, проповедовать, готовить немедленно и энергично. Г. Струве не может не понимать этой разницы: он ведь, напр., не заслоняет же бесспорного для демократа вопроса о необходимости всеобщего избирательного права спорным и ненасущным для политического деятеля вопросом о неизбежности его приобретения в течение данной революции. Уклоняясь от вопроса о необходимости восстания, г. Струве выражает этим глубочайшую подоплёку политической позиции либеральной буржуазии. Буржуазия, во-первых, предпочитает сторговаться с самодержавием, чем раздавить его; буржуазия во всяком случае сваливает борьбу с оружием в руках на рабочих (это во-вторых). Вот какое *реальное* значение имеет уклончивость г. Струве. Вот почему он *пятится назад* от вопроса о необходимости восстания к вопросу о его «социально-психических» условиях, о предварительной «пропаганде». Точь-в-точь, как буржуазные болтуны во Франкфуртском парламенте 1848 года занимались сочинением резолюций, деклараций, решений, «массовой пропагандой» и подготовкой «социально-психических условий» в такое время, когда дело шло об отпоре вооружённой силе правительства, когда

движение «привело к необходимости» вооружённой борьбы, когда одно словесное воздействие (стократ нужное в подготовительный период) превратилось в пошлую, буржуазную бездеятельность и трусость, — точно так же и г. Струве увильивает от вопроса о восстании, прикрываясь *фразами*. Г. Струве наглядно показывает нам то, чего упорно не видят многие социал-демократы, именно: революционный момент тем и отличается от обыкновенных, будничных, подготовительных исторических моментов, что настроение, возбуждение, убеждение масс должны проявляться и проявляются в *действии*.

Вульгарный революционаризм не понимает того, что слово тоже есть дело; это положение бесспорное для приложения к истории *вообще* или к тем эпохам истории, когда открытого политического выступления масс нет, а его никакие путчи не заменят и искусственно не вызовут. Хвостизм революционеров не понимает того, что, когда начался революционный момент, когда старая «надстройка» треснула по всем швам, когда открытое политическое выступление классов и масс, творящих себе новую надстройку, стало фактом, когда гражданская война началась, — тогда ограничиваться *по-старому* «словом», не давая *прямого лозунга* перейти к «делу», тогда отговариваться от дела ссылкой на «психические условия» да на «пропаганду» вообще есть безжизненность, мертвенность, резонёрство, или же предательство революции и измена ей. Франкфуртские болтуны демократической буржуазии — незабвенный исторический образчик такого предательства или такого резонёрского тупоумия.

Хотите ли вы пояснения этой разницы между вульгарным революционаризмом и хвостизмом революционеров на истории социал-демократического движения в России? Мы вам дадим такое пояснение. Припомните 1901–1902 годы, которые миновали так недавно и которые кажутся уже нам теперь каким-то отдалённым преданием. Начались демонстрации. Вульгарный революционаризм поднял крик о «штурме» («Рабочее Дело»), выпускались «кровавые листки» (берлинского, если память мне не изменяет, происхождения), нападали на «литературщину» и кабинетный характер идеи всероссийской агитации посредством газеты (Надеждин). Хвостизм революционеров выступал тогда,

наоборот, с проповедью, что «экономическая борьба есть *лучшее* средство для политической агитации». Как держалась революционная социал-демократия? Она нападала на оба эти течения. Она осуждала вспышкопускательство и крики о штурме, ибо все ясно видели или должны были видеть, что открытое массовое выступление есть дело завтрашнего дня. Она осуждала хвостизм и выставляла прямо лозунг *даже* всенародного вооружённого восстания, не в смысле прямого призыва (призыва к «бунту» не нашёл бы у нас г. Струве в те времена), а в смысле *необходимого* вывода, в смысле «пропаганды» (о которой г. Струве только теперь вспомнил, — он всегда опаздывает несколькими годами, наш почтенный г. Струве), в смысле подготовки тех именно «социально-психических условий», о которых теперь представители растерянной, торгашеской буржуазии разглагольствуют «грустно и некстати». *Тогда* пропаганда и агитация, агитация и пропаганда действительно выдвигались объективным положением вещей на первый план. *Тогда* оселком работы по подготовке восстания могла выставляться (и выставлялась в «Что делать?») работа над общерусской политической газетой, еженедельный выпуск которой казался идеалом. *Тогда* лозунги: массовая агитация *вместо* непосредственных вооружённых выступлений; подготовка социально-психических условий восстания *вместо* вспышкопускательства — были единственно правильными лозунгами революционной социал-демократии. *Теперь* эти лозунги превзойдены событиями, движение ушло вперёд, они стали хламом, ветошью, годной только для прикрытия освобожденского лицемерия да новоискровского хвостизма!

Или, может быть, я ошибаюсь? Может быть, революция ещё не началась? Момент открытого политического выступления классов ещё не пришёл? Гражданской войны ещё нет, и критика оружия не должна теперь же явиться *необходимым* и обязательным преемником, наследником, душеприказчиком, завершителем оружия критики?

Посмотрите вокруг себя, высуньтесь из кабинета на улицу, чтобы ответить на эти вопросы. Разве само правительство не начало уже гражданской войны, массами расстреливая повсюду мирных и безоружных граждан? Разве не выступают вооружённые чёрные сотни как «аргумент» самодержавия? Разве

буржуазия — даже буржуазия — не создала необходимости гражданской милиции? Разве тот самый г. Струве, идеально-умеренный и аккуратный г. Струве, не говорит (увы, только говорит, чтобы отговориться!) о том, что «открытый характер революционных действий» (вот мы как нынче!) «в настоящее время есть одно из важнейших условий воспитательного влияния на народные массы»?

У кого есть глаза, чтобы видеть, тот не может усомниться в том, как должен быть поставлен теперь сторонниками революции вопрос о вооружённом восстании. Посмотрите же на *три* постановки этого вопроса, данные в сколько-нибудь способных влиять на *массы* органах свободной печати.

Постановка первая. Резолюция III съезда Российской социал-демократической рабочей партии*. Признано и заявлено во всеуслышание, что общедемократическое революционное движение *уже привело к необходимости* вооружённого восстания. Организация пролетариата для восстания поставлена на очередь дня, как одна из существенных, главных и *необходимых* задач партии. Поручено принять *самые энергичные* меры для вооружения пролетариата и обеспечения возможности непосредственного руководства восстанием.

Вот её полный текст:

«Принимая во внимание:

- 1) что пролетариат, будучи по положению своему наиболее передовым и единственным последовательно-революционным классом, тем самым призван сыграть руководящую роль в общедемократическом революционном движении России;
- 2) что это движение в настоящий момент уже привело к необходимости вооружённого восстания;
- 3) что пролетариат неизбежно примет в этом восстании самое энергичное участие, которое определит судьбу революции в России;
- 4) что руководящую роль в этой революции пролетариат может сыграть лишь будучи сплочён в единую и самостоятельную политическую силу под знаменем социал-демократической рабочей партии, руководящей не только идейно, но и практически его борьбой;
- 5) что только выполнение такой роли может обеспечить за пролетариатом наиболее выгодные условия для борьбы за социализм против имущих классов буржуазно-демократической России, —

Третий съезд РСДРП признаёт, что задача организовать пролетариат для непосредственной борьбы с самодержавием путём вооружённого восстания является одной из самых главных и неотложных задач партии в настоящий революционный момент.

Поэтому съезд поручает всем партийным организациям:

а) выяснять пролетариату путём пропаганды и агитации не только политическое значение, но и практически-организационную сторону предстоящего вооружённого восстания,

б) выяснять при этой пропаганде и агитации роль массовых политических стачек, которые могут иметь важное значение в начале и в самом ходе восстания,

в) принять самые энергичные меры к вооружению пролетариата, а также к выработке плана вооружённого восстания и непосредственного руководства таковым, создавая для этого, по мере надобности, особые группы из партийных работников». (Примечание автора к изданию 1907 г. *Ред.*)

Постановка вторая. Принципиальная статья в «Освобождении» «вождя русских конституционалистов» (так назвал недавно г-на Струве столь влиятельный орган европейской буржуазии, как «Франкфуртская Газета»), или вождя русской прогрессивной буржуазии. Мнение о неизбежности восстания им не разделяется. Конспирация и бунт — специфические приёмы неразумного революционизма. Республиканизм — метод оглушения. Вооружённое восстание — вопрос, собственно, только технический, тогда как «самое основное, самое нужное дело» — массовая пропаганда и подготовка социально-психических условий.

Постановка третья. Резолюция новоискровской конференции. Наша задача — готовить восстание. Возможность планомерного восстания исключается. Благоприятные условия для восстания создаются правительственной дезорганизацией, нашей агитацией, нашей организацией. Лишь тогда «могут приобрести более или менее серьёзное значение технически-боевые приготовления».

И только? И только. Стало ли восстание необходимым, этого новоискровские руководители пролетариата ещё не знают. Неотложна ли задача организовать пролетариат для непосредственной борьбы, — для них ещё не ясно. Не нужно звать к принятию самых энергичных мер, гораздо важнее (в 1905, а не в 1902 году) разъяснить в общих чертах, при каких условиях эти меры «могут» приобрести «более или менее серьёзное» значение...

Видите ли вы теперь, товарищи новоискровцы, куда привёл вас ваш поворот к мартыновщине? Понимаете ли вы, что ваша политическая философия оказалась перепевом философии освобожденской? — что вы оказались (против вашей воли и помимо вашего сознания) в хвосте монархической буржуазии? Ясно ли вам теперь, что, твердя зады и совершенствуясь в резонёрстве, вы пропустили то обстоятельство, что — говоря незабвенными словами незабвенной статьи Петра Струве — «открытый характер революционных *действий* в настоящее время есть одно из важнейших условий воспитательного влияния на народные массы»?

9. ЧТО ЗНАЧИТ БЫТЬ ПАРТИЕЙ КРАЙНЕЙ ОППОЗИЦИИ ВО ВРЕМЯ РЕВОЛЮЦИИ?

Вернёмся к резолюции о временном правительстве. Мы показали, что тактика новоискровцев двигает революцию не вперёд, — возможность чего они хотели бы обеспечить своей резолюцией, — а назад. Мы показали, что именно эта тактика *связывает руки* социал-демократии в борьбе с непоследовательной буржуазией и не предохраняет от растворения в буржуазной демократии. Понятно, что из ложных посылок резолюции получается ложный вывод: «Поэтому социал-демократия не должна ставить себе целью захватить или разделить власть во временном правительстве, а должна оставаться партией крайней революционной оппозиции». Посмотрите на первую половину этого вывода, относящуюся к постановке целей. Ставят ли новоискровцы целью социал-демократической деятельности решительную победу революции над царизмом? — Ставят. Они не умеют правильно формулировать условия решительной победы, сбиваясь на «освободенскую» формулировку, но указанную цель они ставят. Далее, связывают ли они временное правительство с восстанием? — Да, прямо связывают, говоря, что временное правительство «выходит из победоносного народного восстания». Наконец, ставят ли они себе целью руководить восстанием? — Да, они уклоняются, подобно г. Струве, от признания восстания необходимым и неотложным, но они говорят в то же время, в отличие от г. Струве, что «социал-демократия

стремится *подчинить* его (восстание) своему влиянию и *руководству* и использовать в интересах рабочего класса».

Не правда ли, как это связано выходит? Мы ставим себе *целью* подчинить восстание и пролетарских и *непролетарских* масс нашему влиянию, нашему руководству, использовать его в наших интересах. Мы ставим себе целью, следовательно, руководить при восстании и пролетариатом, и революционной буржуазией, и мелкой буржуазией («непролетарские группы»), т. е. «*разделить*» руководство восстанием между социал-демократией и революционной буржуазией. Мы ставим себе целью *победу* восстания, должностную привести к учреждению временного правительства («вышедшего из победоносного народного восстания»). *Поэтому...* поэтому мы не должны ставить себе целью захватить или разделить власть во временном революционном правительстве!!

Наши друзья никак не могут свести концов с концами. Они колеблются между точкой зрения г. Струве, отговаривающегося от восстания, и точкой зрения революционной социал-демократии, призывающей взяться за эту неотложную задачу. Они колеблются между анархизмом, принципиально осуждающим, как измену пролетариату, всякое участие во временном революционном правительстве, и марксизмом, требующим такого участия при условии руководящего влияния социал-демократии на восстание. У них нет никакой самостоятельной позиции: ни позиции г. Струве, который желает сторговаться с царизмом и потому должен уклоняться и влиять по вопросу о восстании; — ни позиции анархистов, которые осуждают всякое действие «сверху» и всякое участие в буржуазной революции. Новоискровцы смешивают сделку с царизмом и победу над царизмом. Они хотят участвовать в буржуазной революции. Они несколько ушли вперёд от «Двух диктатур» Мартынова. Они согласны даже руководить восстанием народа, — с тем, чтобы отказаться от этого руководства тотчас после победы (или, может быть, непосредственно перед победой?), то есть с тем, *чтобы не пользоваться плодами победы*, а отдать все плоды *целиком буржуазии*. Это называют они «использовать восстание в интересах рабочего класса»... Останавливаться дольше на этой путанице нет надобности. Полезнее рассмотреть *происхождение* этой путаницы в той формулировке её, которая гласит: «оставаться партией крайней революционной оппозиции».

Перед нами одно из знакомых положений международной революционной социал-демократии. Это совершенно верное положение. Оно стало общим местом для всех противников ревизионизма или оппортунизма в парламентских странах. Оно приобрело право гражданства, как законный и необходимый отпор «парламентскому кретинизму», мильеранизму, бернштейнианству, итальянскому реформизму в духе Турати. Наши добрые новоискровцы заучили это хорошее положение и усердно применяют его... *совсем некстати*. Категории парламентской борьбы вставляются в резолюции, писанные для таких условий, когда никакого парламента налицо нет. Понятие «оппозиции», явившееся отражением и выражением такой политической ситуации, когда о *восстании* никто серьёзно не говорит, — переносится бессмысленно на ситуацию, когда восстание *началось* и когда о руководстве им думают и говорят все сторонники революции. Пожелание «*оставаться*» при том же, что и прежде, т. е. при действии только «снизу», высказывается с помпой и треском *как раз тогда*, когда революция поставила вопрос о необходимости, при победе восстания, действовать *сверху*.

Нет, решительно не везёт нашим новоискровцам! Даже тогда, когда они сформулируют верное социал-демократическое положение, они не умеют верно применить его. Они не подумали, как преобразуются и превращаются в свою противоположность понятия и термины парламентской борьбы в эпоху начавшейся революции, при отсутствии парламента, при наличии гражданской войны, при наличии вспышек восстания. Они не подумали, что при условиях, о которых идёт речь, поправки предлагаются посредством уличных демонстраций, интерпелляции вносятся посредством наступательных действий вооружённых граждан, оппозиция правительству осуществляется посредством насильственного ниспровержения правительства.

Как известный герой нашего народного эпоса повторял хорошие советы как раз тогда, когда они неуместны, так и наши поклонники Мартынова повторяют уроки мирного парламентаризма как раз тогда, когда они сами констатируют начало прямых военных действий. Нет ничего курьёзнее, как это выдвигание, с важным видом, лозунга: «крайняя оппозиция» в резолюции, начинающейся указанием на «решительную победу революции», на «народное

восстание»! Сообразите-ка, господа, что значит представлять из себя «крайнюю оппозицию» в эпоху восстания? Значит ли это изобличать правительство или свергать его? Значит ли это вотировать против правительства или наносить поражение его военным силам в открытом сражении? Значит ли это отказывать правительству в пополнении его казны, или это означает революционный захват этой казны для обращения её на нужды восстания, на вооружение рабочих и крестьян, на созыв учредительного собрания? Не начинаете ли вы понимать, господа, что понятие «крайней оппозиции» выражает действия только отрицательные, — изобличать, вотировать против, отказывать? Почему это? Потому, что это понятие относится только к парламентской борьбе и притом в такую эпоху, когда непосредственной целью борьбы никто «решительной победы» не ставит. Не начинаете ли вы понимать, что дело кардинально меняется в этом отношении с того момента, когда начинается решительный натиск политически угнетённого народа по всей линии для отчаянной борьбы за победу?

Рабочие спрашивают нас, надо ли энергично браться за неотложное дело восстания? Как сделать, чтобы начавшееся восстание было победоносно? Как воспользоваться победой? Какую программу можно и должно тогда осуществить? Углубляющие марксизм новоискровцы отвечают: оставаться партией крайней революционной оппозиции... Ну, разве же мы были не правы, назвав этих рыцарей виртуозами филистерства?

10. «РЕВОЛЮЦИОННЫЕ КОММУНЫ» И РЕВОЛЮЦИОННО-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ДИКТАТУРА ПРОЛЕТАРИАТА И КРЕСТЬЯНСТВА

Конференция новоискровцев не удержалась на анархической позиции, до которой договорилась новая «Искра» (только «снизу», а не «снизу и сверху»). Нелепость допущения восстания и недопущения победы и участия во временном революционном правительстве слишком била в глаза. Резолюция ввела поэтому оговорки и ограничения в решение вопроса Мартыновым и Мартовым. Рассмотрим эти оговорки, изложенные в следующей части резолюции:

«Эта тактика («оставаться партией крайней революционной оппозиции»), конечно, нисколько не исключает целесообразности частичного, эпизодического захвата власти и образовании революционных коммун в том или другом городе, в том или другом районе, в исключительных интересах содействия распространению восстания и дезорганизации правительства».

Если так, значит в принципе допускается действие не только снизу, но также и сверху. Значит, выставленное в известном фельетоне Л. Мартова в «Искре» (№ 93) положение ниспровергается, и признаётся правильной тактика газеты «Вперёд»: не только «снизу», а также и «сверху».

Далее, захват власти (хотя бы частичный, эпизодический и т. д.), очевидно, предполагает участие не одной только социал-демократии и не одного пролетариата. Это следует из того, что в демократической революции заинтересован и активно участвует не один пролетариат. Это следует из того, что восстание есть «народное», как говорится в начале разбираемой резолюции, что в нём участвуют и «непролетарские группы» (выражение резолюции конференентов о восстании), т. е. и буржуазия. Значит, тот принцип, что всякое участие социалистов вместе с мелкой буржуазией во временном революционном правительстве есть измена рабочему классу, *выброшен за борт конференцией*, как того добивался «Вперёд». «Измена» не перестаёт быть изменой от того, что действие, её составляющее, есть частичное, эпизодическое, районное и т. п. Значит, приравнение участия во временном революционном правительстве к вульгарному жоресизму *выброшено за борт* конференцией, как того добивался «Вперёд». Правительство не перестаёт быть правительством от того, что его власть распространяется не на много городов, а на один город, не на много районов, а на один район, а равно и от того, как это правительство называется. Таким образом, *принципиальная постановка вопроса*, которую пыталась дать новая «Искра», *покинута конференцией*.

Посмотрим, разумны ли те ограничения, которые ставит конференция принципиально допущенному теперь образованию революционных правительств и участию в таковых. Чем отличается понятие «эпизодический» от понятия «временный», мы не знаем. Боимся, что иностранным и «новым» словом прикрывается

здесь лишь отсутствие ясной мысли. Это *кажется* «глубже», а на самом деле это только темнее и путаннее. Чем отличается «целесообразность» частичного «захвата власти» в городе или районе от участия во временном революционном правительстве всего государства? Разве в числе «городов» нет такого, как Петербург, где имело место 9-ое января? Разве в числе районов нет Кавказа, который больше многих государств? Разве задачи (смущавшие некогда новую «Искру») обращения с тюрьмами, полицией, казначейством и пр. и пр. не встают перед нами при «захвате власти» даже в одном городе, не говоря уже о районе? Никто не станет отрицать, конечно, что при недостатке сил, при неполном успехе восстания, при нерешительной победе его возможны частичные, городские и прочие временные революционные правительства. Но только при чём же это, господа? Не вы ли сами говорите в начале резолюции о «решительной победе революции», о «победоносном народном восстании»? С которых это пор социал-демократы берут на себя дело анархистов: раздроблять внимание и цели пролетариата? направлять его на «частичное», а не на всеобщее, единое, цельное и полное? Предполагая «захват власти» в городе, вы сами говорите о «распространении восстания» — на другой город, смеем думать? на все города, позволено надеяться? Ваши выводы, господа, так же шатки и случайны, противоречивы и путаны, как ваши послышки. Третий съезд РСДРП дал исчерпывающий и ясный ответ на вопрос о временном революционном правительстве вообще. Этот ответ обнимает и все частичные временные правительства. Ответ же конференции, искусственно и произвольно выделяя *часть* вопроса, только *уклоняется* (но безуспешно) от вопроса в целом и вносит сумбур.

Что значит «революционные коммуны»? Отличается это понятие от «временного революционного правительства» и если да, то чем? Этого господа конференты сами не знают. Путаность революционной мысли приводит у них, как это сплошь и рядом бывает, к *революционной фразе*. Да, употребление слова «революционная коммуна» в резолюции представителей социал-демократии есть революционная фраза, и ничего более. Маркс не раз осуждал подобную фразу, когда за «обаятельный» термин *отжившего прошлого* прячут задачи будущего. Обаятельность термина, сыгравшего роль в истории, превращается в подобных

случаях в пустую и вредную мишуру, в погремушку. Нам надо дать рабочим и всему народу ясное и недвусмысленное понятие о том, *зачем* мы хотим учреждения временного революционного правительства? *какие именно преобразования* осуществим мы, если будем решающим образом влиять на власть, завтра же, при победоносном исходе начавшегося уже народного восстания? Вот вопросы, стоящие перед политическими руководителями.

Третий съезд РСДРП отвечает на эти вопросы с полнейшей ясностью, давая полную программу этих преобразований: нашу партийную программу-минимум. А слово «коммуна» не даёт никакого ответа, только засоряя головы каким-то далёким звоном... или пустозвонством. Чем дороже для нас, скажем, Парижская Коммуна 1871 года, тем непозволительнее отделяться ссылкой на неё без разбора её ошибок и её особых условий. Делать это значило бы повторять нелепый пример осмеянных Энгельсом бланкистов, преклонявшихся (в 1874 г., в своём «манифесте») перед каждым актом Коммуны. Что скажет конферент рабочему, когда он спросит его об *этой* «революционной коммуне», упомянутой в резолюции? Он сможет сказать только то, что в истории под этим именем известно такое рабочее правительство, которое не умело и не могло тогда различить элементов демократического и социалистического переворота, которое смешивало задачи борьбы за республику с задачами борьбы за социализм, которое не сумело решить задачи энергичного военного наступления на Версаль, которое ошибочно не захватило французского банка и т. д. Одним словом, — сошлётесь ли вы в своём ответе на Парижскую или на какую иную коммуну, наш ответ будет: это было такое правительство, *каким наше быть не должно*. Хорош ответ, нечего сказать! Не свидетельствует ли это о резонёрстве начётчика и беспомощности революционера, когда практическая программа партии обходится молчанием и некстати начинается в резолюции преподавание истории? Не показывает ли это как раз той ошибки, в которой неудачно старались изобличить нас: смешения демократического и социалистического переворотов, неразличавшихся ни одной из «коммун»?

Целью временного правительства (так некстати названного коммуной) выставляется «исключительно» распространение восстания и дезорганизация правительства. Это «исключительно»

устраняет, по буквальному смыслу слова, всякие другие задачи, являясь отрывкой нелепой теории «только снизу». Подобное устранение других задач есть опять-таки близорукость и недоразумимость. «Революционная коммуна», т. е. революционная власть хотя бы в одном городе неизбежно должна будет выполнять (хотя бы временно, «частично, эпизодически») *все* государственные дела, и прятать тут голову под крыло — верх неразумия. Эта власть должна будет и 8-часовой рабочий день узаконить, и рабочую инспекцию за фабриками учредить, и даровое всеобщее образование поставить, и выборность судей ввести, и крестьянские комитеты учредить и т. д., — одним словом, ряд реформ она должна будет провести непременно. Подводить эти реформы под понятие «содействие распространению восстания» значило бы играть словами и намеренно усиливать неясность там, где нужна полная ясность.

Заключительная часть новоискровской резолюции не даёт нового материала для критики принципиальных тенденций породившегося «экономизма» в нашей партии, но иллюстрирует несколько с иной стороны сказанное выше.

Вот эта часть:

«Только в одном случае социал-демократия по своей инициативе должна была бы направить свои усилия к тому, чтобы овладеть властью и, по возможности, дольше удержать её в своих руках, — именно в том случае, если бы революция перекинулась в передовые страны Западной Европы, в которых достигли уже известной (?) зрелости условия для осуществления социализма. В этом случае ограниченные исторические пределы русской революции могут значительно раздвинуться, и явится возможность выступить на путь социалистических преобразований.

Строя свою тактику в расчёте на сохранение за социал-демократической партией в течение всего революционного периода положения крайней революционной оппозиции ко всем сменяющимся в ходе революции правительствам, социал-демократия всего лучше может подготовиться и к использованию правительственной власти, если она попадёт (??) в её руки».

Основная мысль здесь та, которую неоднократно формулировал «Вперёд», говоривший, что мы не должны бояться (как

боится Мартынов) полной победы социал-демократии в демократической революции, т. е. революционной демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, ибо такая победа даст нам возможность поднять Европу, а европейский социалистический пролетариат, сбросив с себя иго буржуазии, в свою очередь поможет нам совершить социалистический переворот. Но посмотрите, как ухудшена эта мысль в изложении новоискровцев. Не будем останавливаться на частностях, — на той бессмыслице, будто власть может «попасть» в руки сознательной партии, считающей вредной тактикой захват власти, — на том, что в Европе условия для социализма достигли не известной зрелости, а зрелости вообще, — на том, что наша партийная программа не знает никаких социалистических преобразований, а знает лишь социалистический переворот. Возьмём главное и основное отличие мысли «Вперёд» и резолюции. «Вперёд» указывал революционному пролетариату России активную задачу: победить в борьбе за демократию и воспользоваться этой победой для перенесения революции в Европу. Резолюция не понимает этой связи нашей «решительной победы» (не в новоискровском смысле) с революцией в Европе и говорит поэтому не о задачах пролетариата, не о перспективах *его* победы, а об одной из возможностей вообще: «если бы революция перекинулась»... «Вперёд» указывал прямо и определённо — и эти указания вошли в резолюцию III съезда РСДРП, — как именно можно и должно «использовать правительственную власть» в интересах пролетариата, считаясь с тем, что можно осуществить тотчас при данной ступени общественного развития и что необходимо осуществить сначала, как демократическую предпосылку борьбы за социализм. Резолюция и тут безнадёжно тащится в хвосте, говоря: «может подготовиться к использованию», но не умея сказать, *как* может, *как* подготовиться, к *какому* использованию. Мы не сомневаемся, например, что новоискровцы «могут подготовиться к использованию» руководящего положения в партии, но дело-то в том, что до сих пор их опыт этого использования, их подготовка не обнадёживают насчёт превращения возможности в действительность...

«Вперёд» говорил точно, в чём именно состоит реальная «возможность удержать власть в своих руках», — в революционной демократической диктатуре пролетариата и крестьянства,

в их совместной массовой силе, способной перевесить все силы контрреволюции, в их неизбежном совпадении интересов относительно *демократических* преобразований. Резолюция конференции и тут не даёт ничего положительного, только уваливая от вопроса. Ведь возможность удержать власть в России должна обуславливаться составом социальных сил России же, условиями демократического переворота, который у нас сейчас происходит. Ведь победа пролетариата в Европе (а от перенесения революции в Европу до победы пролетариата есть ещё дистанция некоторого размера) вызовет отчаянную контрреволюционную борьбу русской буржуазии, — резолюция новоискровцев ни слова не говорит об этой контрреволюционной силе, значение которой оценено в резолюции III съезда РСДРП. Если бы мы не могли опереться кроме пролетариата и на крестьянство в борьбе за республику и демократию, тогда дело «удержания власти» было бы безнадежно. А если оно не безнадежно, если «решительная победа революции над царизмом» открывает такую возможность, — тогда мы должны указывать на неё, активно звать к её превращению в действительность, давать практические лозунги не только *на случай* перенесения революции в Европу, но и *для* такого перенесения. У хвостистов социал-демократии ссылака на «ограниченные исторические пределы русской революции» прикрывает лишь ограниченность понимания задач этой демократической революции и передовой роли пролетариата в этой революции!

Одно из возражений против лозунга: «революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства» состоит в том, что диктатура предполагает «единую волю» («Искра» № 95), а единой воли у пролетариата с мелкой буржуазией быть не может. Это возражение несостоятельно, ибо оно основано на абстрактном, «метафизическом» толковании понятия «единая воля». Бывает воля единая в одном отношении и неединая в другом. Отсутствие единства в вопросах социализма и в борьбе за социализм не исключает единства воли в вопросах демократизма и в борьбе за республику. Забывать это значило бы забывать логическую и историческую разницу между демократическим и социалистическим переворотом. Забывать это значило бы забывать об *общенародном* характере демократического

переворота: если «общенародный», то, значит, *есть* «единство воли» именно постольку, поскольку этот переворот осуществляет общенародные нужды и потребности. За пределами демократизма не может быть и речи о единстве воли между пролетариатом и крестьянской буржуазией. Классовая борьба между ними неизбежна, но на почве демократической республики эта борьба и будет самой глубокой и самой широкой народной борьбой *за социализм*. У революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства есть, как и у всего на свете, прошлое и будущее. Её прошлое — самодержавие, крепостничество, монархия, привилегии. В борьбе с этим прошлым, в борьбе с контрреволюцией возможно «единство воли» пролетариата и крестьянства, ибо есть единство интересов.

Её будущее — борьба против частной собственности, борьба наёмного рабочего с хозяином, борьба за социализм. Тут единство воли невозможно*. Тут перед нами не дорога от самодержавия к республике, а дорога от мелкобуржуазной демократической республики к социализму.

* Развитие капитализма, еще более широкое и быстрое при свободе, неизбежно положит скорый конец единству воли, — тем более скорый, чем скорее будет раздавлена контрреволюция и реакция.

Конечно, в конкретной исторической обстановке переплетаются элементы прошлого и будущего, смешиваются та и другая дорога. Наёмный труд и его борьба против частной собственности есть и при самодержавии, он зарождается даже при крепостном праве. Но это нисколько не мешает нам логически и исторически отделять крупные полосы развития. Ведь мы же все противоплагаем буржуазную революцию и социалистическую, мы все безусловно настаиваем на необходимости строжайшего различения их, а разве можно отрицать, что в истории отдельные, *частные* элементы того и другого переворота переплетаются? Разве эпоха демократических революций в Европе не знает ряда социалистических движений и социалистических попыток? И разве будущей социалистической революции в Европе не осталось ещё многого и многого доделать в смысле демократизма?

Социал-демократ никогда и ни на минуту не должен забывать о неизбежной классовой борьбе пролетариата за социализм с самой демократической и республиканской буржуазией

и мелкой буржуазией. Это несомненно. Из этого вытекает безусловная обязательность отдельной и самостоятельной строго-классовой партии социал-демократии. Из этого вытекает временный характер нашего «вместе бить» с буржуазией, обязанность строго надзирать «за союзником, как за врагом» и т. д. Всё это тоже не подлежит ни малейшему сомнению. Но из этого смешно и реакционно было бы выводить забвение, игнорирование или пренебрежение насущных по отношению к настоящему, хотя преходящих и временных, задач. Борьба с самодержавием — временная и преходящая задача социалистов, но всякое игнорирование или пренебрежение этой задачей равносильно измене социализму и услуге реакции. Революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства есть безусловно лишь преходящая, временная задача социалистов, но игнорирование этой задачи в эпоху демократической революции прямо реакционно.

Конкретные политические задачи надо ставить в конкретной обстановке. Всё относительно, всё течёт, всё изменяется. Немецкая социал-демократия не ставит в программу требования республики. Там ситуация такова, что этот вопрос вряд ли отделим на практике от вопроса о социализме (хотя и по отношению к Германии Энгельс в замечаниях на проект Эрфуртской программы в 1891 году предостерегал от преуменьшения значения республики и борьбы за республику!). В российской социал-демократии не возникало даже и вопроса о том, чтобы удалить требование республики из программы и из агитации, ибо у нас не может быть и речи о неразрывной связи вопроса о республике с вопросом о социализме. Немецкий социал-демократ 1898 года, не ставящий на первый план вопрос специально о республике, есть явление естественное, не вызывающее ни изумления, ни осуждения. Немецкий социал-демократ, который бы в 1848 г. оставил в тени вопрос о республике, был бы прямым изменником революции. Абстрактной истины нет. Истина всегда конкретна.

Наступит время — кончится борьба с русским самодержавием — минет для России эпоха демократической революции — тогда смешно будет и говорить о «единстве воли» пролетариата и крестьянства, о демократической диктатуре и т. д. Тогда мы подумаем непосредственно о социалистической диктатуре пролетариата и подробнее поговорим о ней. Теперь же партия

передового класса не может не стремиться самым энергичным образом к решительной победе демократической революции над царизмом. А решительная победа и есть не что иное, как революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства.

Примечание

1) Напомним читателю, что в полемике «Искры» с «Вперёд» первая ссылалась, между прочим, на письмо Энгельса к Турати, в котором Энгельс предостерегал (будущего) вождя итальянских реформистов от смешения демократической и социалистической революции. Предстоящая революция в Италии, — писал Энгельс по поводу политического положения Италии в 1894 году, — будет мелкобуржуазная, демократическая, а не социалистическая. «Искра» упрекала «Вперёд» в отступлении от принципа, установленного Энгельсом. Упрёк этот неправилен, ибо «Вперёд» (№ 14) вполне признавал, в общем и целом, правильность теории Маркса о различии трёх главных сил революций XIX века. По этой теории, против старого порядка, самодержавия, феодализма, крепостничества, выступает 1) либеральная крупная буржуазия; 2) радикальная мелкая буржуазия; 3) пролетариат. Первая борется не более как за конституционную монархию; вторая — за демократическую республику; третий — за социалистический переворот. Смещение мелкобуржуазной борьбы за полный демократический переворот с пролетарской борьбой за социалистическую революцию грозит политическим крахом социалисту. Это предостережение Маркса вполне правильно. Но именно лозунг «революционные коммуны» и ошибочен как раз по этой причине, ибо известные в истории коммуны как раз смешивали демократический и социалистический переворот. Напротив, наш лозунг: революционная демократическая диктатура пролетариата и крестьянства всецело гарантирует от этой ошибки. Признавая безусловно буржуазный характер революции, неспособной непосредственно выйти из рамок только демократического переворота, наш лозунг *толкает вперёд* этот, данный, переворот, — стремится придать этому перевороту наиболее выгодные для пролетариата формы, — стремится, следовательно, к наибольшему использованию демократического переворота в целях успешнейшей дальнейшей борьбы пролетариата за социализм.

11. БЕГЛОЕ СРАВНЕНИЕ НЕКОТОРЫХ РЕЗОЛЮЦИЙ III СЪЕЗДА РСДРП И «КОНФЕРЕНЦИИ»

Вопрос о временном революционном правительстве является центральным пунктом тактических вопросов социал-демократии в настоящий момент. Останавливаться столь же подробно на остальных резолюциях конференции нет ни возможности, ни надобности. Мы ограничимся только кратким указанием на несколько пунктов, подтверждающих разобранное нами выше принципиальное различие в тактическом направлении резолюций III съезда РСДРП и резолюций конференции.

Возьмите вопрос об отношении к тактике правительства накануне переворота. Вы найдёте опять-таки целостный ответ на него в резолюции III съезда РСДРП. Эта резолюция учитывает все разнообразные условия и задачи особого момента: и разоблачение лицемерия правительственных уступок, в использование «карикатурных форм народного представительства», и революционное осуществление настоятельных требований рабочего класса (восьмичасовой рабочий день во главе их), и, наконец, отпор чёрным сотням. В резолюциях конференции вопрос разбросан по нескольким отделам: «отпор тёмным силам реакции» упомянут лишь в мотивах резолюции об отношении к другим партиям. Участие в выборах в представительные учреждения рассматривается отдельно от «компромиссов» царизма с буржуазией. Вместо призыва к осуществлению революционным путём восьмичасового рабочего дня особая резолюция с громким названием «об экономической борьбе» повторяет только (после звонких и очень неумных слов о «центральном месте, занятом рабочим вопросом в русской общественной жизни») старый лозунг агитации за «законодательное установление восьмичасового рабочего дня». Недостаточность и отсталость этого лозунга в настоящий момент слишком ясны, чтобы надо было останавливаться на их доказательстве.

Вопрос об открытом политическом выступлении. III съезд учитывает предстоящую *коренную* перемену нашей деятельности. Никким образом нельзя забрасывать конспиративной деятельности и развития конспиративного аппарата: это было бы на руку полиции и донельзя выгодно правительству. Но нельзя уже теперь

не думать и об открытом выступлении. Надо *готовить* немедленно целесообразные формы такого выступления и, следовательно, особые аппараты — менее конспиративные — для этой цели. Надо использовать легальные и полуполигальные общества, чтобы превращать их, по возможности, в опорные пункты будущей открытой социал-демократической рабочей партии в России.

Конференция и тут раздробляет вопрос, не давая никаких цельных лозунгов. Особо высказывает смехотворное поручение Организационной комиссии позаботиться об «испомещении» легальных литераторов. Совсем нелепо постановление о «подчинении своему влиянию тех демократических газет, которые ставят себе целью оказывать содействие рабочему движению». Эту цель ставят себе все наши легальные либеральные газеты, почти сплошь «освобожденные» по направлению. Почему бы редакции «Искры» не начать самой с выполнения своего совета и не показать нам пример, как следует подчинять социал-демократическому влиянию «Освобождение»? Вместо лозунга использовать легальные союзы для создания опорных пунктов *партии* нам дают, во-первых, частный совет о «профессиональных» только союзах (обязательное участие в них членов партии) и, во-вторых, совет руководить «революционными организациями рабочих» = «неоформленными организациями» = «революционными рабочими клубами». Как это «клубы» попали в неоформленные организации, что это за «клубы», — аллах ведает. Перед нами вместо точных и ясных директив высшего учреждения партии какие-то наброски мыслей и черновые заметки литераторов. Никакой цельной картины о начале перехода партии к совершенно иной базе всей её работы не получается.

«Крестьянский вопрос» поставлен совершенно различно съездом партии и конференцией. Съезд выработал резолюцию об «отношении к крестьянскому движению». Конференция — о «работе среди крестьян». В одном случае на первый план выдвинуты задачи руководства в общенациональных интересах борьбы с царизмом всем широким революционно-демократическим движением. В другом случае дело сводится только к «работе» среди особого слоя. В одном случае выдвигается центральный практический лозунг агитации — немедленная организация революционных крестьянских комитетов для проведения всех

демократических преобразований. В другом — «требование образования комитетов» должно быть предъявлено учредительному собранию. Почему мы должны непременно ждать этого учредительного собрания? станет ли оно на деле учредительным? прочно ли оно будет без предварительного и одновременного учреждения революционных крестьянских комитетов? — все эти вопросы упущены из виду конференцией. На всех её решениях так и отражается прослеженная нами общая мысль, что в буржуазной революции мы должны вести только свою специальную работу, не задаваясь целью руководства всем демократическим движением и самостоятельного проведения его. Как «экономисты» постоянно сбивались на то, что социал-демократам — экономическую борьбу, а либералам — политическую, так и новоисковцы сбиваются во всём ходе своих рассуждений на то, что нам — поскромнее уголок в сторонке от буржуазной революции, а буржуазии — активное проведение её.

Наконец, нельзя не отметить и резолюции об отношении к другим партиям. Резолюция III съезда РСДРП говорит о разоблачении всякой ограниченности и недостаточности освободительного движения буржуазии, не задаваясь наивной мыслью перечислить от съезда до съезда все возможные случаи этой ограниченности и провести черту, отделяющую нехороших буржуа от хороших буржуа. Конференция, повторяя ошибку Старовера, ищет упорно такой черты, развивает знаменитую теорию «лакмусовой бумажки». Старовер исходил из очень доброй идеи: поставить буржуазии условия построже. Он забывал только, что всякая попытка наперёд отделить заслуживающих одобрения, соглашения и т. д. буржуазных демократов от незаслуживающих ведёт к «формуле», сейчас же выкидываемой за борт развитием событий и вносящей смуту в пролетарское классовое сознание. Центр тяжести переносится с реального единства в борьбе на заявления, обещания, лозунги. Старовер считал таким коренным лозунгом «всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право». Не прошло и двух лет, — «лакмусова бумажка» доказала свою негодность, лозунг всеобщего избирательного права переняли освобожденные, не только не приближаясь от этого к социал-демократии, а напротив — именно посредством этого лозунга пытаясь ввести в заблуждение рабочих и отвлечь их от социализма.

Теперь новоискровцы выставляют «условия» ещё «строже», «требуют» от врагов царизма «энергичной и недвусмысленной (! ?) поддержки всякого решительного действия организованного пролетариата» и т. д. вплоть до «активного участия в деле народного самовооружения». Черта проведена значительно дальше, — и тем не менее черта эта *опять уже устарела*, сразу оказалась негодной. Почему, напр., отсутствует лозунг республики? Каким образом в интересах «беспощадной революционной войны против всех основ сословно-монархического порядка» социал-демократы «требуют» от буржуазных демократов всего, чего хотите, кроме борьбы за республику?

Что этот вопрос не придирка, что ошибка новоискровцев имеет самое жизненное политическое значение, — доказательство тому «Российский освободительный союз». Эти «враги царизма» вполне подойдут под все «требования» новоискровцев. А между тем мы показали, что освобожденский дух царит в программе (или в беспрограммности) этого «Российского освободительного союза» и что освобожденцы легко могут взять его на буксир. Конференция же заявляет в конце резолюции, что «социал-демократия будет выступать по-прежнему как против *лицемерных друзей народа*, против всех тех политических партий, которые, выставя либеральное и демократическое знамя, отказываются от действительной поддержки революционной борьбы пролетариата». «Российский освободительный союз» не только не отказывается, а усердно предлагает эту поддержку. Есть ли это ручательство за то, что его вожди не «лицемерные друзья народа», хотя бы они были освобожденцы?

Вы видите: сочиняя наперёд «условия» и предъявляя комичные по своему грозному бессилию «требования», новоискровцы сразу ставят себя в смешное положение. Их условия и требования сразу оказываются недостаточными для учёта живой действительности. Их погоня за формулами безнадёжна, ибо никакой формулой не уловишь всех и всяческих проявлений лицемерия, непоследовательности и ограниченности буржуазной демократии. Дело не в «лакусовой бумажке», не в формулах, не в записанных и пропечатанных требованиях, не в разграничении наперёд лицемерных и нелицемерных «друзей народа», а в реальном единстве борьбы, в неослабевающей критике со стороны

социал-демократов каждого «нетвёрдого» шага буржуазной демократии. Для «действительного сплочения всех заинтересованных в демократическом переустройстве общественных сил» нужны не «пункты», над которыми так усердно и так тщетно трудилась конференция, а умение выставить действительно революционные лозунги. Для этого нужны лозунги, поднимающие до уровня пролетариата революционную и республиканскую буржуазию, а не принижающие задачи пролетариата до уровня монархической буржуазии. Для этого нужно энергичнейшее участие в восстании, а не резонёрские отговорки от неотложной задачи вооружённого восстания.

12. ОСЛАБЕЕТ ЛИ РАЗМАХ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ, ЕСЛИ ОТ НЕЁ ОТШАТНЁТСЯ БУРЖУАЗИЯ?

Предыдущие строки были уже написаны, когда мы получили изданные «Искрой» резолюции кавказской конференции новоискровцев. Pour la bonne bouche (для хорошего окончания) мы не могли бы и выдумать лучшего материала.

Редакция «Искры» справедливо замечает: «В основном вопросе тактики кавказская конференция также пришла к решению, *аналогичному*» (истина!) «тому, которое принято на конференции общерусской» (т. е. новоискровской). «Вопрос об отношении социал-демократии к временному революционному правительству решён кавказскими товарищами в смысле самого отрицательного отношения к новому методу, пропагандируемому группой «Вперёд» и примкнувшими к ней делегатами так называемого съезда». «Формулировку тактики пролетарской партии в буржуазной революции, данную конференцией, надо признать *весьма удачной*».

Что правда, то правда. Более «удачной» формулировки коренной ошибки новоискровцев никто не сумел бы дать. Приводим эту формулировку целиком, отмечая сначала в скобках цветочки, а затем и преподнесённые в конце ягодки.

Резолюция кавказской конференции новоискровцев о временном правительстве:

«Считая своей задачей использовать революционный момент для углубления» (ну, конечно! Надо бы добавить: для мартыновского углубления!) «социал-демократического сознания пролетариата» (только для углубления сознания, а не для завоевания республики? Какое «глубокое» понимание революции!), «конференция, в целях обеспечения для партии полнейшей свободы критики нарождающегося буржуазно-государственного строя» (обеспечивать республику не наше дело! Наше дело только обеспечить свободу критики. Анархические идеи порождают и анархический язык: «буржуазно-государственный» строй!), «высказывается против образования социал-демократического временного правительства и вступления в него» (припомните цитированную Энгельсом резолюцию бакунистов за 10 месяцев перед испанской революцией), «а считает наиболее целесообразным оказывать давление извне» (снизу, а не сверху) «на буржуазное временное правительство для усиленной (?!) демократизации государственного строя. Конференция полагает, что образование социал-демократами временного правительства или вступление в него повело бы, с одной стороны, к отпадению от социал-демократической партии широких масс пролетариата, разочаровавшихся в ней, так как социал-демократия, несмотря на захват власти, не сможет удовлетворить насущным нуждам рабочего класса вплоть до осуществления социализма» (республика не насущная нужда! Авторы, в невинности своей, не замечают, что говорят чисто анархическим языком, как будто они отрицали участие в буржуазных революциях!), «с другой, *заставит буржуазные классы отшатнуться от дела революции и тем ослабит её размах*».

Вот где зарыта собака. Вот где анархические идеи переплетаются (как это бывает постоянно и среди западноевропейских бернштейнианцев) с чистейшим оппортунизмом. Подумайте только: не вступать во временное правительство потому, что это заставит буржуазию отшатнуться от дела революции и тем ослабит размах революции! Да ведь тут уже перед нами целиком, в чистом и последовательном виде та новоискровская философия, что-де так как революция буржуазная, то поэтому мы должны преклоняться перед буржуазной пошлостью и уступать ей дорогу. Если мы руководимся, хотя бы отчасти, хотя бы на минуту, тем соображением, что наше участие может заставить буржуазию

отшатнуться, то ведь мы этим целиком уступаем главенство в революции буржуазным классам. Мы этим всецело отдаём пролетариат под опеку буржуазии (оставаясь при полной «свободе критики» !!), заставляя пролетариат быть умеренным и кротким, чтобы не отшатнулась буржуазия. Мы кастрируем насущнейшие нужды пролетариата, именно политические нужды его, которых никогда хорошенько не понимали «экономисты» и их эпигоны, кастрируем ради того, чтобы не отшатнулась буржуазия. Мы целиком переходим с почвы революционной борьбы за осуществление демократизма в пределах, нужных пролетариату, на почву торгашества с буржуазией, покупая своей изменой принципам, изменой революции её, буржуазии, добровольное согласие («чтобы не отшатнулась»).

В двух маленьких строчках кавказские новоискровцы сумели выразить всю суть тактики предательства революции, превращения пролетариата в жалкого прихвостня буржуазных классов. То, что мы вывели выше из ошибок новоискровства как тенденцию, то перед нами возведено теперь в ясный и определённый принцип: в хвосте у монархической буржуазии. Так как осуществление республики заставило бы (и заставляет уже — пример г. Струве) отшатнуться буржуазию, поэтому долой борьбу за республику. Так как буржуазию всегда и во всём мире заставляет отшатнуться всякое энергичное и до конца доходящее демократическое требование пролетариата, поэтому — прячьтесь в норы, товарищи рабочие, действуйте только извне, не думайте пользоваться для революции орудиями и средствами «буржуазно-государственного» строя и сохраняйте за собой «свободу критики».

Основная фальшь в самом понимании термина «буржуазная революция» выступила тут наружу. Мартыновское или новоискровское «понимание» его ведёт напрямик к предательству дела пролетариата в руки буржуазии.

Кто забыл старый «экономизм», кто не изучает, не вспоминает его, тому трудно понять и теперешнюю отрывку «экономизма». Припомните бернштейнианское «Credo». Из «чисто пролетарских» воззрений и программ люди выводили: нам, социал-демократам, экономику, настоящее рабочее дело, свободу критики всякого политиканства, настоящее углубление социал-демократической работы. Им, либералам, политику. Боже упаси впадать

в «революционизм»: это заставит буржуазию отшатнуться. Кто перечтёт целиком «Credo» или отдельное Приложение к № 9 «Рабочей Мысли» (сентябрь 1899 года), тот увидит весь этот ход рассуждения.

Теперь то же самое, только в крупном масштабе, в применении к оценке всей «великой» русской революции, — увы, опошляемой и низводимой до карикатуры уже заранее теоретиками ортодоксального филистерства! Нам, социал-демократам, свободу критики, углубление сознания, действие извне. Им, буржуазным классам, свобода дела, свобода поприща для революционного (читай: либерального) руководства, свобода проведения «реформ» сверху.

Эти вульгаризаторы марксизма никогда не задумывались над словами Маркса о необходимой смене оружия критики критикой оружия. Всеу приемля имя Маркса, они на деле составляют тактические резолюции совершенно в духе франкфуртских буржуазных говорунов, свободно критиковавших абсолютизм, углублявших демократическое сознание и непонимавших, что время революции есть время действия, действия и сверху и снизу. Превратив марксизм в резонёрство, они из идеологии передового, наиболее решительного и энергичного революционного класса сделали идеологию самых неразвитых слоёв его, прячущихся от трудных революционно-демократических задач и предоставляющих эти демократические задачи господам Струве.

Если буржуазные классы отшатнутся, вследствие вступления в революционное правительство социал-демократии, от дела революции, то они тем «ослабят её размах».

Слышите, русские рабочие: размах революции будет сильнее, если её проведут не отпугиваемые социал-демократами господа Струве, которые хотят не победы над царизмом, а сделки с ним. Размах революции будет сильнее, если из двух возможных исходов её, очерченных нами выше, осуществится первый, т. е. если монархическая буржуазия сторгуется с самодержавием на «конституции» вроде шиповской!

Социал-демократы, которые пишут в резолюциях для руководства всей партии такие позорные вещи, или которые одобряют эти «удачные» резолюции, до того ослеплены резонёрством, вытравившим весь живой дух из марксизма, что они не замечают,

как эти резолюции превращают в фразу все их остальные хорошие слова. Возьмите вы любую их статью из «Искры», возьмите даже пресловутую брошюру нашего знаменитого Мартынова, — вы услышите речи о *народном* восстании, о доведении революции *до конца*, о стремлении опереться на *народные низы* в борьбе с непоследовательной буржуазией. Но ведь все эти хорошие вещи превращаются в жалкую фразу с того момента, как вы принимаете или одобряете мысль об «ослаблении», вследствие отчуждения буржуазии, «размаха революции». Одно из двух, господа: или мы с народом должны стремиться провести революцию, одержав полную победу над царизмом, *вопреки* непоследовательной, своекорыстной и трусливой буржуазии; — или мы не допускаем этого «вопреки», мы боимся, как бы не «отшатнулась» буржуазия, и тогда мы предаём пролетариат и народ буржуазии, непоследовательной, своекорыстной и трусливой буржуазии.

Не вздумайте перетолковывать моих слов. Не кричите, что вас обвиняют в сознательном предательстве. Нет, вы так же бессознательно лезли всё время и залезли теперь в болото, как старые «экономисты», влекомые неудержимо и безвозвратно вниз по наклонной плоскости «углубления» марксизма до антиреволюционного, бездушного и безжизненного «умничанья».

От каких реальных общественных сил зависит «размах революции», подумали ли вы об этом, господа? Оставим в стороне силы внешней политики, международных комбинаций, которые сложились очень выгодно для нас теперь, но которые мы все исключаем из рассмотрения, и исключаем справедливо, поскольку вопрос идёт о внутренних силах России. Посмотрите на эти внутренние общественные силы. Против революции стоит самодержавие, двор, полиция, чиновничество, войско, горстка высшей знати. Чем глубже возмущение в народе, тем ненадёжнее становится войско, тем больше колебания в чиновничестве. Далее, буржуазия в общем и целом стоит теперь за революцию, усердствуя с речами о свободе, всё чаще и чаще заговаривая от имени народа и даже от имени революции. Но мы все, марксисты, знаем из теории и наблюдаем ежедневно и ежечасно на примере наших либералов, земцев и освобожденцев, что буржуазия стоит за революцию непоследовательно, своекорыстно, трусливо. Буржуазия неизбежно повернёт, в своей массе, на сторону контрреволюции,

на сторону самодержавия против революции, против народа, как только удовлетворятся её узкие, корыстные интересы, как только «отшатнётся» она от последовательного демократизма (*а она уже теперь отшатывается от него!*). Остаётся «народ», то есть пролетариат и крестьянство: пролетариат один способен идти надёжно до конца, ибо он идёт гораздо дальше демократического переворота. Поэтому пролетариат и борется за республику в первых рядах, с презрением отбрасывая глупые и недостойные его советы считаться с тем, не отшатнётся ли буржуазия. Крестьянство включает в себя массу полупролетарских элементов наряду с мелкобуржуазными. Это делает его тоже неустойчивым, заставляя пролетариат сплотиться в строго классовую партию. Но неустойчивость крестьянства коренным образом отличается от неустойчивости буржуазии, ибо крестьянство в данный момент заинтересовано не столько в безусловной охране частной собственности, сколько в отнятии помещичьей земли, одного из главных видов этой собственности. Не становясь от этого социалистическим, не переставая быть мелкобуржуазным, крестьянство способно стать полным и радикальнейшим сторонником демократической революции. Крестьянство неизбежно станет таковым, если только просвещающий его ход революционных событий не оборвётся слишком рано предательством буржуазии и поражением пролетариата». Крестьянство неизбежно станет, при указанном условии, оплотом революции и республики, ибо только вполне победившая революция сможет дать крестьянству *всё* в области земельных реформ, *всё то*, чего крестьянство хочет, о чём оно мечтает, что действительно необходимо ему (не для уничтожения капитализма, как воображают «социалисты-революционеры», а) для того, чтобы подняться из тины полукрепостничества, из мрака забитости и холопства, чтобы улучшить свои условия жизни настолько, насколько это только допустимо в пределах товарного хозяйства.

Мало того: не только радикальное аграрное преобразование привязывает крестьянство к революции, но и все общие и постоянные интересы крестьянства. Даже в борьбе с пролетариатом крестьянство нуждается в демократии, ибо только демократический строй способен точно выразить его интересы и дать преобладание ему, как массе, как большинству. Чем просвещённее будет

крестьянство (а со времени войны с Японией оно просвещается с такой быстротой, которой не подозревают многие, привыкшие измерять просвещение только школьной меркой), тем последовательнее и решительнее оно будет стоять за полный демократический переворот, ибо ему не страшно, как буржуазии, а выгодно верховенство народа. Демократическая республика станет его идеалом, как только оно станет избавляться от наивного монархизма, ибо сознательный монархизм маклерствующей буржуазии (с верхней палатой и т. д.) означает для крестьянства ту же несправедливость, ту же забитость и темноту, чуть-чуть только подкрашенную европейски-конституционным лаком.

Вот почему буржуазия, как класс, естественно и неизбежно стремится под крылышко либерально-монархической партии, а крестьянство, как масса, — под руководство революционной и республиканской партии. Вот почему буржуазия не способна довести демократической революции до конца, а крестьянство способно довести революцию до конца, и мы должны всеми силами помочь ему в этом.

Мне возразят: это не к чему доказывать, это азбука, это все социал-демократы прекрасно понимают. Нет, этого не понимают те, кто способен говорить об «ослаблении размаха» революции вследствие отпадения от неё буржуазии. Такие люди повторяют заученные слова нашей аграрной программы, но не понимают их значения, ибо иначе они не боялись бы неизбежно вытекающего из всего марксистского мировоззрения и из нашей программы понятия революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, иначе они не ограничивали бы размах великой русской революции размахом буржуазии. Такие люди побивают свои абстрактные марксистские революционные фразы своими конкретными антимарксистскими и антиреволюционными резолюциями.

Кто действительно понимает роль крестьянства в победоносной русской революции, тот не способен был бы говорить, что размах революции ослабевает, когда буржуазия отшатнётся. Ибо на самом деле только тогда начнётся настоящий размах русской революции, только тогда это будет действительно наибольший революционный размах, возможный в эпоху буржуазно-демократического переворота, когда буржуазия отшатнётся

и активным революционером выступит масса крестьянства наряду с пролетариатом. Для того, чтобы быть последовательно доведённой до конца, наша демократическая революция должна опереться на такие силы, которые способны парализовать неизбежную непоследовательность буржуазии (т. е. способны именно «заставить её отшатнуться», чего боятся, по недомыслию, кавказские сторонники «Искры»).

Пролетариат должен провести до конца демократический переворот, присоединяя к себе массу крестьянства, чтобы раздавить силой сопротивление самодержавия и парализовать неустойчивость буржуазии. Пролетариат должен совершить социалистический переворот, присоединяя к себе массу полупролетарских элементов населения, чтобы сломить силой сопротивление буржуазии и парализовать неустойчивость крестьянства и мелкой буржуазии. Таковы задачи пролетариата, которые так узко представляют новоискровцы во всех своих рассуждениях и резолюциях о размахе революции.

Не надо забывать только одного обстоятельства, часто упускаемого из виду при рассуждениях на тему об этом «размахе». Не надо забывать, что речь идёт не о трудностях задачи, а о том, на каком пути искать и добиваться решения её. Речь идёт не о том, легко или трудно сделать размах революции могучим и непобедимым, а о том, как поступать следует для усиления этого размаха. Расхождение касается именно основного характера деятельности, самого направления её. Мы подчёркиваем это, потому что невнимательные и недобросовестные люди слишком часто смешивают два различных вопроса: вопрос о направлении пути, т. е. о выборе одного из двух различных путей, и вопрос о лёгкости осуществления цели или близости её осуществления на данном пути.

Этого последнего вопроса мы совершенно не касались в предыдущем изложении, ибо этот вопрос не вызывал у нас разногласий и расхождения внутри партии. Но, разумеется, сам по себе вопрос этот крайне важен и заслуживает серьёзного внимания всех социал-демократов. Было бы непозволительным оптимизмом забывать о тех трудностях, которые связаны с вовлечением в движение массы не только рабочего класса, но и крестьянства. Именно об эти трудности славились не раз усилия довести до конца демократическую революцию, причём торжествовала всего более

непоследовательная и своекорыстная буржуазия, которая и «приобретала капитал» монархической защиты от народа и «соблюдала невинность» либерализма... или «освобожденства». Но трудность не есть неисполнимость. Важна уверенность в правильном выборе пути, и эта уверенность усиливает стократ революционную энергию и революционный энтузиазм, способные совершать чудеса.

До какой степени глубоко расхождение между современными социал-демократами по вопросу о выборе пути, видно сразу из сопоставления кавказской резолюции новоискровцев и резолюции III съезда Российской социал-демократической рабочей партии. Резолюция съезда говорит: буржуазия непоследовательна, она непременно будет стараться отнять у нас завоевания революции. Поэтому готовьтесь энергичнее к борьбе, товарищи рабочие, вооружайтесь, привлекайте на свою сторону крестьянство. Мы не уступим своекорыстной буржуазии наших революционных завоеваний без боя, Резолюция кавказских новоискровцев говорит: буржуазия непоследовательна, она может отшатнуться от революции. Поэтому, товарищи рабочие, не думайте, пожалуйста, об участии во временном правительстве, ибо тогда буржуазия наверное отшатнётся и размах революции будет от этого слабее!

Одни говорят: двигайте революцию вперёд, до конца, вопреки сопротивлению или пассивности непоследовательной буржуазии.

Другие говорят: не думайте о самостоятельном проведении революции до конца, ибо от неё отшатнётся тогда непоследовательная буржуазия.

Разве перед нами не два диаметрально противоположные пути? Разве не очевидно, что одна тактика безусловно исключает другую? Что первая тактика есть единственно верная тактика революционной социал-демократии, а вторая в сущности тактика чисто освободительная?

13. ЗАКЛЮЧЕНИЕ. СМЕЕМ ЛИ МЫ ПОБЕДИТЬ?

Люди, поверхностно знакомые с положением дел в российской социал-демократии или судящие со стороны, не знающие истории всей нашей внутрипартийной борьбы со времени «экономизма», очень часто отделяются и от определившихся теперь, особенно

после III съезда, тактических разногласий простой ссылкой на две естественные, неизбежные, вполне примиримые тенденции всякого социал-демократического движения. С одной стороны, дескать, усиленное подчёркивание обычной, текущей, повседневной работы, необходимости развивать пропаганду и агитацию, готовить силы, углублять движение и т. д. С другой стороны, подчёркивание боевых, общеполитических, революционных задач движения, указание на необходимость вооружённого восстания, выдвигание лозунгов: революционно-демократическая диктатура, временное революционное правительство. Ни той, ни другой стороны не следует преувеличивать, ни там, ни здесь (как и вообще нигде на свете) нехороши крайности и т. д. и т. п.

Дешёвые истины житейской (и «политической» в кавычках) мудрости, которые, несомненно, имеются в подобных рассуждениях, слишком часто прикрывают, однако, непонимание насущных, наболевших нужд партии. Возьмите современные тактические разногласия среди русских социал-демократов. Разумеется, само по себе усиленное подчёркивание повседневной, будничной стороны работы, которое мы видим в новоискровских рассуждениях о тактике, ничего опасного не могло бы ещё представить и никакого расхождения в тактических лозунгах не могло бы вызвать. Но достаточно сравнить резолюции III съезда Российской социал-демократической рабочей партии с резолюциями конференции, чтобы это расхождение бросилось в глаза.

В чём же дело? А в том, во-первых, что мало одного общего, абстрактного указания на две струи в движении и на вред крайностей. Надо знать конкретно, чем страдает данное движение в данный момент, в чём теперь заключается реальная политическая опасность для партии. Во-вторых, надо знать, каким реальным политическим силам подливают воду на мельницу те или иные тактические лозунги, — может быть, то или иное отсутствие лозунгов. Послушайте новоискровцев — и вы придёте к выводу, что партии социал-демократии грозит опасность выкинуть за борт пропаганду и агитацию, экономическую борьбу и критику буржуазной демократии, увлечься не в меру военной подготовкой, вооружёнными нападениями, захватом власти и т. д. На самом же деле реальная опасность грозит партии совсем с другой стороны. Кто знает сколько-нибудь близко состояние движения, кто

внимательно и вдумчиво следит за ним, тот не может не видеть смешной стороны новоискровских страхов. Вся работа Российской социал-демократической рабочей партии вполне отлилась уже в прочные, неизменные рамки, безусловно обеспечивающие сосредоточение центра тяжести в пропаганде и агитации, летучках и массовках, распространении листовок и брошюр, содействии экономической борьбе и подхватывании её лозунгов. Нет ни одного комитета партии, ни одного районного комитета, ни одной центральной сходки, ни одной заводской группы, в которой бы девяносто девять сотых внимания, сил и времени не уделялось всегда и постоянно всем этим функциям, упрочившимся ещё со второй половины девяностых годов. Не знают этого только люди, вовсе незнакомые с движением. Принимать за чистую монету новоискровское повторение задов, когда оно делается с особо важным видом, могут только очень наивные или неосведомлённые люди.

Факт тот, что не только не увлекаются у нас чересчур задачами восстания, общеполитическими лозунгами, делом руководства всей народной революции, а, наоборот, *отсталость* именно в этом отношении бьёт в глаза, составляет самое больное место, представляет реальную опасность движения, которое может выродиться и кое-где вырождается из революционного на деле в революционное на словах. Из многих и многих сотен организаций, групп и кружков, выполняющих работу партии, вы не найдёте ни одного, в котором с самого его возникновения не велась бы та повседневная работа, о которой с видом людей, открывших новые истины, повествуют мудрецы из новой «Искры». И, наоборот, вы найдёте ничтожный процент групп и кружков, сознавших задачи вооружённого восстания, приступивших к выполнению их, давших себе отчёт в необходимости руководить всей народной революцией против царизма, в необходимости выдвигать для этого такие именно, а не другие передовые лозунги.

Мы невероятно отстали от передовых и действительно революционных задач, мы не сознали ещё их в массе случаев, мы прозевали и там и тут усиление революционной буржуазной демократии за счёт нашей отсталости в этом отношении. А писатели новой «Искры», повернувшись спиной к ходу событий и к запросам времени, твердят упорно: не забывайте старого! не увлекайтесь

новым! Это — основной неизменный мотив всех существенных резолюций конференции, тогда как в резолюциях съезда вы также неизменно читаете: подтверждая старое (и не останавливаясь на его разжёвывании именно потому, что оно есть старое, уже решённое и закреплённое литературой, резолюциями и опытом), выдвигаем новую задачу, обращаем внимание на неё, ставим новый лозунг, требуем от действительно революционных социал-демократов немедленной работы над его проведением в жизнь.

Вот как стоит на самом деле вопрос о двух течениях в тактике социал-демократии. Революционная эпоха выдвинула новые задачи, которых не видят только совсем слепые люди. И эти задачи одни с.-д. решительно признают и ставят на очередь дня: вооружённое восстание неотложно, готовьтесь к нему немедленно и энергично, помните, что оно необходимо для решительной победы, ставьте лозунги республики, временного правительства, революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Другие же пятаются назад, топчутся на одном месте, вместо лозунгов дают предисловия, вместо указания нового наряда с подтверждением старого, разжёвывают пространно и скучно это старое, сочиняя отговорки от нового, не умея определить условий решительной победы, не умея выставить лозунгов, единственно соответствующих стремлению добиться полной победы.

Политический результат этого хвостизма у нас налицо. Басня о сближении «большинства» Российской социал-демократической рабочей партии с революционной буржуазной демократией остаётся басней, не подтверждаемой ни единым политическим фактом, ни единой влиятельной резолюцией «большевиков», ни единым актом III съезда Российской социал-демократической рабочей партии. А между тем, оппортунистическая, монархическая буржуазия в лице «Освобождения» издавна *приветствует* «принципиальные» тенденции новоискровства, а теперь уже прямо их водой вертит свою мельницу, воспринимает все их словечки и «идейки» против «конспирации» и «бунта», против преувеличения «технической» стороны революции, против прямого выставления лозунга вооружённого восстания, против «революционизма» крайних требований и т. д. и т. п. Резолюция целой конференции социал-демократов-«меньшевиков» на Кавказе и одобрение этой резолюции редакцией новой «Искры»

подводит недвусмысленный политический итог всему этому: как бы не отшатнулась буржуазия в случае участия пролетариата в революционно-демократической диктатуре! Этим всё сказано. Этим окончательно закреплено превращение пролетариата в хвостя монархической буржуазии. Этим доказано на деле, не случайным заявлением одного лица, а резолюцией, специально одобренной целым направлением, доказано *политическое значение* новоискровского хвостизма.

Кто вдумывается в эти факты, тот поймёт действительное значение ходячих указаний на две стороны и две тенденции социал-демократического движения. Возьмите бернштейниаду, чтобы на крупном масштабе изучить эти тенденции. Ведь бернштейнианцы точь-в-точь твердили и твердят, что именно они понимают истинные нужды пролетариата, задачи роста его сил, углубления всей работы, подготовки элементов нового общества, пропаганды и агитации. Мы требуем открытого признания того, что есть! — говорит Бернштейн, освящая этим «движение» *без* «конечной цели», освящая одну оборонительную тактику, проповедуя тактику боязни, «как бы не отшатнулась буржуазия». И бернштейнианцы кричали о «якобинизме» революционных социал-демократов, о «литераторах», не понимающих «рабочей самодеятельности» и т. д. и т. д. На деле, как всем известно, революционные социал-демократы и не думали забрасывать повседневной и мелкой работы, подготовки сил и пр., и пр. Они только требовали ясного сознания конечной цели, ясной постановки революционных задач, они хотели поднимать полупролетарские и полумелкобуржуазные слои до революционности пролетариата, а не принижать эту последнюю до оппортунистических соображений, «как бы не отшатнулась буржуазия». Едва ли не самым рельефным выражением этой розни между интеллигентски-оппортунистическим и пролетарски-революционным крылом партии явился вопрос: dürfen wir siegen? «смеем ли мы победить?» позволительно ли нам победить? не опасно ли нам победить? следует ли нам побеждать? Станный на первый взгляд, вопрос этот, однако, был поставлен и должен был быть поставлен, ибо оппортунисты боялись победы, отпугивали пролетариат от неё, пророчили беды от неё, высмеивали лозунги, прямо зовущие к ней.

То же основное деление на интеллигентски-оппортунистическую и пролетарски-революционную тенденцию имеется у нас с тою лишь, весьма существенною, разницей, что речь идёт не о социалистическом, а о демократическом перевороте. У нас тоже поставлен нелепый на первый взгляд вопрос: «смеем ли мы победить?». Он поставлен Мартыновым в его «Двух диктатурах», пророчивших беды от того, если мы очень хорошо подготовим и вполне успешно проведём восстание. Он поставлен всей литературой новоисковцев по вопросу о временном революционном правительстве, причём усердно, но безуспешно пытались всё время смешать участие Мильерана в буржуазно-оппортунистическом правительстве с участием Варлена в мелкобуржуазном революционном правительстве. Он закреплён резолюцией «как бы не отшатнулась буржуазия». И хотя Каутский, например, пробует теперь иронизировать, что наши споры о временном революционном правительстве похожи на делёж шкуры ещё не убитого медведя, но эта ирония показывает лишь, как даже умные и революционные социал-демократы попадают впросак, когда говорят о том, что известно им только понаслышке. Немецкая социал-демократия ещё не слишком близка к тому, чтобы убить медведя (совершить социалистический переворот), но спор о том, «смеем» ли мы убивать его, имел громадное принципиальное и практически-политическое значение. Русские социал-демократы не слишком близки ещё к тому, чтобы быть в силах «убить своего медведя» (совершить демократический переворот), но вопрос о том, «смеем» ли мы убивать его, имеет для всего будущего России и для будущего русской социал-демократии крайне серьёзное значение. Не может быть и речи об энергичном, успешном сборе армии, руководстве ею без уверенности в том, что мы «смеем» победить.

Возьмите старых наших «экономистов». Они тоже кричали, что их противники — заговорщики, якобинцы (см. «Рабочее Дело», особенно № 10, и речь Мартынова при дебатах на II съезде о программе), что они отрываются от массы, бросаясь в политику, что они забывают основы рабочего движения, не считаются с рабочей самодеятельностью и проч., и проч. На самом же деле эти сторонники «рабочей самодеятельности» были интеллигентами-оппортунистами, навязывавшими рабочим своё узкое

и филистерское понимание задач пролетариата. На самом деле противники «экономизма», как может видеть всякий по старой «Искре», не забросили и не отодвинули на задний план ни одной из сторон социал-демократической работы, нисколько не забыли экономической борьбы, умея в то же время поставить во всей широте насущные и очередные политические задачи, противодействуя превращению рабочей партии в «экономический» придаток либеральной буржуазии.

Экономисты заучили, что в основе политики лежит экономика, и «поняли» это так, что надо принижать политическую борьбу до экономической. Новоискровцы заучили, что демократический переворот имеет в экономической основе своей буржуазную революцию, и «поняли» это так, что надо принижать демократические задачи пролетариата до уровня буржуазной умеренности, до того предела, за которым «отшатнётся буржуазия». «Экономисты» под предлогом углубления работы, под предлогом рабочей самостоятельности и чисто классовой политики, — на деле отдавали рабочий класс в руки либерально-буржуазных политиков, т. е. вели партию по пути, объективное значение которого было именно таково. Новоискровцы, под теми же самыми предложениями, на деле предают буржуазии интересы пролетариата в демократической революции, т. е. ведут партию по пути, объективное значение которого именно таково. «Экономистам» казалось, что главенство в политической борьбе не дело социал-демократов, а собственно дело либералов. Новоискровцам кажется, что активное проведение демократической революции не дело социал-демократов, а собственно дело демократической буржуазии, ибо руководство и первенствующее участие пролетариата «ослабит размах» революции.

Одним словом, новоискровцы являются эпигонами «экономизма» не только по происхождению своему на втором съезде партии, но и по теперешней постановке ими тактических задач пролетариата в демократической революции. Это — тоже интеллигентски-оппортунистическое крыло партии. В организации оно дебютировало анархическим индивидуализмом интеллигентов и закончило «дезорганизацией-процессом», закрепив в «уставе», принятом конференцией, оторванность литературы от партийной организации, не прямые, чуть ли не четырёхстепенные, выборы, систему бонапартистских плебисцитов вместо демократического

представительства, наконец, принцип «соглашения» между частью и целым. В тактике партии они катились по такой же наклонной плоскости. В «плане земской кампании» они объявили «высшим типом демонстрации» выступление перед земцами, находя на политической сцене только две активные силы (накануне 9-го января!) — правительство и буржуазную демократию. Насущную задачу вооружения они «углубляли», заменяя прямой практический лозунг призывом вооружить жгучей потребностью самовооружения. Задачи вооружённого восстания, временного правительства, революционно-демократической диктатуры извращены и притувлены ими теперь в официальных их резолюциях. «Как бы не отшатнулась буржуазия» — этот заключительный аккорд последней их резолюции проливает полный свет на вопрос о том, куда ведёт партию их путь.

Демократический переворот в России есть революция, по общественно-экономической сущности своей, буржуазная. Это верное марксистское положение недостаточно просто повторять. Его надо уметь понять и уметь применять к политическим лозунгам. Вся политическая свобода вообще, на почве современных, т. е. капиталистических, производственных отношений есть свобода буржуазная. Требование свободы выражает раньше всего интересы буржуазии. Её представители первые выставили это требование. Её сторонники воспользовались повсюду, как хозяева, полученной свободой, сводя её к умеренной и аккуратной буржуазной мерке, совмеща её с самым утончённым в мирное время и зверски-жестоким во время бури подавлением революционного пролетариата.

Но выводить из этого отрицание или принижение борьбы за свободу могли только бунтари-народники, анархисты да «экономисты». Навязывать эти интеллигентски-филистерские учения пролетариату удавалось всегда лишь на время, лишь вопреки его сопротивлению. Пролетариат схватывал чутьём, что политическая свобода нужна ему, нужна всего более ему, несмотря на то, что она непосредственно укрепит и организует буржуазию. Не в уклонении от классовой борьбы ждёт своего спасения пролетариат, а в её развитии, в увеличении её широты, сознательности, организованности, решительности. Кто принижает задачи политической борьбы, тот превращает социал-демократа из народного трибуна в секретаря тред-юниона. Кто принижает

пролетарские задачи в демократической буржуазной революции, тот превращает социал-демократа из вождя народной революции в вожак свободного рабочего союза.

Да, *народной* революции. Социал-демократия боролась и борется с полным правом против буржуазно-демократического злоупотребления словом народ. Она требует, чтобы этим словом не прикрывалось непонимание классовых антагонизмов внутри народа. Она настаивает безусловно на необходимости полной классовой самостоятельности партии пролетариата. Но она разлагает «народ» на «классы» не для того, чтобы передовой класс замыкался в себе, ограничивал себя узенькой меркой, кастрировал свою деятельность соображениями, как бы не отшатнулись экономические владыки мира, а для того, чтобы передовой класс, не страдая от половинчатости, неустойчивости, нерешительности промежуточных классов, тем с большей энергией, тем с большим энтузиазмом боролся за дело всего народа, во главе всего народа.

Вот что так часто не понимают современные новоисковцы, заменяющие выставление активных политических лозунгов в демократической революции одним резонёрским повторением слова: «классовый» во всех родах и во всех падежах!

Демократический переворот буржуазен. Лозунг чёрного передела или земли и воли, — этот распространёнейший лозунг крестьянской массы, забитой и темной, но страстно ищущей света и счастья, — буржуазен. Но мы, марксисты, должны знать, что нет и быть не может другого пути к настоящей свободе пролетариата и крестьянства, как путь буржуазной свободы и буржуазного прогресса. Мы должны не забывать, что нет и быть не может в настоящее время другого средства приблизить социализм, как полная политическая свобода, как демократическая республика, как революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства. Как представители передового и единственно-революционного, без оговорок, без сомнений, без оглядок назад революционного, класса, мы должны как можно шире, смелее, инициативнее ставить перед всем народом задачи демократического переворота. Принижение этих задач есть теоретически карикатура на марксизм и филистерское извращение его, а практически-политически есть передача дела революции в руки буржуазии, которая неизбежно

отшатнётся от последовательного проведения революции. Трудности, которые стоят на пути полной победы революции, очень велики. Никто не сможет осудить представителей пролетариата, если они сделают всё, что в их силах, и если все их усилия разобьются о сопротивление реакции, о предательство буржуазии, о темноту массы. Но все и каждый — и прежде всего сознательный пролетариат — осудит социал-демократию, если она будет урезывать революционную энергию демократического переворота, урезывать революционный энтузиазм боязнью победить, соображениями о том, как бы не отшатнулась буржуазия. Революции — локомотивы истории — говорил Маркс. Революции — праздник угнетённых и эксплуатируемых. Никогда масса народа не способна выступать таким активным творцом новых общественных порядков, как во время революции. В такие времена народ способен на чудеса, с точки зрения узкой, мещанской мерки постепеновского прогресса. Но надо, чтобы и руководители революционных партий шире и смелее ставили свои задачи в такое время, чтобы их лозунги шли всегда впереди революционной самостоятельности массы, служа маяком для неё, показывая во всём его величии и во всей его прелести наш демократический и социалистический идеал, показывая самый близкий, самый прямой путь к полной, безусловной, решительной победе. Предоставим оппортунистам «освобожденской» буржуазии сочинять, из страха перед революцией и из страха перед прямым путём, обходные, окольные, компромиссные пути. Если нас силой заставят волочиться по таким путям, мы сумеем исполнить свой долг и на мелкой будничной работе. Но пусть сначала беспощадная борьба решит вопрос о выборе пути. Мы окажемся изменниками и предателями революции, если мы не используем этой праздничной энергии масс и их революционного энтузиазма для беспощадной и беззаветной борьбы за прямой и решительный путь. Пусть оппортунисты буржуазии трусливо думают о будущей реакции. Рабочих не испугает мысль ни о том, что реакция собирается быть страшной, ни о том, что буржуазия собирается отшатнуться. Рабочие не ждут сделок, не просят подачек, они стремятся к тому, чтобы беспощадно раздавить реакционные силы, т. е. к *революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства*.

Слов нет, в бурное время больше опасностей угрожает нашему партийному кораблю, чем при тихом «плавании» либерального прогресса, означающего мучительно-медленное выжимание соков из рабочего класса его эксплуататорами. Слов нет, задачи революционно-демократической диктатуры в тысячу раз труднее и сложнее, чем задачи «крайней оппозиции» и одной только парламентской борьбы. Но кто в настоящий революционный момент сознательно способен предпочесть мирное плавание и путь безопасной «оппозиции», — тот пусть лучше уйдёт на время от социал-демократической работы, пусть дожждётся конца революции, когда минет праздник, снова начнутся будни, когда его буднично-ограниченная мерка не будет таким отвратительным диссонансом, таким уродливым извращением задач передового класса.

Во главе всего народа и в особенности крестьянства — за полную свободу, за последовательный демократический переворот, за республику! Во главе всех трудящихся и эксплуатируемых — за социализм! Такова должна быть на деле политика революционного пролетариата, таков классовый лозунг, который должен проникать и определять собой решение каждого тактического вопроса, каждый практический шаг рабочей партии во время революции.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

ЕЩЁ РАЗ ОСВОБОЖДЕНСТВО, ЕЩЁ РАЗ НОВОИСКРОВСТВО

Номера 71–72 «Освобождения» и 102–103 «Искры» дали новый, чрезвычайно богатый материал по вопросу, которому мы посвятили § 8-ой нашей брошюры. Не имея никакой возможности использовать здесь весь этот богатый материал, мы остановимся лишь на главнейшем: во-первых, на том, какого рода «реализм» расхваливает «Освобождение» в социал-демократии и почему оно должно его расхваливать; во-вторых, на соотношении понятий: революция и диктатура.

I. ЗА ЧТО ХВАЛЯТ БУРЖУАЗНО-ЛИБЕРАЛЬНЫЕ РЕАЛИСТЫ «РЕАЛИСТОВ» СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ?

Статьи: «Раскол в русской социал-демократии» и «Торжество здравого смысла» («Освобождение») представляют из себя замечательно ценное для сознательных пролетариев суждение представителей либеральной буржуазии о социал-демократии. Нельзя достаточно сильно рекомендовать всякому социал-демократу ознакомиться с этими статьями в их полном виде и *продумать* каждую фразу в них. Мы воспроизведём прежде всего главные положения обеих статей:

«Постороннему наблюдению, — говорит «Освобождение», — довольно трудно уловить реальный политический смысл разногласия, разбившего социал-демократическую партию на две фракции. Определение фракции «большинства», как более радикальной и прямолинейной, в отличие от «меньшинства», допускающего в интересах дела некоторые компромиссы, не вполне точно и, во всяком случае, не представляет исчерпывающей характеристики. По крайней мере, традиционные догматы марксистской ортодоксии блюдятся фракцией меньшинства, пожалуй, ещё с большей ревностью, чем фракцией Ленина. Более точной представляется нам следующая характеристика. Основным политическим настроением «большинства» является отвлечённый революционизм, бунтарство, стремление какими угодно средствами поднять восстание в народной массе и от её имени немедленно захватить власть; это до известной степени сближает «ленинцев» с социалистами-революционерами и заслоняет в их сознании идею классовой борьбы идеей всенародной русской революции; отрекаясь на практике от многих узостей социал-демократической доктрины, «ленинцы», с другой стороны, насквозь пропитаны узостью революционизма, отказываются от всякой другой практической работы, кроме приготовления немедленного восстания, принципиально игнорируют все формы легальной и полуполигальной агитации и все виды практически полезных компромиссов с другими оппозиционными течениями. Напротив, меньшинство, крепко держась за догму марксизма, вместе с тем сохраняет и реалистические элементы марксистского мирозерцания. Основной идеей этой фракции является противопоставление интересов «пролетариата» интересам буржуазии. Но, с другой стороны,

борьба пролетариата мыслится — конечно, в известных пределах, диктуемых незыблемыми догматами социал-демократии, — реалистически трезво, с ясным сознанием всех конкретных условий и задач этой борьбы. Обе фракции проводят свою основную точку зрения не вполне последовательно, так как они связаны в своём идейно-политическом творчестве строгими формулами социал-демократического катехизиса, которые мешают «ленинцам» стать прямолинейными бунтарями, по образцу некоторых, по крайней мере, социалистов-революционеров, а «искровцам» — практическими руководителями реального политического движения рабочего класса».

И, приводя далее содержание главных резолюций, писатель «Освобождения» поясняет несколькими конкретными замечаниями по поводу них свои общие «мысли». По сравнению с III съездом, говорит он, «совершенно иначе относится к вооружённому восстанию конференция меньшинства». «В связи с отношением к вооружённому восстанию» стоит различие резолюций о временном правительстве. «Такое же разногласие обнаруживается и в отношении к профессиональным рабочим союзам. «Ленинцы» в своих резолюциях даже не обмолвились ни словом об этой важнейшей исходной точке политического воспитания и организации рабочего класса. Наоборот, меньшинство выработало очень серьёзную резолюцию». По отношению к либералам обе фракции, дескать, единодушны, но III съезд «повторяет почти дословно резолюцию Плеханова об отношении к либералам, принятую на II съезде, и отвергает принятую тем же съездом, более благосклонную к либералам, резолюцию Старовера». При общей однородности резолюций съезда и конференции о крестьянском движении ««большинство» более подчёркивает идею революционной конфискации помещичьих и т. д. земель, тогда как «меньшинство» основой своей агитации хочет сделать требования демократических государственных и административных реформ».

Наконец, «Освобождение» цитирует из № 100 «Искры» одну меньшевистскую резолюцию, главный пункт которой гласит: «Ввиду того, что в настоящее время одна подпольная работа не обеспечивает массе достаточного участия её в партийной жизни и отчасти ведёт к противопоставлению массы, как таковой, партии, как нелегальной организации, необходимо последней взять в свои руки ведение рабочими профессиональной борьбы на легальной почве, строго связывая эту борьбу с социал-демократическими задачами». По поводу этой резолюции

«Освобождение» восклицает: «Мы горячо приветствуем эту резолюцию как торжество здравого смысла, как тактическое просветление известной части социал-демократической партии».

Теперь читатель имеет перед собою все существенные суждения «Освобождения». Было бы величайшей ошибкой, разумеется, считать верными в смысле соответствия объективной истине эти суждения. Ошибки легко откроет в них на каждом шагу всякий социал-демократ. Было бы наивностью забывать, что все эти суждения насквозь пропитаны интересами и точкой зрения либеральной буржуазии, что они насквозь пристрастны и тенденциозны в этом смысле. Они отражают взгляды социал-демократии так же, как вогнутое или выпуклое зеркало отражает предметы. Но ещё большей ошибкой было бы забвение того, что эти буржуазно-извращённые суждения отражают, в конечном счёте, действительные интересы буржуазии, которая, как класс, несомненно верно понимает, какие тенденции внутри социал-демократии ей, буржуазии, выгодны, близки, родственны, симпатичны, и какие — вредны, далёки, чужды, антипатичны. Буржуазный философ или буржуазный публицист никогда не поймёт социал-демократии правильно, ни меньшевистской, ни большевистской социал-демократии. Но если это хоть сколько-нибудь толковый публицист, то его не обманет его классовый инстинкт, и значение для буржуазии того или иного течения внутри социал-демократии он всегда схватит в сущности верно, хотя и изобразит превратно. Классовый инстинкт нашего врага, классовое суждение его всегда заслуживает поэтому самого серьёзного внимания всякого сознательного пролетария.

Что же говорит нам, устами освобожденцев, классовый инстинкт российской буржуазии?

Он совершенно определённо выражает своё удовольствие по поводу тенденций новоискровства, хваля его за реализм, трезвость, торжество здравого смысла, серьёзность резолюций, тактическое просветление, практичность и т. д., — и неудовольствие по поводу тенденций III съезда, порицая его за узость, революционизм, бунтарство, отрицание практически-полезных компромиссов и т. д. Классовый инстинкт буржуазии подсказывает ей как раз то, что неоднократно самыми точными данными было доказано в нашей литературе, именно: что новоискровцы представляют

из себя оппортунистическое, а их противники — революционное крыло современной русской социал-демократии. Либералы не могут не сочувствовать тенденциям первого, не могут не порицать тенденций второго. Либералы, как идеологи буржуазии, прекрасно понимают, что для буржуазии выгодна «практичность, трезвость, серьёзность» рабочего класса, т. е. фактическое ограничение поля его деятельности рамками капитализма, реформ, профессиональной борьбы и т. д. Буржуазии опасна и страшна «революционистская узость» пролетариата и его стремление во имя его классовых задач добиваться руководящей роли в общенародной русской революции.

Что действительно таков смысл слова «реализм», в освобожденском значении его, это видно, между прочим, из прежнего употребления его «Освобождением» и г. Струве. Сама «Искра» не могла не признать *такого* значения освобожденского «реализма». Вспомните, например, статью «Пора!» в приложении к № 73–74 «Искры». Автор этой статьи (последовательный выразитель взглядов «болота» на втором съезде Российской социал-демократической рабочей партии) прямо выразил своё мнение, что «Акимов сыграл на съезде роль скорее призрака оппортунизма, чем его действительного представителя». И редакция «Искры» сейчас же вынуждена была поправить автора статьи «Пора!», заявив в примечании:

«С этим мнением нельзя согласиться. На программных взглядах тов. Акимова лежит явная печать оппортунизма, что признаёт и критик «Освобождения» — в одном из его последних номеров, отмечая, что тов. Акимов примыкает к «реалистическому», — читай: ревизионистскому, — направлению».

Итак, «Искра» сама прекрасно знает, что освобожденский «реализм» есть именно оппортунизм и ничто иное. Если теперь, нападая на «либеральный реализм», «Искра» умалчивает о том, как *её похвалили либералы* за реализм, то умолчание это объясняется тем, что такие похвалы горше всяких порицаний. Такие похвалы (не случайно и не в первый раз высказанные «Освобождением») доказывают на деле родство либерального реализма и тех тенденций социал-демократического «реализма» (читай: оппортунизма), которые сквозят в каждой резолюции новоискровцев, благодаря ошибочности всей их тактической позиции.

В самом деле, российская буржуазия вполне уже обнаружила свою непоследовательность и корыстность в «общенародной» революции, — обнаружила и рассуждениями господина Струве, и всем тоном и содержанием массы либеральных газет, и характером политических выступлений массы земцев, массы интеллигентов, вообще всяких сторонников гг. Трубецкого, Петрункевича, Родичева и К⁰. Буржуазия не всегда, конечно, отчётливо понимает, но в общем и целом превосходно схватывает классовым чутьём, что, с одной стороны, пролетариат и «народ» полезен для её революции, как пушечное мясо, как таран против самодержавия, но что, с другой стороны, пролетариат и революционное крестьянство страшно опасны для неё в случае, если они одержат «решительную победу над царизмом» и доведут до конца демократическую революцию. Поэтому буржуазия всеми силами стремится к тому, чтобы пролетариат удовлетворился «скромной» ролью в революции, чтобы он был трезвеннее, практичнее, реалистичнее, чтобы его деятельность определялась принципом: «как бы не отшатнулась буржуазия». Интеллигентные буржуа прекрасно знают, что рабочего движения им не избыть. Они поэтому выступают вовсе не против рабочего движения, вовсе не против классовой борьбы пролетариата, — нет, они даже расшаркиваются всячески перед свободой стачек, культурной классовой борьбой, понимая рабочее движение и классовую борьбу в брентановском или гирш-дункеровском смысле. Другими словами, они вполне готовы «уступить» рабочим (фактически уже почти отвоёванную самими рабочими) свободу стачек и союзов, лишь бы рабочие отказались от «бунтарства», от «узкого революционизма», от вражды к «практически-полезным компромиссам», от претензий и стремлений наложить на «всемирную русскую революцию» печать *своей* классовой борьбы, печать пролетарской последовательности, пролетарской решительности, «плебейского якобинизма». Интеллигентные буржуа во всей России тысячами способов и путей, — книгами, лекциями, речами, беседами и пр., и пр. — стараются поэтому изо всех сил внушить рабочим идеи (буржуазной) трезвенности, (либеральной) практичности, (оппортунистического) реализма, (брентановской) классовой борьбы, (гирш-дункеровских) профессиональных союзов и пр. Два последние лозунга особенно удобны для буржуев

«конституционно-демократической» или «освобожденской» партии, ибо по внешности они совпадают с марксистскими, ибо при маленьком умолчании и небольшом извращении их легко смешать с социал-демократическими, даже иногда выдать за социал-демократические. Вот, напр., легальная либеральная газета «Рассвет» (о которой мы постараемся побеседовать как-нибудь подробнее с читателями «Пролетария») говорит нередко такие «смелые» вещи о классовой борьбе, о возможном обмане пролетариата буржуазией, о рабочем движении, о самостоятельности пролетариата и т. д. и т. п., что невнимательный читатель и неразвитый рабочий легко примут её «социал-демократизм» за чистую монету. А на деле это — буржуазная подделка под социал-демократизм, оппортунистическое извращение и искажение понятия классовой борьбы.

В основе всего этого гигантского (по широте воздействия на массы) буржуазного подмена лежит тенденция свести рабочее движение преимущественно к профессиональному движению, удержать его подальше от самостоятельной (т. е. революционной и направленной к демократической диктатуре) политики, «заслонить в их, рабочих, сознании идею всенародной русской революции идеей классовой борьбы».

Как видит читатель, мы перевернули вверх ногами формулировку «Освобождения». Это — превосходная формулировка, выражающая прекрасно два взгляда на роль пролетариата в демократической революции, взгляд буржуазный и взгляд социал-демократический. Буржуазия хочет свести пролетариат к одному профессиональному движению и тем «заслонить в его сознании идею всенародной русской революции идеей (брентановской) классовой борьбы», — совершенно в духе бернштейнианских авторов «Credo», заслонявших в сознании рабочих идею политической борьбы идеей «чисто рабочего» движения. Социал-демократия же хочет, наоборот, развить классовую борьбу пролетариата в руководящее участие его в всенародной русской революции, т. е. довести эту революцию до демократической диктатуры пролетариата и крестьянства.

Революция у нас всенародная, — говорит буржуазия пролетариату. — Поэтому ты, как особый класс, должен ограничиться своей классовой борьбой, — должен, во имя «здорового смысла»,

направить главное внимание на профессиональные союзы и легализацию их, — должен считать именно эти профессиональные союзы «важнейшей исходной точкой своего политического воспитания и организации», — должен вырабатывать в революционный момент преимущественно «серьёзные» резолюции, вроде новоискровской, — должен бережливо относиться к резолюциям, «более благосклонным к либералам», — должен предпочитать руководителей, имеющих тенденцию стать «практическими руководителями реального политического движения рабочего класса», — должен «сохранять реалистические элементы марксистского мировоззрения» (если уже ты заразился, к сожалению, «строгими формулами» этого «ненаучного» катехизиса).

Революция у нас всенародная, — говорит социал-демократия пролетариату. — Поэтому ты должен, как самый передовой и единственный до конца революционный класс, стремиться не только к самому энергичному, но и руководящему участию в ней. Поэтому ты должен не замыкаться в узко понятые рамки классовой борьбы, преимущественно в смысле профессионального движения, а, наоборот, стремиться расширить рамки и содержание своей классовой борьбы *до охватывания* этими рамками не только *всех* задач настоящей, демократической, всенародной русской революции, но и задач дальнейшей социалистической революции. Поэтому, не игнорируя профессионального движения, не отказываясь пользоваться малейшим простором легальности, ты должен в эпоху революции на первый план выдвинуть задачи вооружённого восстания, образования революционной армии и революционного правительства, как единственных путей к полной победе народа над царизмом, к завоеванию демократической республики и настоящей политической свободы.

Излишне говорить о том, какую половинчатую, непоследовательную и, естественно, симпатичную буржуазии позицию заняли в этом вопросе, благодаря их ошибочной «линии», новоискровские резолюции.

II. НОВОЕ «УГЛУБЛЕНИЕ» ВОПРОСОВ. МАРТЫНОВЫМ

Перейдём к мартыновским статьям в №№ 102 и 103 «Искры». Само собою разумеется, что мы не будем отвечать на попытки Мартынова доказать неверность нашего и правильность его толкования ряда цитат из Энгельса и Маркса. Попытки эти настолько несерьёзны, увёртки Мартынова так очевидны, вопрос так ясен, что останавливаться на нём ещё раз было бы неинтересно. Всякий думающий читатель сам разберётся легко в несложных хитростях мартыновского отступления по всей линии, особенно когда выйдут подготовляемые группой сотрудников «Пролетария» полные переводы брошюры Энгельса: «Бакунисты за работой» и Маркса: «Обращение правления союза коммунистов» от марта 1850 года. Достаточно одной цитаты из статьи Мартынова, чтобы сделать читателю наглядным его отступление.

«Искра» «признает» — говорит Мартынов в № 103 — «учреждение временного правительства как один из возможных и целесообразных путей развития революции, и отрицает целесообразность участия социал-демократов в *буржуазном* временном правительстве, именно в интересах полного завладения в будущем государственной машиной для социалистического переворота». Другими словами: «Искра» признала теперь нелепость всех её страхов насчёт ответственности революционного правительства за казначейство и банки, насчёт опасности и невозможности брать в свои руки «тюрьмы» и т. п. «Искра» путает только по-прежнему, смешивая демократическую и социалистическую диктатуру. Путаница неизбежна, как прикрытие отступления.

Но среди путаников новой «Искры» Мартынов выделяется как путаник 1-го ранга, как путаник, если позволительно так выразиться, талантливый. Запутывая вопрос своими потугами «углубить» его, он почти всегда «додумывается» при этом до новых формулировок, которые великолепно освещают всю фальшь занятой им позиции. Вспомните, как в эпоху «экономизма» он «углублял» Плеханова и творчески создал формулу: «экономическая борьба с хозяевами и с правительством». Трудно указать во всей литературе «экономистов» более удачное выражение всей фальши этого направления. Так и теперь, Мартынов усердно

служит новой «Искре» и всякий раз почти, когда берёт слово, даёт нам новый и великолепный материал для оценки фальшивой новоискровской позиции. В № 102 он говорит, что Ленин «подменил незаметным образом понятия революция и диктатура».

К этому обвинению сводятся, в сущности, все обвинения новоискровцев против нас. И как же мы благодарны Мартынову за это обвинение! Какую неоценимую услугу оказывает он нам в деле борьбы с новоискровством, давая такую формулировку обвинения! Положительно, нам надо просить редакцию «Искры», чтобы она почаще выпускала против нас Мартынова для «углубления» нападений на «Пролетария» и для «истинно принципиальной» формулировки их. Ибо чем принципиальнее тщится рассуждать Мартынов, тем хуже у него выходит и тем отчётливее он показывает прорехи новоискровства, тем удачнее производит сам над собой и над своими друзьями полезную педагогическую операцию: *reductio ad absurdum* (доведения до абсурда принципов новой «Искры»).

«Вперёд» и «Пролетарий» «подменяют» понятия революции и диктатуры. «Искра» не хочет такого «подмена». Именно так, почтеннейший тов. Мартынов! Вы нечаянно сказали большую правду. Вы подтвердили *новой* формулировкой наше положение, что «Искра» тащится в хвосте революции, сбивается на освободительскую формулировку её задач, а «Вперёд» и «Пролетарий» дают лозунги, которые ведут вперёд демократическую революцию.

Вам непонятно это, тов. Мартынов? Ввиду важности вопроса мы потрудимся дать вам обстоятельное разъяснение.

Буржуазный характер демократической революции сказывается, между прочим, в том, что целый ряд общественных классов, групп и слоёв, стоящих вполне на почве признания частной собственности и товарного хозяйства, неспособных выйти за эти рамки, приходят силой вещей к признанию негодности самодержавия и всего крепостнического строя вообще, примыкают к требованию свободы. При этом буржуазный характер *этой* свободы, требуемой «обществом», защищаемой потоком слов (и только слов!) помещиков и капиталистов, выступает наружу всё яснее и яснее. Вместе с тем становится всё нагляднее и коренная разница между рабочей и буржуазной борьбой за свободу, между пролетарским и либеральным демократизмом.

Рабочий класс и его сознательные представители идут вперёд и толкают вперёд эту борьбу, не только не боясь довести её до конца, но стремясь гораздо дальше самого далёкого конца демократической революции. Буржуазия непоследовательна и своекорыстна, принимая лозунги свободы лишь неполно и лицемерно. Всякие попытки определить особой чертой, особо выработанными «пунктами» (вроде пунктов резолюции Старовера или конферентов) пределы, за которыми начинается это лицемерие буржуазных друзей свободы или, если хотите, это предательство свободы её буржуазными друзьями, неминуемо осуждены на неуспех, ибо буржуазия, поставленная между двух огней (самодержавие и пролетариат), способна тысячами путей и средств менять свою позицию и лозунги, приспособляясь на вершок влево и на вершок вправо, постоянно торгуясь и маклерствуя. Задача пролетарского демократизма состоит не в выдумывании таких мёртвых «пунктов», а в неустанной критике развивающейся политической ситуации, в изобличении всё новых и новых, непредусмотримых заранее, непоследовательностей и измен буржуазии.

Припомните историю политических выступлений в нелегальной литературе г-на Струве, историю войны с ним социал-демократии, и вы увидите наглядно осуществление этих задач социал-демократией, поборницей пролетарского демократизма. Г. Струве начал с лозунга, чисто шиповского: «права и властное земство». Социал-демократия изобличала его и толкала к определённо-конституционалистической программе. Когда эти «толчки» возымели действие благодаря особенно быстрому ходу революционных событий, борьба направилась на *следующий* вопрос демократизма: не только конституция вообще, но непременно всеобщее, прямое и равное избирательное право с тайной подачей голосов. Когда мы «заняли» у «неприятеля» и эту новую позицию (принятие всеобщего избирательного права «Союзом освобождения»), мы стали напирать дальше, показывая лицемерие и фальшь двухпалатной системы, неполноту признания освобожденцами всеобщего избирательного права, показывая на их *монархизме* маклерский характер их демократизма или, иначе, *проторговыванье* этими освобожденскими героями денежного мешка интересов великой русской революции.

Наконец, дикое упорство самодержавия, гигантский прогресс гражданской войны, безвыходность того положения, в которое завели Россию монархисты, стали пробивать самые косные головы. Революция становилась *фактом*. Для признания революции не требовалось уже быть революционером. Самодержавное правительство фактически разлагалось и разлагается у всех на глазах. Как справедливо заметил один либерал в легальной печати (г. Гредескул), создалось фактическое неповиновение этому правительству. При всей своей кажущейся силе самодержавие оказалось бессильным, события развивающейся революции стали просто отодвигать в сторону этот заживо разлагающийся паразитный организм. Вынужденные строить свою деятельность (или свои политические гешефты, вернее сказать) на почве данных, фактически складывающихся отношений, либеральные буржуа *начали приходить к необходимости признать революцию*. Они делают это не потому, что они революционеры, а несмотря на то, что они не революционеры. Они делают это по нужде и против воли, со злобой видя успехи революции, обвиняя в революционности самодержавие, которое не хочет сделки, а хочет борьбы не на жизнь, а на смерть. Прирождённые торгаши, они ненавидят борьбу и революцию, но обстоятельства заставляют их встать на почву революции, ибо иной почвы нет под ногами.

Мы присутствуем при высокопоучительном и высококомичном зрелище. Проститутки буржуазного либерализма пытаются напялить на себя тогу революционности. Освобожденцы — *risum teneatis, amici!* (подождите смеяться, господа!) — освобожденцы начинают говорить от имени революции! Освобожденцы начинают уверять, что они «не боятся революции» (г. Струве в № 72 «Освобождения»)! Освобожденцы выражают претензию «стать во главе революции»!!!

Это чрезвычайно знаменательное явление, характеризующее не только прогресс буржуазного либерализма, но ещё более прогресс реальных успехов революционного движения, которое *заставило* признать себя. Даже буржуазия начинает чувствовать, что выгоднее становиться на почву революции, — до того расшатано самодержавие. Но, с другой стороны, это явление, свидетельствующее о подъёме всего движения на новую, высшую ступень, ставит перед нами тоже новые и тоже высшие задачи.

Признание революции буржуазией не может быть искренним, независимо от личной добросовестности того или иного идеолога буржуазии. Буржуазия не может не внести с собой своекорыстия и непоследовательности, торгашества и мелких реакционных уловок и на эту высшую стадию движения. Мы должны теперь *иначе* формулировать ближайшие *конкретные* задачи революции во имя нашей программы и в развитие нашей программы. То, что достаточно было вчера, *недостаточно сегодня*. Вчера, может быть, достаточно было, в качестве передового демократического лозунга, требование признать революцию. Теперь этого мало. Революция заставила даже господина Струве признать себя. Теперь от передового класса требуется определить точно *самое содержание* насущных и неотложных задач этой революции. Господа Струве, признавая революцию, тут же высовывают паки и паки свои ослиные уши, опять затягивая старую песенку о возможности мирного исхода, о призыве *Николаем* к власти господ освобожденных и т. д. и т. п. Господа освобожденные признают революцию, чтобы тем безопаснее для себя эскамотировать эту революцию, предать её. Наше дело теперь — указать пролетариату и всему народу недостаточность лозунга: революция, показать необходимость ясного и недвусмысленного, последовательного и решительного определения *самого содержания* революции. А такое определение и представляет из себя лозунг, единственно способный правильно выразить «решительную победу» революции, лозунг: революционная демократическая диктатура пролетариата и крестьянства.

Злоупотребление словами — самое обычное явление в политике. «Социалистами», напр., не раз называли себя и сторонники английского буржуазного либерализма («мы все теперь социалисты» — «We all are socialists now», сказал Гаркорт) и сторонники Бисмарка и друзья папы Льва XIII. Слово «революция» тоже вполне пригодно для злоупотребления им, а на известной стадии развития движения такое злоупотребление неизбежно. Когда г. Струве заговорил от имени революции, мы невольно вспомнили Тьера. За несколько дней до февральской революции этот чудовищный карлик, этот идеальный выразитель политической продажности буржуазии, почуял приближение народной бури. И он заявил с парламентской трибуны, что он *принадлежит*

к партии революции! Политическое значение освобожденского перехода к партии революции *целиком тождественно* с этим «переходом» Тьера. Когда русские Тьеры заговорили об их принадлежности к партии революции, это значит, что лозунг революции стал недостаточным, ничего не говорящим, никаких задач не определяющим, ибо революция стала фактом, на её сторону повалили разнороднейшие элементы.

В самом деле, что такое революция с марксистской точки зрения? Насильственная ломка устарелой политической надстройки, противоречие которой новым производственным отношениям вызвало в известный момент крах её. Противоречие самодержавия всему строю капиталистической России, всем потребностям её буржуазно-демократического развития вызвало теперь тем более сильный крах, чем дольше это противоречие искусственно удерживалось. Надстройка трещит по всем швам, поддаётся напору, слабеет. Народу приходится самому, в лице представителей различных классов и групп, созидать себе новую надстройку. В известный момент развития негодность старой надстройки становится ясна всем. Революцию признают все. Теперь задача в том, чтобы определить, *какие же* именно классы и *как именно* должны построить новую надстройку. Без такого определения лозунг революции в данный момент пуст и бессодержателен, ибо слабость самодержавия делает «революционерами» и великих князей и «Московские Ведомости»! Без такого определения не может быть и речи о передовых демократических задачах передового класса. А этим определением и является лозунг: демократическая диктатура пролетариата и крестьянства. Этот лозунг определяет и те классы, на которые можно и должно опереться новым «строителям» новой надстройки, и характер её («демократическая» диктатура в отличие от социалистической) и способ стройки (диктатура, т. е. насильственное подавление насильственного сопротивления, вооружение революционных классов народа). Кто не признает теперь этого лозунга революционно-демократической диктатуры, лозунга революционной армии, революционного правительства, революционных крестьянских комитетов, тот или безнадежно не понимает задач революции, не умеет определить новых и высших, выдвигаемых настоящим моментом, задач её или же тот обманывает народ, предаёт революцию, злоупотребляя лозунгом «революция».

Первый случай — тов. Мартынов и его друзья. Второй случай — г. Струве и вся «конституционно-демократическая» земская партия.

Т. Мартынов был так догадлив и остроумен, что выдвинул обвинение о «подмене» понятий революция и диктатура как раз тогда, когда развитие революции потребовало определения её задач лозунгом диктатуры! Т. Мартынов фактически имел опять несчастье остаться в хвосте, застрять на предпоследней ступеньке, *оказаться на уровне освобожденства*, ибо именно освобожденской политической позиции, т. е. интересам либеральной монархической буржуазии, соответствует теперь признание «революции» (на словах) и нежелание признать демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства (т. е. революцию на деле). Либеральная буржуазия высказывается теперь, устами г. Струве, за революцию. Сознательный пролетариат требует, устами революционных социал-демократов, диктатуры пролетариата и крестьянства. И тут вмешивается в спор мудрец из новой «Искры», крича: не смейте «подменять» понятия революция и диктатура! Ну, разве же неправда, что фальшь позиции новоисковцев осуждает их на то, чтобы постоянно тащиться в хвосте освобожденства?

Мы показали, что освобожденцы поднимаются (не без влияния поощрительных толчков социал-демократии) со ступеньки на ступеньку вверх в деле признания демократизма. Сначала вопрос в нашем споре с ними стоял: шиповщина (права и властное земство) или конституционализм? Затем, ограниченные выборы или всеобщее избирательное право? Далее: признание революции или маклерская сделка с самодержавием? Наконец, теперь: признание революции без диктатуры пролетариата и крестьянства или признание требования диктатуры этих классов в демократической революции? Возможно и вероятно, что господа освобожденцы (всё равно, нынешние ли или их преемники в левом крыле буржуазной демократии) поднимутся ещё на ступеньку, т. е. признают со временем (может быть, к тому времени, когда поднимется ещё на ступеньку тов. Мартынов) и лозунг диктатуры. Это даже неизбежно будет так, если русская революция успешно пойдёт вперёд и дойдёт до решительной победы. Какова будет тогда позиция социал-демократии? Полная победа теперешней

революции будет концом демократического переворота и началом решительной борьбы за социалистический переворот. Осуществление требований современного крестьянства, полный разгром реакции, завоевание демократической республики будет полным концом революционности буржуазии и даже мелкой буржуазии, — будет началом настоящей борьбы пролетариата за социализм. Чем полнее будет демократический переворот, тем скорее, шире, чище, решительнее развернётся эта новая борьба. Лозунг «демократической» диктатуры и выражает исторически-ограниченный характер теперешней революции и необходимость новой борьбы на почве новых порядков за полное освобождение рабочего класса от всякого гнёта и всякой эксплуатации. Другими словами: когда демократическая буржуазия или мелкая буржуазия поднимется ещё на ступеньку, когда фактом будет не только революция, а полная победа революции, — тогда мы «подменим» (может быть, при ужасных воплях новых будущих Мартыновых) лозунг демократической диктатуры лозунгом социалистической диктатуры пролетариата, т. е. полного социалистического переворота.

III. ВУЛЬГАРНО-БУРЖУАЗНОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ ДИКТАТУРЫ И ВЗГЛЯД НА НЕЁ МАРКСА

Меринг рассказывает в своих примечаниях к изданным им статьям из «Новой Рейнской Газеты» Маркса в 1848 году, что буржуазная литература делала, между прочим, такой упрёк этой газете. «Новая Рейнская Газета» будто бы требовала «немедленного введения диктатуры, как единственного средства осуществления демократии». С вульгарно-буржуазной точки зрения, понятие диктатура и понятие демократия исключают друг друга. Не понимая теории борьбы классов, привыкнув видеть на политической арене мелкую свару разных кружков и котерий буржуазии, буржуа понимает под диктатурой отмену всех свобод и гарантий демократии, всяческий произвол, всякое злоупотребление властью в интересах личности диктатора. В сущности, именно эта вульгарно-буржуазная точка зрения сквозит и у нашего Мартынова, который в заключение своего «нового похода» в новой «Искре» объясняет пристрастие «Вперёда» и «Пролетария»

к лозунгу диктатура тем, что Ленин «страстно желает попытаться счастья». Это прелестное объяснение стоит всецело на высоте буржуазных обвинений «Новой Рейнской Газеты» в проповеди диктатуры. Маркс тоже, следовательно, был избобличаем — только не «социал-демократами», а буржуазными либералами! — в «подмене» понятий революция и диктатура. Чтобы разъяснить Мартынову понятие диктатуры класса в отличие от диктатуры личности и задачи демократической диктатуры в отличие от социалистической, не бесполезно будет остановиться на взглядах «Новой Рейнской Газеты».

«Всякое временное государственное устройство, — писала «Новая Рейнская Газета» 14 сентября 1848 года, — после революции требует диктатуры и притом энергичной диктатуры. Мы с самого начала ставили Кампгаузену (главе министерства после 18 марта 1848 года) в упрек, что он не выступил диктаторски, что он не разбил тотчас же и не удалил остатков старых учреждений. И вот в то время, как г. Кампгаузен убаюкивал себя конституционными иллюзиями, разбитая партия (т. е. партия реакции) укрепила свои позиции в бюрократии и в армии, стала даже отваживаться то здесь, то там на открытую борьбу».

В этих словах, — справедливо говорит Меринг, — резюмировано в немногих положениях то, что подробно развивала «Новая Рейнская Газета» в длинных статьях о министерстве Кампгаузена. Что же говорят нам эти слова Маркса? Что временное революционное правительство *должно* выступать диктаторски (положение, которого никак не могла понять «Искра», чуравшаяся лозунга: диктатура); — что задача этой диктатуры уничтожение остатков старых учреждений (именно то, что указано ясно в резолюции III съезда РСДРП о борьбе с контрреволюцией и что опущено в резолюции конференции, как мы показали выше). Наконец, в-третьих, из этих слов следует, что Маркс бичевал буржуазных демократов за «конституционные иллюзии» в эпоху революции и открытой гражданской войны. Каков смысл этих слов, видно особенно наглядно из статьи «Новой Рейнской Газеты» от 6 июня 1848 г. «Учредительное народное собрание, — писал Маркс, — должно быть прежде всего активным, революционно-активным собранием. А Франкфуртское собрание занимается школьными упражнениями в парламентаризме и предоставляет

правительству действовать. Допустим, что этому учёному собору удалось бы после зрелого обсуждения выработать наилучший порядок дня и наилучшую конституцию. Какой толк будет от наилучшего порядка дня и от наилучшей конституции, если немецкие правительства в это время поставили уже штык в порядок дня?».

Вот каков смысл лозунга: диктатура. Можно видеть отсюда, как отнёсся бы Маркс к резолюциям, называющим «решение организовать учредительное собрание» решительной победой или приглашающим «оставаться партией крайней революционной оппозиции»!

Великие вопросы в жизни народов решаются только силой. Сами реакционные классы прибегают обыкновенно первые к насилию, к гражданской войне, «ставят в порядок дня штык», как сделало русское самодержавие и продолжает делать систематически и неуклонно, везде и повсюду, начиная с 9-го января. А раз такое положение создалось, раз штык действительно стал во главе политического порядка дня, раз восстание оказалось необходимым и неотложным, — тогда конституционные иллюзии и школьные упражнения в парламентаризме становятся только прикрытием буржуазного предательства революции, прикрытием того, как «отшатывается» буржуазия от революции. Действительно революционный класс должен тогда выдвинуть именно лозунг диктатуры.

По вопросу о задачах этой диктатуры Маркс писал ещё в «Новой Рейнской Газете»: «Национальное собрание должно было бы диктаторски выступить против реакционных поползновений отживших правительств, и тогда оно завоевало бы себе такую силу в народном мнении, о которую сломались бы все штыки... А это собрание утомляет немецкий народ скучными словами вместо того, чтобы увлечь его с собой или быть увлечённым им». Национальное собрание должно было бы, по мнению Маркса, «удалить из фактически существующего строя Германии всё противоречащее принципу самодержавия народа», затем «укрепить ту революционную почву, на которой оно стоит, обезопасить завоёванное революцией самодержавие народа от всех нападений».

Следовательно, по содержанию своему, те задачи, которые ставил Маркс в 1848 году революционному правительству или

диктатуре, сводились прежде всего к *демократическому* перевороту: защита от контрреволюции и фактическое устранение всего противоречащего самодержавию народа. Это и есть не что иное, как революционно-демократическая диктатура.

Теперь дальше: какие классы могли и должны были, по мнению Маркса, осуществить эту задачу (провести на деле до конца принцип самодержавия народа и отбить атаки контрреволюции?). Маркс говорит о «народе». Но мы знаем, что против мелкобуржуазных иллюзий о единстве «народа», об отсутствии классовой борьбы внутри народа он боролся всегда беспощадно. Употребляя слово: «народ», Маркс не затушёвывал этим словом различия классов, а объединял определённые элементы, способные довести до конца революцию.

После победы берлинского пролетариата 18 марта, — писала «Новая Рейнская Газета», — результаты революции оказались двоякие: «С одной стороны, народное вооружение, право союзов, фактически завоёванное самодержавие народа; с другой стороны, сохранение монархии и министерство Кампгаузена — Ганзе-мана, т. е. правительство представителей крупной буржуазии. Таким образом, революция имела двоякого рода результаты, которые неизбежно должны были прийти к разрыву. Народ победил; он завоевал свободы решительно демократического характера, но непосредственное господство перешло не в его руки, а в руки крупной буржуазии. Одним словом, революция была не доведена до конца. Народ предоставил представителям крупной буржуазии образование министерства, а эти представители крупной буржуазии доказали свои стремления тотчас же тем, что предложили союз старопрусскому дворянству и бюрократии. В министерство вступили Арним, Канитц и Шверин.

Крупная буржуазия, антиреволюционная с самого начала, заключила оборонительный и наступательный союз с реакцией из страха перед народом, то есть перед рабочими и демократической буржуазией» (курсив наш).

Итак, не только «решение организовать учредительное собрание» недостаточно ещё для решительной победы революции, но даже и действительный созыв его! Даже после частичной победы в вооружённой борьбе (победа берлинских рабочих над войском 18 марта 1848 года) возможна «неоконченная»,

«не доведённая до конца» революция. От чего же зависит её доведение до конца? От того, в чьи руки переходит непосредственное господство: в руки ли Петрункевичей и Родичевых, то бишь Кампгаузенов и Ганземазов, или в руки *народа*, т. е. рабочих и демократической буржуазии. В первом случае буржуазия будет иметь власть, а пролетариат — «свободу критики», свободу «оставаться партией крайней революционной оппозиции». Буржуазия сейчас же после победы заключит союз с реакцией (это неизбежно совершилось бы и в России, если бы, например, петербургские рабочие одержали лишь частичную победу в уличном бое с войсками и предоставили образованию правительства господам Петрункевичам и К⁰). Во втором случае была бы возможна революционно-демократическая диктатура, т. е. полная победа революции.

Остаётся точнее определить, что собственно понимал Маркс под «демократической буржуазией» (*demokratische Bürgerschaft*), которую вместе с рабочими он называл народом в противоположность крупной буржуазии?

Ясный ответ на этот вопрос даёт следующее место из статьи «Новой Рейнской Газеты» от 29 июля 1848 г.: «...Немецкая революция 1848 года есть лишь пародия французской революции 1789 года.

4-го августа 1789 г., три недели спустя после взятия Бастилии, французский народ в один день осилил все феодальные повинности.

11-го июля 1848 г., четыре месяца спустя после мартовских баррикад, феодальные повинности осилили немецкий народ. *Teste Gierke cum Hansemanno.*

«Свидетели: г. Гирке купно с г. Ганземазом». Ганземаз — министр партии крупной буржуазии (по-русски: Трубецкой или Родичев и т. п.). Гирке — министр земледелия в министерстве Ганземаза, выработавший проект, «смелый» проект якобы «безвозмездного» «уничтожения феодальных повинностей», на деле же уничтожения мелких и неважных, но сохранения или выкупа более существенных повинностей. Г. Гирке — нечто вроде русских гг. Каблукowych, Мануйловых, Герценштейнов и тому подобных буржуазно-либеральных друзей мужика, которые хотят «расширения крестьянского землевладения», но не хотят обидеть помещиков.

Французская буржуазия 1789 года ни на минуту не покидала своих союзников, крестьян. Она знала, что основой её господства

было уничтожение феодализма в деревне, создание свободного землевладельческого (grundbesitzenden) крестьянского класса.

Немецкая буржуазия 1848 года без всякого зазрения совести предаёт крестьян, своих самых естественных союзников, которые представляют из себя плоть от её плоти и без которых она бессильна против дворянства.

Сохранение феодальных прав, санкционирование их под видом (иллюзорного) выкупа — таков результат немецкой революции 1848 года. Гора родила мышь».

Это очень поучительное место, которое даёт нам четыре важных положения: 1) Неоконченная немецкая революция отличается от оконченной французской тем, что буржуазия изменила не только демократизму вообще, но в частности и крестьянству. 2) Основой полного осуществления демократического переворота является создание свободного класса крестьянства. 3) Создание такого класса есть уничтожение феодальных повинностей, разрушение феодализма, отнюдь ещё не социалистический переворот. 4) Крестьяне — «самые естественные» союзники буржуазии, именно демократической буржуазии, без которых она «бессильна» против реакции.

С соответствующими изменениями конкретных национальных особенностей, с подстановкой крепостничества на место феодализма, все эти положения целиком применимы и к России 1905 года. Несомненно, что, извлекая уроки из опыта Германии, освещённого Марксом, мы не можем прийти ни к какому иному лозунгу решительной победы революции, кроме: революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства. Несомненно, что главными составными частями того «народа», который Маркс противопоставлял в 1848 г. сопротивлявшейся реакции и предательской буржуазии, являются пролетариат и крестьянство. Несомненно, что и у нас в России либеральная буржуазия и господа освобожденцы предают и предадут крестьянство, т. е. отделаются лжереформой, встанут на сторону помещиков в решительной борьбе между ними и крестьянством. Только пролетариат способен поддержать крестьянство до конца в этой борьбе. Несомненно, наконец, что и у нас в России успех крестьянской борьбы, т. е. переход к крестьянству всей земли, будет означать полный демократический переворот, являясь социальной

опорой доведённой до конца революции, но отнюдь не социалистический переворот и не «социализацию», о которой говорят идеологи мелкой буржуазии, социалисты-революционеры. Успех крестьянского восстания, победа демократической революции лишь расчистит путь для действительной и решительной борьбы за социализм на почве демократической республики. Крестьянство, как землевладельческий класс, сыграет в этой борьбе ту же предательскую, неустойчивую роль, какую играет теперь буржуазия в борьбе за демократию. Забывать это — значит забывать социализм, обманывать себя и других насчёт истинных интересов и задач пролетариата.

Чтобы не оставить пробела в изображении взглядов Маркса в 1848 году, необходимо отметить одно существенное отличие тогдашней немецкой социал-демократии (или коммунистической партии пролетариата, говоря тогдашним языком) от современной русской социал-демократии. Предоставим слово Мерингу:

««Новая Рейнская Газета» выступила на политическую арену как «орган демократии». Нельзя не видеть красной нити, проходящей через все её статьи. Но непосредственно она защищала более интересы буржуазной революции против абсолютизма и феодализма, чем интересы пролетариата против интересов буржуазии. Об особом рабочем движении во время революции мало найдёте материала на её столбцах, хотя не следует забывать, что рядом с ней выходил два раза в неделю, под редакцией Молля и Шаппера, особый орган Кёльского рабочего союза. Во всяком случае современному читателю бросается в глаза, как мало интереса уделяла «Новая Рейнская Газета» тогдашнему немецкому рабочему движению, хотя самый способный деятель его, Стефан Борн, учился у Маркса и Энгельса в Париже и Брюсселе и в 1848 году корреспондировал из Берлина в их газету. Борн рассказывает в своих «Воспоминаниях», что Маркс и Энгельс никогда не выражали ему ни единым словом своего неодобрения его рабочей агитации. Но позднейшие заявления Энгельса делают вероятным предположение, что они были недовольны, по меньшей мере, приёмами этой агитации. Их недовольство было основательно постольку, поскольку Борн вынужден был делать много уступок, ещё совершенно не развитому в большей части Германии, классовому сознанию пролетариата, уступок, не выдерживающих

критики с точки зрения «Коммунистического Манифеста». Их недовольство было неосновательно постольку, поскольку Борн всё же умел поддерживать руководимую им агитацию на сравнительно значительной высоте... Без сомнения, Маркс и Энгельс были исторически и политически правы, усматривая самый важный интерес рабочего класса прежде всего в возможно большем подталкивании буржуазной революции... Несмотря на это, замечательным доказательством того, как элементарный инстинкт рабочего движения умеет исправлять концепции самых гениальных мыслителей, является тот факт, что они в апреле 1849 года высказались за специфическую рабочую организацию и решили участвовать на рабочем съезде, приготавлившемся в особенности ост-эльбским (восточная Пруссия) пролетариатом».

Итак, только в апреле 1849 года, после почти годового издания революционной газеты («Новая Рейнская Газета» начала выходить 1-го июня 1848 года), Маркс и Энгельс высказались за особую рабочую организацию! До тех пор они вели просто «орган демократии», не связанный никакими организационными узами с самостоятельной рабочей партией! Этот факт, — чудовищный и невероятный с нашей современной точки зрения, — показывает нам ясно, какое громадное различие было между тогдашней немецкой и теперешней русской социал-демократической рабочей партией. Этот факт показывает нам, во сколько раз менее обнаруживались на немецкой демократической революции (благодаря отсталости Германии в 1848 г. и в экономическом отношении и в политическом — государственная раздробленность) пролетарские черты движения, пролетарская струя в нём. Этого не надо забывать (как забывает это, напр., Плеханов) при оценке многократных заявлений Маркса, этой и немного позднейшей эпохи, о необходимости самостоятельной организации партии пролетариата. Маркс только из опыта демократической революции, почти через год, сделал практически этот вывод: до того мещанской, мелкобуржуазной была тогда вся атмосфера в Германии. Для нас этот вывод есть уже давнее и прочное приобретение полувекового опыта международной социал-демократии, — приобретение, с которого мы *начинали* организацию Российской социал-демократической рабочей партии. У нас не может быть, напр., и речи о том, чтобы революционные газеты пролетариата стояли вне

соц.-дем. партии пролетариата, чтобы они могли хоть на минуту выступать просто как «органы демократии».

Но та противоположность, которая едва начала обнаруживаться между Марксом и Стефаном Борном, существует у нас в тем более развитом виде, чем могущественнее выступает пролетарская струя в демократическом потоке нашей революции. Говоря о вероятном недовольстве Маркса и Энгельса агитацией Стефана Борна, Мering выражается чересчур мягко и уклончиво. Вот что писал Энгельс о Борне в 1885 году (в предисловии к «Enthüllungen über den Kommunistenprozeß zu Köln» — «Разоблачения о кёльнском процессе коммунистов». *Ред.*):

Члены Союза коммунистов повсюду стояли во главе крайнего демократического движения, доказывая тем, что Союз был превосходной школой революционной деятельности. «Наборщик Стефан Борн, бывший деятельным членом Союза в Брюсселе и Париже, основал в Берлине «рабочее братство» («Arbeiterverbrüderung»), которое получило значительное распространение и продержалось до 1850 года. Борн, талантливый молодой человек, слишком поспешил, однако, с выступлением в качестве политического деятеля. Он «братался» с самым разношёрстным сбродом (Kretz und Plethi), лишь бы собрать вокруг себя толпу. Он был вовсе не из тех людей, которые способны внести единство в противоречивые стремления, внести свет в хаос. В официальных публикациях его братства постоянно попадается поэтому путаница и смешение взглядов «Коммунистического Манифеста» с цеховыми воспоминаниями и пожеланиями, с обрывками взглядов Луи Блана и Прудона, с защитой протекционизма и т. д.; одним словом, эти люди хотели всем угодить (Allen alles sein). *В особенности занимались они устройством стачек, профессиональных союзов, производителей товариществ, забывая, что задача состояла прежде всего в том, чтобы посредством политической победы завоевать себе сначала такое поприще, на котором только и могли прочно, надёжно осуществиться такие вещи (курсив наш).* И вот, когда победы реакции заставили вожаков этого братства почувствовать необходимость прямого участия в революционной борьбе, — тогда, само собою разумеется, неразвитая масса, группировавшаяся вокруг них, покинула их. Борн принял участие в дрезденском восстании в мае 1849 года и спасся по счастливому случаю.

Рабочее же братство удержалось в стороне от великого политического движения пролетариата как обособленный союз, существовавший большей частью на бумаге и игравший до того второстепенную роль, что реакция нашла нужным закрыть его лишь в 1850 году, а его филиальные отделения лишь много лет спустя. Борн (настоящая фамилия Борна Buttermilch) так и не сделался политическим деятелем, а оказался маленьким швейцарским профессором, который переводит теперь не Маркса на цеховой язык, а благодушного Ренана на сладенький немецкий язык».

Вот как оценивал Энгельс две тактики социал-демократии в демократической революции!

Наши новоискровцы тоже гнут к «экономизму» с таким усердием не по разуму, что заслуживают похвалы монархической буржуазии за своё «просветление». Они тоже собирают вокруг себя разношёрстную публику, льстя «экономистам», демагогически привлекая неразвитую массу лозунгами «самостоятельности», «демократизма», «автономии» и пр. и т. д. Их рабочие союзы тоже существуют часто лишь на страницах хлестаковской новой «Искры». Их лозунги и резолюции обнаруживают такое же непонимание задач «великого политического движения пролетариата».

Написано в июне — июле 1905 г.

Напечатано в июле 1905 г.

в Женеве отдельной книгой, изданной ЦК РСДРП

Печатается по тексту книги,

сверенному с рукописью и с текстом сборника:

Вл. Ильин, «За 12 лет». 1907

Вычитал: Раскатов Андрей Владимирович, инженер-конструктор

Проверил: Воробьёв Евгений Валентинович, слесарь

РЕВОЛЮЦИЯ УЧИТ

Разногласия внутри политических партий и между политическими партиями разрешаются обыкновенно не только принципиальной полемикой, но и развитием самой политической жизни, — вернее даже будет сказать, пожалуй: не столько первой, сколько последним. В особенности разногласия, касающиеся тактики партии, т. е. её политического поведения, исчерпываются часто фактическим переходом неправильно рассуждающих на правильный путь борьбы, под влиянием уроков жизни, под давлением самого хода событий, который вынуждает становиться на правильный путь, отодвигает просто-напросто в сторону ошибочные рассуждения, отнимает у них почву, делает их лишёнными содержания, выдохшимися, ни для кого не интересными. Это не значит, конечно, чтобы принципиальные разногласия по вопросам тактики не имели серьёзного значения, не требовали принципиальных разъяснений вопроса, единственно способных поддержать партию на высоте её теоретических убеждений. Нет. Это значит лишь, что необходимо как можно чаще *проверять* заранее принятые тактические решения на основании новых политических событий. Такая проверка необходима и теоретически и практически: теоретически, чтобы убедиться на деле, на опыте в том, правильны ли и насколько именно принятые решения, какие исправления вынуждают внести в них происшедшие после их принятия политические события; — практически, чтобы научиться настоящим образом руководиться этими решениями, научиться видеть в них директивы, подлежащие непосредственному, немедленному применению на деле.

Революционная эпоха больше, чем всякая другая, даёт материала для такой проверки, благодаря громадной скорости политического развития и остроте нарастающих, обнаруживающихся

и разрешающихся политических столкновений. Старая «надстройка» в революционную эпоху ломается, а новая создаётся у всех на глазах самостоятельностью различнейших социальных сил, показывающих на деле свою истинную природу.

Так и русская революция даёт нам чуть не каждую неделю поразительное богатство политического материала для проверки заранее выработанных нами тактических решений и для самых назидательных уроков относительно всей нашей практической деятельности. Возьмите одесские события. Одна из попыток восстания кончилась неудачей. Один из отрядов революционной армии потерпел поражение, он не уничтожен, правда, неприятелем, но оттеснён им на нейтральную территорию (подобно тому как немцы оттеснили одну французскую армию в Швейцарию в войну 1870—1871 года) и разоружён нейтральным государством. Неудача горькая, поражение тяжёлое. Но какая пропасть отделяет эту неудачу в борьбе от тех неудач в торгашестве, которые сыпятся на господ Шиповых, Трубецких, Петрункевичей, Струве и всей этой буржуазной челяди царя! Энгельс сказал как-то: разбитые армии превосходно учатся. Эти прекрасные слова применимы ещё несравненно более к революционным армиям, пополняемым представителями передовых классов, чем к армиям той или другой нации. Пока не сметена прочь старая, прогнившая надстройка, заражающая весь народ своим гниением, — до тех пор всякое новое поражение будет поднимать новые и новые армии борцов, втягивая их в движение, просвещая их опытом их товарищей, уча их новым и высшим приёмам борьбы. Конечно, есть ещё гораздо более широкий коллективный опыт человечества, запечатлевшийся в истории международной демократии и международной социал-демократии, закреплённый передовыми представителями революционной мысли. Из этого опыта черпает наша партия материал для повседневной пропаганды и агитации. Но учиться непосредственно этому опыту могут лишь немногие, пока общество построено на угнетении и эксплуатации миллионов трудящихся. Массам приходится учиться больше всего на своём собственном опыте, оплачивая тяжёлыми жертвами каждый урок, каждую новую ступень к освобождению. Тяжёл был урок 9-го января, но он революционизировал настроение всего пролетариата всей России. Тяжёл урок одесского восстания, но на почве

революционизированного уже настроения он научит теперь революционный пролетариат не только бороться, но и побеждать. По поводу одесских событий мы скажем: революционная армия разбита, — да здравствует революционная армия!

В номере 7-ом нашей газеты мы говорили уже о том, как одесское восстание пролило новый свет на наши лозунги: революционная армия и революционное правительство. В предыдущем номере мы говорили (статья тов. В. С.) о военных уроках восстания. В настоящем номере мы останавливаемся ещё раз на некоторых политических уроках его. Теперь следует остановиться ещё на проверке наших недавних тактических решений в том двояком отношении теоретической верности и практической целесообразности, о котором мы говорили выше.

Насущные политические вопросы современного момента — восстание и революционное правительство. Об этих вопросах всего больше говорили и спорили между собой социал-демократы. Этим вопросам посвящены главные резолюции III съезда РСДРП и конференции отколовшейся части партии. В области этих вопросов вращаются главные тактические разногласия внутри российской социал-демократии. Спрашивается теперь: в каком свете представляются эти разногласия *после* одесского восстания? Всякий, кто возьмёт на себя труд перечитать теперь, с одной стороны, отзывы и статьи по поводу этого восстания, а с другой стороны, четыре резолюции, посвящённые вопросам о восстании и о временном правительстве съездом партии и конференцией новоискровцев, увидит тотчас же, как последние под влиянием событий *фактически* стали переходить на сторону своих оппонентов, т. е. действовать не сообразно своим резолюциям, а сообразно резолюциям III съезда. Нет лучшего критика ошибочной доктрины, как ход революционных событий.

Под влиянием этих событий редакция «Искры» выпустила листок, озаглавленный: «Первая победа революции» и обращённый к «русским гражданам, рабочим и крестьянам». Вот самая существенная часть этого листка:

«Пришло время действовать смело и всеми силами поддержать смелое восстание солдат. Смелость теперь победит!

Созывайте же открытые собрания народа и несите ему весть о крушении военной опоры царизма! Где только можно, захватывайте

городские учреждения и делайте их опорой революционного самоуправления народа! Прогоните царских чиновников и назначайте всенародные выборы в учреждения революционного самоуправления, которым вы поручите временное ведение общественных дел до окончательной победы над царским правительством и установления нового государственного порядка. Захватывайте отделения государственного банка и оружейные склады и вооружайте весь народ! Установите связь между городами, между городом и деревней, и пусть вооружённые граждане спешат на помощь друг другу всюду, где помощь нужна! Берите тюрьмы и освобождайте заключённых в них борцов за наше дело: ими вы усилите ваши ряды! Провозглашайте повсюду низвержение царской монархии и замену её свободной демократической республикой! Вставайте, граждане! Пришёл час освобождения! Да здравствует революция! Да здравствует демократическая республика! Да здравствует революционное войско! Долгой самодержавие!»

Таким образом, перед нами решительный, открытый и ясный призыв к вооружённому всенародному восстанию. Перед нами столь же решительный, хотя, к сожалению, прикрытый и недоговорённый, призыв к образованию временного революционного правительства. Рассмотрим сначала вопрос о восстании.

Есть ли принципиальная разница между решением этого вопроса III съездом и конференцией? Несомненно. Мы говорили уже об этом в № 6 «Пролетария» (См. статью «Третий шаг назад» в 10 томе серии «Основное в Ленинизме». Ред.) и теперь сошлёмся ещё на поучительное свидетельство «Освобождения». В № 72-м его мы читаем, что «большинство» впадает в «отвлечённый революционизм, бунтарство, стремление какими угодно средствами поднять восстание в народной массе и от её имени немедленно захватить власть». «Напротив, меньшинство, крепко держась за догму марксизма, вместе с тем сохраняет и реалистические элементы марксистского мирозерцания». Это суждение либералов, прошедших через подготовительную школу марксизма и через бернштейнианство, крайне ценно. Либеральные буржуа всегда упрекали революционное крыло социал-демократии за «отвлечённый революционизм и бунтарство», всегда хвалили оппортунистическое крыло за «реализм» их постановки вопроса. Сама «Искра» должна была признать, что в устах освобожденцев «реалистический» означает «*оппортунистический*».

Гг. освобожденцы не знают иного реализма, кроме ползучего; им совершенно чужда революционная диалектика марксистского реализма, подчёркивающего боевые задачи передового класса, открывающего в существующем элементы его ниспровержения. Поэтому характеристика двух течений в социал-демократии, данная «Освобождением», лишний раз подтверждает доказанный нашей литературой факт, что «большинство» есть революционное, а «меньшинство» оппортунистическое крыло русской социал-демократии.

«Освобождение» решительно признаёт, что по сравнению со съездом «совершенно иначе относится к вооружённому восстанию конференция меньшинства». И в самом деле, резолюция конференции, во-первых, побивает самоё себя, то отрицая возможность планомерного восстания, то признавая её, а во-вторых, ограничивается лишь перечнем *общих* условий «подготовки восстания», как-то: а) расширение агитации, б) укрепление связи с движением масс, с) развитие революционного сознания, d) установление связи между разными местностями, e) привлечение непролетарских групп к поддержке пролетариата. Напротив, резолюция съезда прямо выдвигает позитивные лозунги, признавая, что движение *уже привело* к необходимости восстания, призывая организовать пролетариат для непосредственной борьбы, принять самые энергичные меры к его вооружению, разъяснять в пропаганде и агитации «не только политическое значение» восстания (этим ограничивается, в сущности, резолюция конференции), но и практически-организационную его сторону.

Чтобы яснее представить различие того и другого решения вопроса, припомним развитие социал-демократических взглядов по вопросу о восстании со времени возникновения массового рабочего движения. Первая ступень. 1897-ой год. В «Задачах русских социал-демократов» Ленина читаем: «Решать теперь вопрос, к какому средству прибегнет социал-демократия для непосредственного свержения самодержавия, изберёт ли она восстание или массовую политическую стачку, или иной приём атаки, было бы похоже на то, как если бы генералы, не собрав армии, устроили военный совет». Здесь, как мы видим, нет даже речи о подготовке восстания, а только о собирании армии, т. е. о пропаганде, агитации, организации вообще.

Вторая ступень. 1902-ой год. В «Что делать?» Ленина читаем: «...Представьте себе народное восстание. В настоящее время (февраль 1902 года), вероятно, все согласятся, что мы должны думать о нём и готовиться к нему. Но *как* готовиться? Не назначить же Центральному Комитету агентов по всем местам для подготовки восстания! Если бы у нас и был ЦК, он таким назначением ровно ничего не достиг бы при современных русских условиях. Наоборот, сеть агентов, складывающаяся сама собой на работе по постановке и распространению общей газеты, не должна была бы «сидеть и ждать» лозунга к восстанию, а делала бы именно такое регулярное дело, которое гарантировало бы ей наибольшую вероятность успеха в случае восстания. Именно такое дело закрепляло бы связи и с самыми широкими массами рабочих и со всеми недовольными самодержавием слоями, что так важно для восстания. Именно на таком деле вырабатывалась бы способность верно оценивать общее политическое положение и, следовательно, способность выбрать подходящий момент для восстания. Именно такое дело приучало бы *все* местные организации откликаться одновременно на одни и те же волнующие всю Россию политические вопросы, случаи и происшествия, отвечать на эти «происшествия» возможно энергичнее, возможно единообразнее и целесообразнее, — а ведь восстание есть, в сущности, самый энергичный, самый единообразный и самый целесообразный «ответ» всего народа правительству. Именно такое дело, наконец, приучало бы все революционные организации во всех концах России вести самые постоянные и в то же время самые конспиративные сношения, создающие *фактическое* единство партии, — а без таких сношений невозможно коллективно обсудить план восстания и принять те необходимые подготовительные меры накануне его, которые должны быть сохранены в строжайшей тайне».

Какие положения выставляет по вопросу о восстании это рассуждение? 1) Нелепость идеи «подготовки» восстания в смысле назначения особых агентов, которые бы «сидели и ждали» лозунга. 2) Необходимость *складывающейся на общей работе* связи между людьми и организациями, делающими регулярное дело. 3) Необходимость закрепления на таком деле связей между пролетарскими (рабочие) и непролетарскими (все недовольные) слоями.

4) Необходимость совместной выработки способности оценивать верно политическое положение и «откликаться» целесообразнее на политические происшествия. 5) Необходимость фактического объединения всех местных революционных организаций.

Перед нами, следовательно, ясно выдвинут уже лозунг *подготовки восстания*, но нет ещё прямого призыва к восстанию, нет ещё признания, что движение «уже привело» к его необходимости, что необходимо тотчас вооружаться, организоваться в боевые группы и т. д. Перед нами — разбор как раз тех самых условий подготовки восстания, которые *чуть ли не буквально повторены* в резолюции конференции (в 1905 году!!).

Третья ступень. 1905-ый год. В газете «Вперёд» и затем в резолюции III съезда делается дальнейший шаг вперёд: *кроме* общеполитической подготовки восстания выдвигается *прямой лозунг* тотчас организоваться и вооружаться для восстания, устраивать особые (боевые) группы, ибо движение «уже привело к необходимости вооружённого восстания».

Эта небольшая историческая справка приводит к трём несомненным выводам: 1) Прямую ложь представляет из себя утверждение либеральных буржуа, освободителей, будто мы впадаем в «*отвлечённый* революционизм, бунтарство». Мы ставим и ставили всегда этот вопрос именно не «отвлечённо», а *на конкретную почву*, различно решая его в 1897, 1902 и 1905 годах. Обвинение в бунтарстве есть оппортунистическая фраза господ либеральных буржуа, готовящихся предать интересы революции и изменить ей в эпоху решительной борьбы с самодержавием. 2) Конференция новоискровцев остановилась на второй ступени развития вопроса о восстании. В 1905 году она повторила лишь то, что было достаточно только в 1902 г. Она года на три *отстала* от революционного развития. 3) Под влиянием уроков жизни, именно одесского восстания, новоискровцы фактически признали необходимость действовать по указаниям не своей, а съездовской резолюции, т. е. признали задачу восстания неотложной, прямые и немедленные призывы к непосредственной организации восстания и вооружения безусловно необходимыми.

Отсталая социал-демократическая доктрина сразу отстранена революцией. У нас стало ещё одним препятствием меньше к практическому объединению на общей работе с новоискровцами,

причём, разумеется, это не означает ещё полного устранения принципиальных разногласий. Мы не можем удовлетвориться тем, чтобы наши тактические лозунги ковыляли вслед за событиями, приспосабливаясь к ним после их совершения. Мы должны стремиться к тому, чтобы эти лозунги вели нас вперёд, освещали наш дальнейший путь, поднимали нас выше непосредственных задач минуты. Чтобы вести последовательную и выдержанную борьбу, партия пролетариата не может определять своей тактики от случая к случаю. Она должна в своих тактических решениях соединять верность принципам марксизма с верным учётом переходных задач революционного класса.

Возьмите другой насущный политический вопрос о временном революционном правительстве. Здесь мы видим, пожалуй, ещё яснее, что в своём листке редакция «Искры» фактически порывает с лозунгами конференции и принимает тактические лозунги III съезда. Нелепая теория «не ставить себе целью захватить» (для демократического переворота) «или разделить власть во временном правительстве» выброшена за борт, ибо листок прямо призывает «захватывать городские учреждения» и организовывать «временное ведение общественных дел». Нелепый лозунг «оставаться партией крайней революционной оппозиции» (нелепый в эпоху революции, хотя очень правильный для эпохи только парламентарной борьбы) фактически сдан в архив, ибо одесские события заставили «Искру» понять, что во время восстания смешно ограничиваться этим лозунгом, что надо активно звать к восстанию, к самому энергичному проведению его и использованию революционной власти. Нелепый лозунг «революционные коммуны» тоже отброшен, ибо события в Одессе заставили «Искру» понять, что этот лозунг лишь облегчает смешение демократического и социалистического переворота. А смешивать эти различнейшие вещи было бы лишь авантюризмом, свидетельствующим о полной неясности теоретической мысли и способным затруднить осуществление насущно необходимых практических мер, облегчающих рабочему классу борьбу за социализм в демократической республике.

Припомните полемику новой «Искры» с «Вперёд», её тактику «только снизу» в противоположность вперёдовскому «и снизу и сверху», — и вы увидите, что «Искра» приняла наше решение

вопроса, призывая теперь прямо сама к действию сверху. Припомните опасения «Искры» насчёт того, как бы не скомпрометировать нам себя ответственностью за казначейство, финансы и т. п., — и вы увидите, что если «Искру» не убедили наши доводы, то её убедили в верности этих доводов сами события, ибо «Искра» в приведённом листке прямо рекомендует «захватывать отделения государственного банка». Нелепая теория, будто революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства, их совместное участие во временном революционном правительстве есть «измена пролетариату» или «вульгарный жоресизм (мильеранизм)» — просто забыта новоискровцами, которые теперь сами обращаются именно к рабочим и крестьянам с призывом захватывать городские учреждения, отделения государственного банка, оружейные склады, «вооружать весь народ» (очевидно, теперь уже вооружать *оружием*, а не только «жгучей потребностью самовооружения»), провозглашать низвержение царской монархии и т. д. — одним словом, действовать целиком по программе, данной в резолюции III съезда, действовать именно так, как указывает лозунг революционно-демократической диктатуры и временного революционного правительства.

Правда, ни того, ни другого лозунга «Искра» в своём листке не упоминает. Она перечисляет и описывает все действия, совокупность которых характерна для временного революционного правительства, но она избегает этого слова. Это она напрасно. Фактически она принимает сама этот лозунг. Отсутствие же ясного термина способно лишь посеять колебания, нерешительность, путаницу в умы борцов. Боязнь *слова*: «революционное правительство», «революционная власть» есть чисто анархическая и недостойная марксиста боязнь. Чтобы «захватить» учреждения и банки, «назначить выборы», поручить «временное ведение дел», «провозгласить низвержение монархии», — для этого безусловно необходимо осуществить и провозгласить сначала временное революционное правительство, которое бы объединило и направило к одной цели всю военную и политическую деятельность революционного народа. Без такого объединения, без всеобщего признания временного правительства революционным народом, без перехода к нему всей власти, всякий «захват» учреждений, всякое «провозглашение» республики останутся простой и пустой

бунтарской выходкой. Не сконцентрированная революционным правительством революционная энергия народа после первой удаи восстания лишь раздробится, рассыплется на мелочи, утратит общенациональный размах, не осилит задачи удержать захваченное и осуществить провозглашённое.

Повторяем: фактически, на деле, социал-демократы, не признающие решений III съезда РСДРП, вынуждены ходом событий действовать именно по данным им лозунгам, выбросив за борт лозунги конференции. Революция учит. Наше дело — использовать до капли её уроки, привести в соответствие наши тактические лозунги с нашим поведением и нашими ближайшими задачами, распространить в массе правильное понимание этих ближайших задач, приступить самым широким образом к организации рабочих везде и повсюду для боевых целей восстания, для создания революционной армии и образования временного революционного правительства!

«Пролетарий» № 9, 26 (13) июля 1905 г.

Печатается по рукописи,

сверенной с текстом газеты «Пролетарий»

Вычитал: Черняховский Константин Юрьевич, преподаватель

Проверил: Воробьёв Евгений Валентинович, слесарь

СЕРДИТОЕ БЕССИЛИЕ

В № 104 «Искры» помещена заметка по поводу нашего фельетона: «Третий шаг назад» (См. статью «Третий шаг назад» в 10 томе серии «Основное в Ленинизме». *Ред.*). Там нами было совершенно спокойно рассказано, что новоискровцы пользовались от имени партии типографией, складом и деньгами, а от сдачи партийного имущества предпочли уклониться. До какого состояния довело «Искру» раздражение по поводу этого заявления, видно из их выражений в духе незабвенного бундовского «поганья». «Искра» любезно преподносит нам и «грязную швабру» и «клеветующих трусов» и проч. и проч. Совсем так, как Энгельс характеризовал некогда полемику известного сорта эмигрантов: «Каждое слово — ночной горшок, и притом не пустой» (*Jedes Wort — ein Nachttopf und kein leerer*). Мы не забыли, конечно, французского изречения: брань есть довод того, у кого нет аргументов. Мы предложим и теперь беспристрастным читателям хладнокровно взвесить, по какому случаю шум. Новоискровцы не ответили на письмо ЦК, который после III съезда предложил им сдать партийное имущество. Они не признают III съезда, не признают поворота ЦК к большевикам. Пусть так. Но из этого непризнания вытекает лишь то, что новоискровцам следовало бы, с их точки зрения, сдать не всё, а известную часть партийного имущества. Это до того ясно, что «Искра» сама говорит теперь в своей заметке о «возможности разделения всего партийного имущества». Если так, наши милые противники, то отчего же бы вам и не ответить соответственно на письмо Центрального Комитета? А то ведь остаётся несомненным, несмотря на всю энергию ваших выражений, тот факт, что большинство даёт во всём публичный отчёт, издавая протоколы III съезда, а вы никакого отчёта никому о своём употреблении партийного имущества не даёте,

никаких протоколов не выпускаете, только ругаетесь. Подумайте в спокойную минуту, какое впечатление должно получаться у способной думать публики от такого поведения!

Далее. Поворот ЦК в пользу съезда не нравится «Искре». Это естественно. Но ведь это не первый его поворот. Год тому назад, в августе 1904 г., ЦК повернул к меньшинству. Год тому назад мы заявили печатно и публично, что не признаём законности действий Центрального Комитета. Спрашивается, как поступили мы тогда по отношению к партийному имуществу? *Мы отдали и типографию, и склад, и кассу меньшевикам.* «Искра» может ругаться, сколько угодно, но этот факт остаётся фактом. Мы дали отчёт и сдали имущество нашим противникам, желая бороться партийными способами и добиваясь съезда. Наши противники спрятались от съезда и никому никаких отчётов не дали (кроме своих собственных сторонников, да и тем непублично, ибо, во-первых, нет протоколов «конференции», а во-вторых, неизвестен ни её порядок дня, ни её пределы власти, т. е. пределы обязательности для самих меньшевиков её решений).

Наша внутрипартийная борьба кончилась расколом; теперь есть лишь борьба одной партии с другою, находящеюся в состоянии организации-процесса. И вот теперь, бросая общий взгляд на историю борьбы до раскола, всякий — (конечно, из тех, кто *изучает* по документам историю своей партии, а не ограничивается рассказами, как делают многие приезжие из России) — всякий может видеть ясно общий характер борьбы. Большинство, обвиняемое в «формализме», «бюрократизме» и проч., отдало своим противникам *все* формальные прерогативы, все бюрократические учреждения: сначала редакцию ЦО, потом Совет партии, наконец, и Центральный Комитет. Не отдавали и не отдали лишь съезда. И вышло так, что большевики восстановили партию (или создали себе свою партию, как думают, естественно, новоискровцы), основав *все* свои партийные учреждения всецело на добровольном согласии партийных работников, — сначала Бюро Комитетов Большинства, затем «Вперёд», наконец, III партийный съезд. Наоборот, наши оппоненты держатся как раз за формальные прерогативы и бюрократические учреждения, подаренные им из жалости! Посмотрите, в самом деле: разве «редакцию ЦО» не подарили им Ленин и Плеханов? Называя себя «ЦО партии»,

«Пролетарий» опирается на решения III съезда, не признаваемые меньшевиками, но признанные ясно, точно и определённо большинством партии, состав которого всем известен. «Искра» же, называя себя «ЦО партии», опирается на решения II съезда, не признаваемые теперь ни большевиками (мы их заменили решениями III съезда), *ни меньшевиками!!* Ведь вот в чём соль-то! Ведь конференция меньшевиков сама отменила устав II съезда. Ведь новоискровцы *цепляются теперь за заголовки*, отменённый их собственными сторонниками!

Сам Плеханов, который никогда не мог вполне сойтись с новоискровцами принципиально, который делал им, однако, бесконечные личные уступки, который больше чем достаточно обрушивался на большевиков, которому всегда за это кланялись и кланяются новоискровцы, — даже он заявил, что конференция нанесла смертельный удар центральным учреждениям, и предпочёл отрясти прах от ног своих. А новоискровцы продолжают называть себя «ЦО» и бранить тех, кто указывает им не только неправильность, но и абсолютное неприличие всей их партийной позиции. Брань, по поводу которой завели мы весь разговор, есть именно психологически неизбежный результат смутного сознания этого неприличия. Напомним, что даже г. Струве, много раз выражавший свои *принципиальные* симпатии и Староверу, и Акимову, и Мартынову, и тенденциям новоискровства вообще, и их конференции в частности, должен был признать в своё время, что позиция у них не совсем корректна или, вернее, совсем не корректна.

Нам прекрасно известно, что широкие круги социал-демократов, особенно рабочих, страшно недовольны расколом (кто может быть доволен им?) и готовы «где угодно» искать выхода из него. Мы вполне понимаем и безусловно уважаем это настроение. Но мы предостерегаем всех и каждого: одного настроения мало. Формула «где угодно» никуда не годится, ибо в ней нет главного: понимания *средств* прекращения раскола. Никакие горькие слова, никакие попытки образовать что-либо «третье», не большевистское и не меньшевистское, не помогут делу, а только запутают его ещё больше. Пример такой сильной личности, как Плеханов, фактически, на опыте двух лет, доказал это. Пусть немецкие социал-демократы, которые, подобно К. Каутскому, знают о нашем расколе большей частью из односторонних

рассказов, отделяются горькими словами. Им ещё прости-тельно их незнание — хотя непростительны, конечно, претензии судить о том, чего они не знают. Русские социал-демократы дол-жны научиться, наконец, презирать людей, способных отделя-ваться горькими словами, мечущихся из стороны в сторону, фра-зёрствующих о «мире» и бессильных хоть что-нибудь реальное сделать для мира. Реальный путь к миру и единству партии лежит не через скороспелые соглашения, ведущие к новым конфликтам, к новому и худшему запутыванию дела, а в полном *выяснении на деле* тактических и организационных тенденций обеих частей. В этом отношении мы довольны, как нельзя более, новоискров-ской конференцией. Она ознаменовала бесповоротное разложение новоискровства. Революция разбивает их тактический хвостизм. Их «организация процесс» становится всеобщим посмешищем. От них отпадает, с одной стороны, Плеханов, «просвещённый», очевидно, конференцией не только насчёт её организационного смысла, но и насчёт принципиальности новоискровцев. От них отпадает, с другой стороны, Акимов, объявляющий «*пустой фра-зой*» обещания или «принципы» петербургских меньшевиков. Третий съезд партии теснее сплотил одну сторону. Конференция сама разбила другую сторону. Нам остаётся лишь посоветовать «примиренцам»: изучите, товарищи, историю раскола, разбери-тесь в причинах неудачи плехановского примиренства, не вли-вайте нового вина в старые мехи!

«Пролетарий» № 9, 26 (13) июля 1905 г.

*Печатается по тексту газеты «Пролетарий»,
сверенному с рукописью*

Вычитал: Воробьёв Евгений Валентинович, слесарь

Проверил: Алымов Андрей Александрович, инженер

ПРОЛЕТАРИАТ БОРЕТСЯ, БУРЖУАЗИЯ КРАДЁТСЯ К ВЛАСТИ

Во время войны дипломатии нечего делать. По окончании военных действий дипломаты выдвигаются на первый план, подводя итоги, составляя счета, упражняясь в честном маклерстве.

Нечто подобное происходит и в русской революции. Во время военных столкновений народа с силами самодержавия либеральные буржуа прячутся по своим норам. Они против насилия сверху и снизу, они враги и произвола власти и анархии черни. Они выходят на сцену по окончании военных действий, и в их политических решениях ясно отражается перемена в политической ситуации, произведённая этими действиями. Либеральная буржуазия «порозовела» после 9-го января; она начинает «краснеть» теперь, после одесских событий, ознаменовавших (в связи с событиями на Кавказе, в Польше и т. д.) крупный рост народного восстания против самодержавия за полгода революции.

Три только что состоявшихся либеральных съезда очень поучительны в этом отношении. Всех консервативнее был съезд промышленников и торговцев. Им всего больше доверяет самодержавие. Их не беспокоит полиция. Они критикуют булыгинский проект, осуждают его, требуют конституции, но не поднимают, насколько мы можем судить по нашим неполным сведениям, даже и вопроса о бойкотировании булыгинских выборов. Самый радикальный — съезд делегатов «Союза союзов». Он происходит уже тайно и на нерусской территории, хотя под боком у Питера, в Финляндии. Как говорят, члены съезда прячут из предосторожности бумаги, и полицейские обыски на границе не дают никаких данных полиции. Съезд этот большинством голосов (против значительного, кажется, меньшинства) высказывается за полный и решительный бойкот булыгинских выборов, за широкую

агитацию в целях осуществления всеобщего избирательного права.

Середину занимает самый «влиятельный», торжественный и шумный съезд земских и городских деятелей. Он почти легален: полиция только для проформы составляет протокол и предъявляет встреченное улыбкой требование разойтись. Газеты, начавшие печатать сведения о нём, караются приостановкой («Слово») или предостережением («Русские Ведомости»). На нём представлено 216 делегатов, по заключительному отчёту г. Петра Долгорукова, сообщённому в «Times». Об нём телеграфируют во все концы мира корреспонденты иностранных газет. По главному политическому вопросу: бойкотировать ли «конституцию» Булыгина, съезд не высказывается никак. По сообщениям английских газет, большинство было за бойкотирование, организационный комитет съезда — против. Сошлись на компромиссе: оставить вопрос открытым до опубликования проекта Булыгина и тогда созвать по телеграфу новый съезд. Разумеется, булыгинский проект решительно осуждается съездом, который принимает «освободительский» проект конституции (монархия и двухпалатная система), отвергает обращение к царю и постановляет «обратиться к народу».

Текста этого обращения мы ещё не имеем. По сообщениям иностранных газет, оно представляет из себя составленный в сдержанных выражениях очерк событий со времени ноябрьского съезда земцев, перечень фактов, свидетельствующих о недобросовестных оттяжках правительства, о нарушенных им обещаниях, о его циничном равнодушии к требованиям общественного мнения. Кроме обращения к народу почти единогласно принята также резолюция о сопротивлении произвольным и несправедливым действиям правительства. Эта резолюция заявляет, что, «ввиду произвольных действий администрации и постоянного нарушения ею прав общества, съезд считает долгом всех защищать естественные права человека мирными средствами, включая сюда и сопротивление действиям властей, нарушающих эти права, хотя бы такие действия основывались на букве закона» (цитируем по «Times»).

Итак, шаг влево нашей либеральной буржуазии несомнен. Идёт вперёд революция, за ней ковыляет и буржуазная

демократия. Истинный характер этой демократии, как *буржуазной* демократии, представляющей интересы имущих классов, отстаивающей дело свободы непоследовательно и своекорыстно, выступает всё яснее, несмотря на то, что буржуазная демократия «краснеет» и старается говорить иногда «почти революционным» языком.

В самом деле, что означает отсрочка решения вопроса о бойкоте булыгинской конституции? Желание ещё поторговаться с самодержавием. Неуверенность в себе того большинства, которое составилось было в пользу бойкота. Молчаливое признание того, что конституцию господа помещики и купцы запрашивают, а сойдутся они, пожалуй, и на меньшем. Если даже съезд либеральных буржуа не решается сразу порвать с самодержавием и с булыгинской комедией, то чего же можно ждать от того съезда всех и всяческих буржуа, который будет называться булыгинской «Думой» и который будет избран (если он когда-либо будет избран!) при всевозможных приёмах давления со стороны самодержавного правительства?

Самодержавное правительство так и смотрит на этот акт либералов, считая его лишь одним из эпизодов буржуазного торгашества. С одной стороны, самодержавие, видя недовольство либералов, «надбавляет» немного свои посулы: заграничные газеты сообщают, что в булыгинский проект вносится ряд новых «либеральных» изменений. С другой стороны, самодержавие отвечает на недовольство земцев новой угрозой: характерно сообщение корреспондента «Таймса», что Булыгин и Горемыкин предлагают, как ответ на земский «радикализм», натравить крестьян на «бар», пообещав крестьянам прирезку земли от имени царя и устроив «народный» плебисцит (при помощи земских начальников) насчёт сословных или бессословных выборов. Разумеется, это сообщение — только слух, пущенный, вероятно, нарочно. Но остаётся несомненным, что правительство не боится самых диких, грубых и зверских форм демагогии, не боится восстания «одичалых масс» и подонков населения, а либералы боятся народного восстания против насильников, героев грабежа, разбоя и турецкого зверства. Правительство давно уже начало кровопролитие в невиданных размерах и формах. А либералы отвечают, что они хотят избежать кровопролития! Разве после такого ответа

не вправе любой наёмный убийца третировать их, как буржуазных торгашей? Разве не смешна после этого резолюция об обращении к народу с признанием «мирного сопротивления» произволу и насилию? Правительство раздаёт оружие направо и налево, подкупая кого угодно на избиение и убийство «жидов», «демократов», армян, поляков и т. д. А наши «демократы» считают «революционным» шагом агитацию за «мирное сопротивление»!

В только что полученном нами № 73 «Освобождения» г. Струве негодует против г. Суворина, который поощрительно похлопывает по плечу г. Ивана Петрункевича и предлагает разместить таких либералов по министерствам и департаментам для их успокоения. Г. Струве возмущён, ибо именно г. Петрункевича и его единомышленников в земстве («связавших себя программой» — какой? где? — «перед историей и нацией») он прочит в будущее министерство конституционно-демократической партии. Мы же думаем, что поведение гг. Петрункевичей и на приёме их царём и на земском съезде 6 (19) июля даёт полное право даже Сувориным презрительно третировать таких «демократов». Г. Струве пишет: «всякий искренний и рассуждающий либерал в России требует революции». Мы же скажем, что если это «требование революции» в июле 1905 года выражается резолюцией о мирных средствах сопротивления, то Суворины имеют полное право относиться к подобному «требованию» и к таким «революционерам» с презрением и с насмешкой.

Г. Струве возразит, вероятно, что события, двигавшие до сих пор влево наших либералов, подвинут их со временем и ещё дальше. Он говорит в том же № 73: «Условия для физического вмешательства армии в политическую борьбу будут действительно даны лишь тогда, когда самодержавная монархия столкнётся с организованной в народном представительстве нацией. Тогда армия будет поставлена перед выбором: правительство или нация, и выбор будет нетруден и безошибочен».

Эта мирная идиллия очень похожа на откладывание революции до греческих календ. Кто же организует нацию в народное представительство? Самодержавие? Но оно соглашается организовать лишь булыгинскую Думу, против которой вы сами протестуете, не признавая её народным представительством! Или «нация» организует народное представительство сама? Если так, отчего

либералы и слышать не хотят о временном революционном правительстве, которое может опереться лишь на революционную армию? отчего они, выступая на своём съезде от имени народа, не делают, однако, такого шага, который бы свидетельствовал об организации нации в народное представительство? Если вы действительно представители народа, господа, а не представители буржуазии, предающей интересы народа в революции, отчего вы не обращаетесь к армии? не объявляете разрыва с самодержавной монархией? отчего вы закрываете глаза на неизбежность решительной борьбы между армией революционной и армией царской?

Оттого, что вы боитесь революционного народа и, обращаясь к нему с фразами, на деле вы считаетесь и торгуетесь с самодержавием. Лишнее доказательство этого: переговоры председателя организационного комитета земского съезда, г. Головина, с московским генерал-губернатором Козловым. Г. Головин уверил Козлова, что слухи о намерении превратить этот съезд в учредительное собрание вздорны. Что это значит? Это значит, что представитель организованной буржуазной демократии гарантировал представителю самодержавия, что на разрыв с самодержавием она не идёт! Ведь только политические младенцы могут не понимать того, что обещание не объявлять съезда учредительным собранием равносильно обещанию не принимать действительно революционных мер, — ибо Козлов боялся, разумеется, не слов: учредительное собрание, а *дел*, способных обострить конфликт и вызвать решительную борьбу народа и армии с царизмом! Разве это не политическое лицемерие, когда на словах вы называете себя революционерами, говорите об обращении к народу, об оставлении вами всяких надежд на царя, а на деле успокаиваете слуг царя насчёт своих намерений?

Ах, эти пышные либеральные слова! Сколько наговорил их на съезде вождь «конституционно-демократической» партии г. И. Петрункевич! Посмотрим же, какими заявлениями «связывает он себя перед историей и нацией». Цитируем по корреспонденциям в «*Таймсе*».

Г-н де Робёрти высказывается за обращение с петицией к царю. Против говорят Петрункевич, Новосильцев, Шаховской, Родичев. Голосование даёт лишь шесть голосов за петицию. Из речи г.

Петрункевича: «Когда мы ехали в Петергоф 6 (19) июня, мы ещё надеялись, что царь поймёт грозную опасность положения и сделает что-нибудь для её предотвращения. Теперь всякая надежда на это должна быть оставлена. Остался лишь один выход. До сих пор мы надеялись на реформу сверху, отныне единственная наша надежда — народ. (Громкие аплодисменты.) Мы должны сказать народу правду в простых и ясных словах. Неспособность и бессилие правительства вызвали революцию. Это факт, который надо признать всем. Наш долг — употребить все усилия, чтобы избежать кровопролития. Многие из нас отдали долгие годы на службу родине. Теперь мы смело должны идти к народу, а не к царю». На другой день г. Петрункевич продолжал: «Мы должны порвать узкие рамки нашей деятельности и пойти к крестьянину. До сих пор мы надеялись на реформы сверху, но, пока мы ждали, время сделало своё дело. Революция, споспешествуемая правительством, перегнала нас. Слово: революция: так испугало вчера двух наших членов, что они ушли со съезда. Но мы должны мужественно смотреть в лицо правде. Мы не можем ждать со сложенными руками. Нам возражали, что обращение земств и дум к народу будет агитацией, сеющей смуту. Но разве в деревнях царит спокойствие? Нет, смута уже налицо и притом в худшем виде. Мы не можем удержать бурю, но, во всяком случае, мы должны постараться предотвратить слишком большое потрясение. Мы должны сказать народу, что бесполезно разрушать фабрики и экономии. Мы не должны смотреть на это разрушение как на простой вандализм. Это — слепой, невежественный крестьянский способ помочь злу, которое они инстинктивно чувствуют, но которое они не в силах понять. Пусть власти отвечают им нагайками. Наш долг всё-таки идти к народу. Мы должны были бы сделать это раньше. Земства существовали 40 лет, не приходя в тесное и интимное соприкосновение с крестьянами. Не будем же терять времени, чтобы поправить эту ошибку. Мы должны сказать крестьянину, что мы с ним».

Очень хорошо, г. Петрункевич! Мы с крестьянином, мы с народом, мы признаём революцию за факт, мы оставили всякую надежду на царя... В добрый час, господа! Только... только как же так? Не с царём, а с народом, *и поэтому* обещать генерал-губернатору Козлову, что съезд не будет действовать как учредительное

собрание, т. е. как настоящее народное, и действительное народное, представительство? Признавать революцию *и поэтому* отвечать мирными средствами сопротивления на зверства, убийства, разбои правительственных слуг? Идти к крестьянину и с крестьянином, *и поэтому* отделяться самой неопределённой программой, сулящей только *выкуп* с согласия помещиков! Идти не с царём, а с народом, *и поэтому* принимать проект конституции, который обеспечивает, во-первых, монархию, сохранение царской власти над войском и чиновничеством, а во-вторых, обеспечивает заранее политическое господство помещиков и крупной буржуазии посредством верхней палаты.

Либеральная буржуазия идёт к народу. Это верно. Она вынуждена идти к нему, ибо без него она бессильна бороться с самодержавием. Но она боится революционного народа и идёт к нему не как представительница его интересов, не как новый пламенный боевой товарищ, а как торгаш, маклер, бегающий от одной воюющей стороны к другой. Сегодня — она у царя и просит у него, от имени «народа», монархической конституции, трусливо отрекаясь в то же время от народа, от «смуты», от «красоты», от революции. Завтра — она грозит царю со своего съезда, грозит монархической конституцией и мирным сопротивлением против штыка. И вы удивляетесь ещё, господа, что царские слуги разгадали вашу трусливую и двуличную душонку? Вы боитесь остаться без царя. Царь не боится остаться без вас. Вы боитесь решительной борьбы. Царь не боится её, а хочет борьбы, сам вызывает и начинает борьбу, он желает померяться силой, прежде чем уступить. Вполне естественно, что царь презирает вас. Вполне естественно, что это презрение выражают вам лакеи царя, господа Суворины, посредством поощрительного похлопывания по плечу вашего Петрункевича. Вы заслужили это презрение, ибо вы не боретесь вместе с народом, а только крадётесь к власти за спиной революционного народа.

Иностранные корреспонденты и публицисты буржуазии довольно метко схватывают иногда эту сущность дела, хотя и выражают её очень своеобразно. Г. Гастон Леру в «*Matin*» берётся изложить взгляды земцев. «Беспорядок вверху, беспорядок внизу, мы одни — представители порядка». Взгляд земцев действительно таков. А в переводе на прямой русский язык это

значит: наверху и внизу готовы бороться, а мы — честные маклеры, мы крадёмся к власти. Мы дожидаемся, не будет ли у нас тоже 18-го марта, не победит ли народ хоть раз в уличном бою правительство, не явится ли для нас возможность, подобно немецкой либеральной буржуазии, взять в руки власть после первой победы народа. А тогда, когда мы станем силой против самодержавия, мы обернёмся против революционного народа и заключим сделку с царём против народа. Наш проект конституции — готовая программа такой сделки.

Расчёт неглупый. Про революционный народ иногда приходится сказать, как говорили римляне про Аннибала: ты умеешь побеждать, но не умеешь пользоваться победой! Победа восстания не будет ещё победой народа, если она не поведёт к революционному перевороту, к полному свержению самодержавия, к отстранению непоследовательной и своекорыстной буржуазии, к революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства.

Орган французской консервативной буржуазии, «Temps», прямо советует земцам покончить скорее конфликт *сделкой* с царём (передовица от 24 июля н. ст.). Реформы невозможны, говорит он, без соединения моральной и материальной силы. Материальной силой обладает только правительство. Моральной — земцы.

Прекрасная формулировка буржуазных взглядов — и прекрасное подтверждение нашего анализа политики земцев. Буржуа забыл про мелочь, про народ, про десятки миллионов рабочих и крестьян, которые создают своим трудом все богатства буржуазии, которые борются за свободу, необходимую им, как свет и как воздух. Буржуа имел право забыть про них, поскольку они ещё не доказали своей «материальной силы» победой над правительством. Иначе как «материальной силой» не решался ни один крупный вопрос в истории, и царское самодержавие, повторяем, само начинает борьбу, вызывая народ померяться с ним силой.

Буржуазия Франции советует буржуазии российской скорее заключить сделку с царём. Она боится, вчуже боится, решительной борьбы. В случае победы народа неизвестно ещё, будут ли народом допущены к власти крадущиеся к ней гг. Петрункевичи! Усчитать заранее, насколько решительна будет победа, и каковы

будут результаты её, невозможно, — этим вполне объясняется робость буржуазии.

Пролетариат готовится к этой решительной борьбе по всей России. Он собирает свои силы, он учится и крепнет от каждой новой схватки, которые до сих пор кончались неудачей, но которые неизменно приводили к новым и более сильным нападениям. Пролетариат идёт к победе. Он поднимает за собой крестьянство. Опираясь на крестьянство, он парализует неустойчивость и предательство буржуазии, отстранит её претендентов и силой раздавит самодержавие, вырвет с корнем из русской жизни все следы проклятого крепостничества. И тогда мы завоюем народу не монархическую конституцию, обеспечивающую политические привилегии буржуазии. Мы завоюем России республику с полной свободой всем угнетённым народностям, с полной свободой для крестьян и рабочих. Мы воспользуемся тогда всей революционной энергией пролетариата для самой широкой и смелой борьбы за социализм, за полное освобождение всех трудящихся от всякой эксплуатации.

«Пролетарий» №10, 2 августа (20 июля) 1905 г.

***Печатается по тексту газеты «Пролетарий»,
сверенному с рукописью***

Вычитал: Воробьёв Евгений Валентинович, слесарь

Проверил: Алымов Андрей Александрович, инженер

БОЙКОТ БУЛЫГИНСКОЙ ДУМЫ И ВОССТАНИЕ

Современное политическое положение в России таково. Возможен близкий созыв булыгинской Думы, т. е. совещательного собрания представителей помещиков и крупной буржуазии, выбранных под надзором и при содействии слуг самодержавного правительства на основе такого грубоцензового, сословного и непрямого избирательного права, которое является прямо издевательством над идеей народного представительства. Как держаться по отношению к этой Думе? Либеральная демократия даёт два ответа на этот вопрос: левое крыло её, в лице «Союза союзов», т. е. главным образом представителей буржуазной интеллигенции, высказывается за бойкот этой Думы, за то, чтобы в выборах не участвовать и использовать момент для усиленной агитации в пользу демократической конституции на основе всеобщего избирательного права. Правое крыло её, в лице июльского съезда земских и городских деятелей, или, вернее, в лице известной части этого съезда, — против бойкота, за участие в выборах, за проведение в Думу возможно большего числа своих кандидатов. Правда, никакого решения по этому вопросу съезд ещё не вынес, отложив дело до следующего съезда, который должен быть созван по телеграфу после обнародования булыгинской «конституции». Но мнение правого крыла либеральной демократии достаточно уже определилось.

Революционная демократия, т. е., главным образом, пролетариат и его сознательная выразительница, социал-демократия, высказывается безусловно, в общем и целом, за восстание. Это различие тактики верно схвачено органом либерально-монархической буржуазии, «Освобождением», в последнем номере которого, с одной стороны, решительно осуждается «открытая

проповедь вооружённого восстания», как «безумная и преступная», а с другой стороны, критикуется идея бойкота, как «практически бесплодная», и выражается уверенность, что не только земская фракция конституционно «демократической» (читай: монархической) партии, но и союзы союзов «выдержат свой государственный экзамен», т. е. откажутся от идеи бойкота.

Спрашивается, как должна отнестись партия сознательного пролетариата к идее бойкота и какой тактический лозунг должна она выдвинуть на первый план перед народными массами? Чтобы ответить на этот вопрос, надо припомнить прежде всего, в чём состоит сущность и коренное значение булыгинской «конституции». В сделке царизма с помещиками и крупными буржуа, которые посредством невинной и совершенно безвредной для самодержавия якобы конституционной подачи должны быть постепенно разъединены с революцией, т. е. с борющимся народом, и примирены с самодержавием. Так как вся наша конституционно-«демократическая» партия жаждет сохранения монархии и верхней палаты (т. е. обеспечения заранее в государственном строе страны политических привилегий и политического господства «верхних десяти тысяч» богатеев), — то возможность такой сделки не подлежит сомнению. Более того: в той или иной форме, рано или поздно, такая сделка, по крайней мере с частью буржуазии, неизбежна, ибо она предписывается самым классовым положением буржуазии в капиталистическом строе. Вопрос только в том, когда и как состоится эта сделка, и вся задача партии пролетариата — по возможности отдалить момент её заключения, по возможности разделить буржуазию, извлечь наибольшую пользу для революции из временных обращений буржуазии к народу, подготовить за этот период силы революционного народа (пролетариата и крестьянства) для насильственного ниспровержения самодержавия и для отстранения, нейтрализации предательской буржуазии.

В самом деле, сущность политического положения буржуазии, как мы уже не раз указывали, состоит в том, что она стоит между царём и народом, желая сыграть роль честного маклера, подкрасться к власти за спиной борющегося народа. Поэтому буржуазия сегодня обращается к царю, завтра к народу, к первому — с «серьёзными, деловыми» предложениями политического

гешефта, ко второму — с пустыми фразами о свободе (речи г. И. Петрункевича на июльском съезде). Нам выгодно, чтобы буржуазия обращалась к народу, ибо таким обращением она даёт материал для политического пробуждения и политического просвещения таких отсталых и таких широких масс, пытаться охватить которые социал-демократической агитацией было бы пока пустой утопией. Пусть буржуазия встряхивает наиболее отсталых, пусть кое-где взрывает почву, — мы будем неустанно сеять социал-демократические семена в эту почву. Везде на Западе буржуазия для борьбы с самодержавием вынуждена была будить политическое самосознание народа, стремясь в то же время посеять семена буржуазных теорий в рабочий класс. Наше дело — пользоваться разрушительной работой буржуазии по отношению к самодержавию и неуклонно просвещать рабочий класс относительно его социалистических задач, относительно враждебной непримиримости его интересов с интересами буржуазии.

Отсюда ясно, что наша тактика должна состоять в настоящий момент, во-первых, в поддержке идеи бойкота. Самый вопрос об этом бойкоте есть вопрос внутри буржуазной демократии. Рабочий класс тут прямо не заинтересован, но он безусловно заинтересован в поддержке той части буржуазной демократии, которая революционнее, он заинтересован в расширении политической агитации и обострении её. Бойкот Думы — есть усиленное обращение буржуазии к народу, развитие её агитации, увеличение числа поводов для нашей агитации, углубление политического кризиса, т. е. источника революционного движения. Участие либеральной буржуазии в Думе — есть ослабление её агитации в настоящем, обращение её более к царю, чем к народу, приближение контрреволюционной сделки между царём и буржуазией.

Спора нет, булыгинская Дума, если даже она не будет «сорвана», сама породит в будущем неизбежные политические конфликты, которыми непременно должен будет воспользоваться пролетариат, но это — вопрос будущего. Смешно было бы «зарекаться» утилизировать эту буржуазно-чиновничью Думу в целях агитации и борьбы, но теперь вопрос не в том. Теперь левое крыло самой буржуазной демократии выдвинуло вопрос о прямой и непосредственной борьбе с Думой путём бойкота, и мы должны употребить все усилия, чтобы помочь этому более решительному

натиску. Мы должны ловить буржуазных демократов, освобожденных, на слове: распространять как можно шире их «петрункевичевские» фразы об обращении к народу, избобличать их перед народом, показывая, что первой и самой маленькой проверкой на деле этих фраз явился как раз вопрос, бойкотировать ли Думу, т. е. обратиться с протестом к народу, или принять Думу, т. е. отказаться от протеста, пойти ещё раз к царю, принять издевательство над народным представительством.

Далее, во-вторых, мы должны приложить все усилия, чтобы бойкот принёс реальную пользу в смысле расширения и углубления агитации, а не остался простым пассивным отстранением от выборов. Эта идея довольно широко уже распространена, если мы не ошибаемся, среди работающих в России товарищей, выражающих свою мысль словами: *активный бойкот*. В противоположность пассивному отстранению, активный бойкот должен означать удешевление агитации, устройство собраний везде и всюду, утилизацию избирательных собраний хотя бы путём насильственного проникновения в них, устройство демонстраций, политических забастовок и т. д. и т. п. Само собою разумеется, что в целях агитации и борьбы по такому поводу особенно целесообразны допущенные вообще рядом решений нашей партии временные соглашения с теми или иными группами революционной буржуазной демократии. При этом мы должны, с одной стороны, неуклонно охранять классовую особность партии пролетариата, ни на минуту не оставляя социал-демократической критики наших буржуазных союзников. С другой стороны, мы не исполнили бы своего долга, как партия передового класса, если бы не сумели выдвинуть в агитации передового революционного лозунга в данный момент демократической революции.

Это составляет третью нашу непосредственную и ближайшую политическую задачу. «Активный бойкот», как мы уже сказали, есть агитация, вербовка, организация революционных сил в увеличенном масштабе, с двойной энергией, под тройным давлением. Но такая работа немыслима без ясного, точного, прямого лозунга. Таким лозунгом может быть только вооружённое восстание. Созыв правительством грубоподдельного «народного» представительства даёт великолепные поводы для агитации за настоящее народное представительство, для разъяснения самым широким массам,

что созвать это настоящее представительство может теперь (после таких обманов царя и такой издёвки его над народом) лишь временное революционное правительство, для учреждения которого необходима победа вооружённого восстания и фактическое свержение царской власти. Лучшего момента для широкой агитации за восстание нельзя себе представить, и для такой агитации необходима также полная ясность относительно программы временного революционного правительства. Такой программой должны быть уже намеченные нами ранее *шесть* пунктов: 1) созыв всенародного учредительного собрания; 2) вооружение народа; 3) политическая свобода — немедленная отмена всех законов, противоречащих ей; 4) полная, культурная и политическая свобода всем угнетённым и неполноправным народностям. Русский народ не может завоевать себе свободы, не борясь за свободу других народов; 5) восьмичасовой рабочий день; 6) учреждение крестьянских комитетов для поддержки и проведения всех демократических преобразований, в том числе и поземельных вплоть до конфискации помещичьих земель.

Итак: самая энергичная поддержка идеи бойкота; избличение правого крыла буржуазной демократии, отвергающего её, в предательстве; превращение этого бойкота в активный, т. е. развитие самой широкой агитации; проповедь вооружённого восстания, призыв к немедленной организации дружин и отрядов революционной армии для свержения самодержавия и учреждения временного революционного правительства; распространение и разъяснение основной и безусловно обязательной программы этого временного революционного правительства, которая должна быть знаменем восстания и образцом при всех предстоящих повторениях одесских событий.

Такова должна быть тактика партии сознательного пролетариата. В целях полного выяснения этой тактики и достижения единства её мы должны ещё остановиться на тактике «Искры». В № 106 она изложена в статье «Оборона или наступление». Не останавливаясь на мелких и частных разногласиях, которые сами собой отпадут при первых попытках перехода к делу, отметим коренное разногласие. Справедливо осуждая пассивный бойкот, «Искра» противопоставляет ему идею немедленной «организации революционного самоуправления» как «возможного

пролога восстания». Мы должны, по мнению «Искры», «захватить себе право избирательной агитации путём учреждения рабочих агитационных комитетов». Эти комитеты «должны поставить себе целью организовать выбор народом своих уполномоченных революционных депутатов вне тех «законных» рамок, которые будут установлены министерскими проектами», мы должны «покрыть страну сетью органов революционного самоуправления».

Подобный лозунг никуда не годится. Он представляет из себя путаницу с точки зрения политических задач вообще и льёт воду на мельницу освобожденства с точки зрения данного политического положения. Организация революционного самоуправления, выбора народом своих уполномоченных есть не *пролог*, а *эпilog* восстания. Ставить себе цель осуществить эту организацию теперь, до восстания, помимо восстания, значит ставить себе нелепую цель и вносить путаницу в сознание революционного пролетариата. Надо сначала победить в восстании (хотя бы в отдельном городе) и учредить временное революционное правительство, чтобы это последнее, как орган восстания, как признанный вождь революционного народа, могло приступить к организации революционного самоуправления. Заслонять или хотя бы отодвигать лозунг восстания лозунгом организации революционного самоуправления — это нечто вроде совета поймать муху и затем посыпать её порошком от мух. Если бы одесским товарищам в знаменитые одесские дни посоветовали в виде пролога восстания не организацию революционной армии, а организацию выборов одесским народом своих уполномоченных, то одесские товарищи, разумеется, осмеяли бы такое предложение. «Искра» повторяет ошибку «экономистов», хотевших видеть в «борьбе за права» пролог к борьбе с самодержавием. «Искра» возвращается к зловещим несчастьям несчастного «плана земской кампании», заслонявшего лозунг восстания теорией «высшего типа демонстрации».

Здесь не место останавливаться на источнике этой тактической ошибки «Искры», — отсылаем интересующихся к брошюре Н. Ленина: «Две тактики социал-демократии в демократической революции». Здесь важнее указать, каким образом новоискровский лозунг сбивается на лозунг освободительский. На практике попытки организовать до победы восстания выбор народом своих уполномоченных будут целиком на руку освободителям

и вырождаются в то, что социал-демократы окажутся в хвосте у них. Рабочим и народу самодержавие, пока оно не заменено временным революционным правительством, не даст произвести никаких выборов, сколько-нибудь заслуживающих названия народных (а на комедию «народных» выборов при самодержавии социал-демократия не пойдёт), — а освобожденные, земцы, гласные произведут выборы и бесцеремонно выдадут их за «народные», за «революционное самоуправление». Вся позиция либерально-монархической буржуазии состоит теперь в том, чтобы попытаться миновать восстание, заставить самодержавие признать земские выборы за народные без победы народа над царизмом, превратить земское и городское самоуправление в «революционное» (в петрункевичевском смысле) «самоуправление» без настоящей революции. В № 74 «Освобождения» эта позиция выражена превосходно. Трудно представить себе что-нибудь более отвратительное, как этого идеолога трусливой буржуазии, уверяющего, что проповедь восстания «деморализует» и армию и народ! Это говорится в такое время, когда слепые видят, что только восстанием может русский обыватель и солдат спасти себя от окончательной деморализации и доказать своё право быть гражданами! Буржуазный Манилов рисует себе аркадскую идиллию, как под давлением одного только «общественного мнения» «правительство будет вынуждено делать всё новые и новые уступки, пока, наконец, ему некуда будет идти дальше, и оно будет принуждено передать власть учредительному собранию, избранному на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования, как того требует общество...» (! с верхней палатой?). «В этом мирном (!!) переходе власти от теперешнего правительства к всенародному учредительному собранию, которое организует государственную и правительственную власть на новых началах, нет решительно ничего невероятного». И эта гениальная философия пресмыкающейся буржуазии дополняется советом: привлекать на свою сторону армию, особенно офицеров, учредить народные милиции «явочным порядком», организовать органы местного самоуправления (читай: помещиков и капиталистов), как «элементы будущего временного правительства».

В этой путанице есть смысл. Буржуазия именно того и хочет, чтобы власть перешла к ней «мирно», *без народного*

восстания, которое может, пожалуй, победить, завоевать республику и настоящую свободу, вооружить пролетариат, поднять миллионы крестьянства. Заслонять лозунг восстания, отговариваться от него и отговаривать других, советовать в виде «пролога» немедленную организацию самоуправления (доступную только Трубецким, Петрункевичам, Фёдоровым и К⁰), — это именно то, что нужно для буржуазного предательства революции, для сделки с царём (монархия и верхняя палата) *против* «черни». Либеральная маниловщина выражает поэтому самые сокровенные мысли денежного мешка и его глубочайшие интересы.

Социал-демократическая маниловщина «Искры» выражает лишь недомыслие части социал-демократов и уклонение их от единственной революционной тактики пролетариата: беспощадно разоблачать буржуазно-оппортунистические иллюзии, будто возможны мирные уступки царизма, будто осуществимо самоуправление без свержения самодержавия, будто возможны выборы народом своих уполномоченных в виде пролога восстания. Нет, мы должны ясно и решительно показывать необходимость восстания при теперешнем положении дел, прямо звать к восстанию (не определяя, разумеется, заранее момента его), звать к немедленной организации революционной армии. Только самая смелая, широкая организация такой армии может быть прологом восстания. Только восстание может на деле обеспечить победу революции, — причём, разумеется, тот, кто знает местные условия, всегда будет предостерегать от преждевременных попыток восстания. Только эпилогом победоносного восстания может быть действительная организация действительно народного действительно самоуправления.

«Пролетарий» №12, 16 (3) августа 1905 г.

**Печатается по тексту газеты «Пролетарий»,
сверенному с рукописью**

Вычитал: Воробьев Евгений Валентинович, слесарь

Проверил: Алымов Андрей Александрович, инженер

«ЕДИНЕНИЕ ЦАРЯ С НАРОДОМ И НАРОДА С ЦАРЁМ»

В № 12 «Пролетария», вышедшем 3 (16) августа, мы говорили о возможности близкого созыва булыгинской Думы и разбирали тактику социал-демократии по отношению к ней. Теперь булыгинский проект стал законом, и манифест 6 (19) августа возвестил о созыве «Государственной думы» «не позднее половины января 1906 года».

Как раз к годовщине 9-го января, когда петербургские рабочие своей кровью запечатлели начало революции в России и свою решимость отчаянно биться за её победу, — как раз к годовщине этого великого дня царь собирается созвать самым грубым образом подделанное, через полицейские сита просеянное собрание помещиков, капиталистов, ничтожного числа богатых и холопствующих перед начальством крестьян. С этим собранием царь намерен совещаться, как с собранием представителей «народа». А весь рабочий класс, все миллионы трудящихся и не имеющих своего домохозяйства не допускаются ни к какому участию в выборах «народных представителей». Поживём — увидим, оправдается ли этот царский расчёт на бессилие рабочего класса...

Пока революционный пролетариат не вооружился и не победил самодержавного правительства, нельзя было и ждать ничего иного, кроме этой, ничего не стоящей царю и ни к чему его не обязывающей, подачи крупной буржуазии. Да и этой подачи, вероятно, не было бы дано в настоящий момент, если бы не надвигался грозно вопрос о войне или мире. Без совещания с помещиками и капиталистами самодержавное правительство не решается ни возложить на народ тяжести безумного продолжения войны, — ни выработать мер, чтобы свалить с плеч богатеев и взвалить целиком на плечи рабочих и крестьян всю тяжесть расплаты за войну.

Что касается самого содержания закона о Государственной думе, то оно вполне подтвердило самые худшие ожидания. Неизвестно, будет ли ещё на деле созвана эта Дума, — подобные подачи не трудно взять назад, и подобных обещаний самодержавные монархи каждой страны давали и нарушали десятки; — неизвестно ещё, насколько сумеет эта будущая Дума, если она соберётся, а не будет сорвана, стать центром действительно широкой политической агитации в массах народа против самодержавия. Но что самое содержание нового закона о Государственной думе даёт богатейший материал для нашей агитации, для разъяснения *сути* самодержавия, для разоблачения его классовой основы, для вскрытия всей непримиримости его интересов и интересов народа, для распространения и популяризации наших, революционно-демократических, требований, — это не подлежит ни малейшему сомнению. Можно сказать без преувеличения, что манифест и закон 6 (19) августа должны стать теперь настольной книгой всякого политического агитатора, всякого сознательного рабочего, ибо это действительно «зерцало» всех гнусностей, мерзостей, азиатчины, насилия, эксплуатации, проникающих собой весь социальный и политический строй России. Чуть ли не каждая фраза этого манифеста и этого закона — готовая канва для богатейших и содержательнейших политических комментариев, будящих демократическую мысль и революционное самосознание.

Есть изречение: не тронь — не воняет. Когда читаешь манифест и закон о Государственной думе, чувствуешь себя так, как будто бы под носом у тебя начали разворачивать накопившуюся с незапамятных времён груду нечистот.

Самодержавие держалось вековым угнетением трудящегося народа, темнотой, забитостью его, застоём экономической и всякой другой культуры. На этой почве беспрепятственно росло и лицемерно распространялось учение о «неразрывном единении царя с народом и народа с царём», учение о том, что самодержавная власть царя стоит выше всех сословий и классов народа, выше деления на бедных и богатых, что она выражает всеобщие интересы всего народа. Вот теперь перед нами попытка проявить *на деле* это «единение» в самой робкой, зачаточной форме, в виде простого *совещания* с «выборными людьми от всей земли русской». И что же? Сразу оказывается, что «единение царя

с народом» возможно только при посредстве армии чиновников и полицейских, оберегающих прочность надетого на народ намордника. Для «единения» нужно, чтобы народ не смел разинуть рта. «Народом» считаются только помещики и капиталисты, допускаемые к двухстепенным выборам (они сначала выбирают, по уездам или городским участкам, выборщиков, а выборщики выбирают уже членов Государственной думы). *Крестьяне-домохозяева* считаются народом лишь будучи просеяны *четырёхстепенными* выборами под надзором, при содействии и назидании предводителей дворянства, земских начальников, чинов полиции. Сначала домохозяева выбирают членов волостных сходов. Далее, волостные сходы выбирают уполномоченных от волостей, по два от схода. Затем эти уполномоченные от волостей избирают губернских выборщиков. Наконец, эти губернские выборщики от крестьян вместе с губернскими выборщиками от помещиков и капиталистов (горожан) выбирают членов Государственной думы! В общем числе губернских выборщиков крестьяне почти везде составляют меньшинство. Им обеспечено только по выбору одного члена Государственной думы от каждой губернии обязательно из среды крестьян же, т. е. 51 место из 412 (в 51-ой губернии Европейской России).

Весь городской рабочий класс, вся деревенская беднота, батраки, бездомные крестьяне вовсе не участвуют ни в каких выборах.

Единение царя с народом есть единение царя с помещиками и капиталистами с добавлением горстки богатых крестьян и с подчинением всех выборов строжайшему надзору полиции. Нет и речи о свободе слова, печати, собраний, союзов, без которой выборы являются чистейшей комедией.

Государственная дума не имеет ровно никаких прав, ибо все её решения имеют не обязательный, а лишь совещательный характер. Все её решения идут в Государственный совет, т. е. на просмотр и одобрение тех же чиновников. Это — только игрушечная пристроечка к чиновничьему и полицейскому зданию. На заседания Государственной думы публика не допускается. Отчёты о заседаниях Государственной думы допускаются к оглашению в печати только тогда, когда заседания не объявлены закрытыми, а для закрытия достаточно чиновничьего распоряжения, т. е.

отнесения рассматриваемого вопроса министром к числу государственных тайн.

Новая Государственная дума — это всё тот же российский полицейский участок в расширенном виде. Богатый помещик и фабрикант-капиталист (изредка богатый крестьянин) допускаются для «совещания» в «открытые» заседания полицейского участка (или земского начальника, или фабричного инспектора и т. п.); они всегда имеют право повергнуть свои мнения на «благовоззрение» государя императора... то бишь околоточного надзирателя. А «чёрный народ», рабочие городские и деревенская голь, разумеется, ни на какие «совещания» никогда не допускаются.

Разница только та, что полицейских участков много и всё в них шито-крыто. А Государственная дума — одна, и теперь пришлось опубликовать порядок её выборов и пределы её прав. Публикация эта, повторяем, сама уже по себе является превосходным разоблачением всей гнусности царского самодержавия.

С точки зрения интересов народа, Государственная дума — самое наглое издевательство над «народным представительством». И как нарочно, чтобы ещё больше подчеркнуть эту издёвку, являются такие факты, как речь г. Дурново, арест г. Милюкова и Ко, выходка г. Шарапова. Новый московский генерал-губернатор Дурново, восторженно приветствуемый реакционной печатью, выболтал в своей речи истинные планы правительства, которое вместе с манифестом и законом о Государственной думе 6-го августа издало того же 6-го августа указ об отмене изданного 18-го февраля 1905 года «указа Сенату». Указ 18-го февраля предоставлял частным лицам вырабатывать виды и предположения по вопросам государственного благоустройства. На этот указ опирались земцы и представители интеллигенции, устраивая терпимые полицией собрания, совещания, съезды. Теперь этот указ отменён. Теперь все «виды и предположения по вопросам государственного благоустройства» должны «восходить» к самодержавному правительству «порядком, в учреждении Государственной думы установленным»! Это значит — конец агитации, конец собраниям и съездам. Есть Государственная дума, и — больше разговаривать не о чём. Так именно и сказал г. Дурново, объявивший, что больше никаких земских съездов они не потерпят.

Либералы нашей «конституционно-демократической» (читай: монархической) партии оказываются ещё раз одураченными. Они рассчитывали на конституцию, а им запретили теперь всякую конституционную агитацию по поводу «пожалования» такого учреждения, которое является насмешкой над конституцией!

А г. Шарапов пробалтывается ещё больше. В своей субсидируемой правительством газете («Русское Дело») он прямо советует запасти в том дворце, где будет заседать Дума, *казаков...* на случай «неуместных» выходок этой Думы. Для единения царя с народом представители народа должны говорить и действовать так, как хочет царь. Иначе казаки разгонят Думу. Иначе — членов Думы можно арестовать и без казаков даже ещё до того, как они попали в Думу. В субботу, 6-го августа, вышел манифест о единении царя с народом. В воскресенье, 7-го августа, один из вождей *умеренного* крыла освобожденных или «конституционно демократической» (читай: монархической) партии, г. Милюков, арестован под Питером вместе с десятком его политических коллег. Их хотят преследовать за участие в «Союзе союзов». Их, вероятно, скоро выпустят, но двери Думы для них легко будет закрыть: стоит объявить их «привлечёнными к следствию или суду»!..

Русский народ получает первые маленькие уроки конституционализма. Цена всяким законам о выборах народных представителей — медный грош, пока нет *фактически завоёванного* самодержавия народа, полной свободы слова, печати, собраний, союзов, пока нет вооружения граждан, способного обеспечить неприкосновенность личности. Мы сказали выше, что Государственная дума есть издёвка над народным представительством. Это несомненно так, с точки зрения теории *самодержавия народа*. Но этой теории не признают ни самодержавное правительство, ни монархическая либеральная буржуазия (освобожденные или конституционно-монархическая партия). Перед нами в современной России *три* политических теории, о значении которых мы будем говорить ещё не раз. 1) Теория *совещания* царя с народом (или «единения царя с народом и народа с царём», как говорит манифест 6-го августа). 2) Теория *соглашения* царя с народом (программа освобожденных и земских съездов). 3) Теория *самодержавия народа* (программа социал-демократии, а также революционной демократии вообще).

С точки зрения теории *совещания*, вполне естественно, что царь устраивает *совещание* только с теми, с кем он хочет, и только таким способом, каким он хочет. А с кем и как хочет совещаться царь, это Государственная дума показывает с великолепной наглядностью. С точки зрения теории *соглашения*, царь не подчинён воле народа, а только должен считаться с ней. Но как именно считаться, в каких пределах считаться, — это из «освободительской» теории «соглашения» не может быть выведено, и пока реальная власть в руках царя, «освободительская» буржуазия неизбежно осуждена на жалкое положение попрошайки или маклера, желающего победами народа попользоваться против народа. С точки зрения *самодержавия народа*, необходимо сначала обеспечить на деле полную свободу агитации и выборов, а затем созвать действительно всенародное учредительное собрание, т. е. такое, которое бы было выбрано всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием и которое бы имело в своих руках всю власть, полную, единую и нераздельную власть, которое выражало бы на деле самодержавие народа.

Мы подошли, таким образом, к нашему лозунгу (лозунгу РСДРП) агитации по поводу Государственной думы. Кто может на деле обеспечить свободу выборов и полноту власти учредительного собрания? Только вооружённый народ, организовавшийся в *революционную армию*, привлёкший на свою сторону всё живое и честное из армии царя, победивший царские силы и заменивший царское самодержавное правительство *временным революционным правительством*. Учреждение Государственной думы, которое, с одной стороны, «подманивает» народ мыслью о представительном образе правления, а, с другой стороны, является самой грубой подделкой народного представительства, — даёт неиссякаемый источник для самой широкой революционной агитации в массе, служит прекрасным поводом к устройству собраний, демонстраций, политических забастовок и т. д. Лозунг всей этой агитации: вооружённое восстание, немедленное образование дружин и отрядов революционной армии, свержение царской власти и учреждение временного революционного правительства для созыва всенародного учредительного собрания. Определение момента восстания, разумеется, зависит от местных условий. Мы можем только сказать, что вообще революционному

пролетариату выгодно теперь отдалить несколько момент восстания: вооружение рабочих подвигается постепенно вперёд, настроение войска становится всё ненадёжнее, военный кризис стоит накануне разрешения (война или тяжёлый мир), преждевременные попытки восстания могут принести громадный вред при таком положении дел.

В заключение, нам остаётся сопоставить вкратце очерченный выше лозунг тактики с другими лозунгами. Как мы уже указали в № 12 «Пролетария», наш лозунг совпадает с тем, что большинство работающих в России товарищей понимает под «активным бойкотом». Тактика «Искры», рекомендовавшей в № 106 немедленную организацию революционного самоуправления и выбора народом своих уполномоченных, в качестве возможного пролога восстания, совершенно ошибочна. Пока нет ещё сил для вооружённого восстания и победы его, до тех пор смешно и говорить о революционном самоуправлении народа. Это не пролог, а эпилог восстания. Такая ошибочная тактика сыграла бы лишь на руку «освобожденской» буржуазии, во-1-х, тем, что она заслоняет или отодвигает лозунг восстания лозунгом организации революционного самоуправления; во-2-х, тем, что она облегчила бы либеральным буржуа выдать *свои* (земские и городские) выборы за выборы народные, ибо народных выборов при сохранении власти за царём быть не может, а земские и городские выборы могут ещё либералам удался, несмотря на угрозы гг. Дурново.

Пролетариат исключён из выборов в Думу. Пролетариату, собственно, нечего бойкотировать Думу, ибо эта царская Дума сама своим учреждением бойкотирует пролетариат. Но пролетариату выгодно поддержать ту часть буржуазной демократии, которая склоняется к революционному образу действий, а не торгашеству, к бойкоту Думы, к усиленной агитации в народе для протеста против этой Думы. Пролетариат не должен пройти молча мимо этой первой измены или непоследовательности буржуазной демократии, когда её представители говорят о бойкоте Думы (за бойкот высказалось даже, при первоначальном голосовании, *большинство* на июльском съезде земцев), говорят пышные фразы об обращении к народу, а не к царю (г. И. Петрункевич на том же съезде), а на деле готовы оставить без протеста в настоящем смысле слова, без широкой агитации эту новую издёвку над

народными требованиями, готовы забросить мысль о бойкоте и пойти в Думу. Пролетариат не может оставить без опровержения те лживые фразы, которыми пестрят теперь статьи в легальной либеральной печати (смотри, напр., «Русь» от 7 августа), бросившейся воевать против идеи бойкота. Господа либеральные газетчики развращают народ своими уверениями в возможности мирного пути, «мирной борьбы мнений» (отчего это Милюков не мог «мирно» бороться с Шараповым, господа, а?). Господа либеральные газетчики обманывают народ, заявляя, будто земцы «могут в известной мере (!) парализовать (!!)

несомненно предстоящее воздействие на крестьянских избирателей со стороны земских начальников и вообще местной администрации» («Русь», там же). Либеральные газетчики в корне извращают значение Государственной думы в ходе русской революции, когда сравнивают эту Думу с прусской палатой эпохи бюджетного конфликта с Бисмарком (1863 г.). На деле, если уже сравнивать, то надо брать для примера не конституционную эпоху, а эпоху борьбы за конституцию, эпоху начала революции. Поступать иначе — значит перепрыгивать прямо от эпохи революционной буржуазии к эпохе примирившейся с реакцией буржуазии (Сравни № 5 «Пролетария» о параллели наших гг. Петрункевичей и «бывшего революционера», — а потом министра — Андраши*).

* Статья «Революционеры в белых перчатках» в 10 томе серии «Основное в ленинизме».

Государственная дума напоминает прусский «Соединённый ландтаг» (сейм), учреждённый 3 февраля 1847 года, за год до революции. Прусские либералы тоже тогда собирались, да не собрались, бойкотировать эту совещательную помещичью палату и спрашивали народ: «Annehmen oder ablehnen?» («Принять или отклонить?» — заглавие брошюры буржуазного либерала Генриха Симона, вышедшей в 1847 г.). Прусский Соединённый ландтаг собрался (первая сессия была открыта 11 апреля 1847 г., закрыта 26 июня 1847 г.), повёл к ряду конфликтов между конституционалистами и самодержавной властью, но он так и остался всё же мёртвым учреждением, пока *революционный народ и пролетариат Берлина во главе его* не победил королевских войск в восстании 18 марта 1848 года. Тогда Государственная дума... то бишь Соединённый ландтаг полетел к чёрту. Тогда создано

было (к сожалению, не революционным правительством, а королём, которого «не доби́ли» геройские рабочие Берлина) народное собрание представителей на основе всеобщего избирательного права при сравнительной свободе агитации.

Пусть же буржуазные предатели революции идут в эту мертворождённую Государственную думу. Российский пролетариат возьмётся за усиленную агитацию и подготовку нашего русского 18-го марта 1848 г. (или лучше 10 августа 1792 года).

«Пролетарий» №14, 29 (16) августа 1905 г.

***Печатается по тексту газеты «Пролетарий»,
сверенному с рукописью***

Вычитал: Воробьёв Евгений Валентинович, слесарь

Проверил: Алымов Андрей Александрович, инженер

В ХВОСТЕ У МОНАРХИЧЕСКОЙ БУРЖУАЗИИ ИЛИ ВО ГЛАВЕ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПРОЛЕТАРИАТА И КРЕСТЬЯНСТВА?

Тактика социал-демократии по отношению к Государственной думе продолжает стоять на очереди дня во главе всех остальных вопросов революционной борьбы. Разногласия насчёт этой тактики, обнаружившиеся между оппортунистическим («Искра») и революционным («Пролетарий») крылом РСДРП, должны быть разобраны со всей тщательностью не в целях придирчивой полемики (иногда вырождающейся в свару), а в целях полного уяснения вопроса и содействия работникам на местах в выработке возможно более точных, определённых и единых лозунгов.

Сначала пару слов о возникновении этих разногласий. В № 12 «Пролетария», ещё до выхода закона о Государственной думе, мы изложили основы нашей тактики и нашего расхождения с «Искрой». Мы требовали: 1) поддержки идеи бойкота в смысле усиления агитации и обращения к народу, в смысле поддержки пролетариатом левого крыла буржуазной демократии и неуклонного разоблачения в предательстве правого крыла её; 2) непременно активного бойкота, а не «пассивного отстранения», т. е. «удесятерение агитации» вплоть до «насильственного проникновения в избирательные собрания», и, наконец, 3) «ясного, точного и прямого лозунга агитации», именно: вооружённое восстание, революционная армия, временное революционное правительство. Мы решительно отвергли лозунг «Искры» (№ 106): «организация революционного самоуправления», как путаный и играющий на руку освобожденцам, т. е. монархической буржуазии. Мы сразу оговорили при этом, как бы предвидя, что «Искра» будет опять «плодить» разногласия, наше согласие с осуждением «Искрой» идеи пассивного бойкота.

Поэтому, если теперь «Искра» в № 108 бросает какие-то намёки на теорию «невмешательства», «абсентеизма», «воздержания», «скрещённых рук» и т. под., то мы прежде всего отодвигаем подобные «возражения», ибо это не полемика, а лишь покушение «царапать» оппонента. Такими приёмами «полемики», — которые увенчиваются инсинуацией, будто некоторые вожди сами хотели попасть во временное правительство, — новая «Искра» давно уже вызвала среди самых широких кругов социал-демократии вполне определённое отношение к себе.

Итак, суть разногласий свелась к тому, что «Искра» не принимает нашего лозунга агитации, который мы считаем центральным (вооружённое восстание, революционная армия, временное революционное правительство). «Пролетарий» же считает безусловно недопустимым «заслонять или хотя бы отодвигать лозунг восстания лозунгом организации революционного самоуправления» (№ 12 «Пролетария»). Все остальные пункты разногласий имеют сравнительно менее важное значение. Наоборот, особенно важно, далее, то, что в № 108 «Искра» начинает уже (как это не раз с ней бывало) пятиться, вилять, выворачиваться: к лозунгу организации революционного самоуправления она добавляет лозунг «активных боевых выступлений народных масс» (чем это отличается от вооружённого восстания, аллах ведаёт). «Искра» договаривается даже до того, что «организация революционного самоуправления это и есть единственный способ действительной «организации» всенародного восстания». № 108 «Искры» помечен 13 (26) августа, а 24 августа н. ст. появилась в венской «Рабочей Газете» статья тов. Мартова, излагающая «план» «Искры» вполне в духе № 106, а не в духе «поправок» № 108-го. Эту ценную статью тов. Мартова мы переводим ниже в её главной части, как образец «социал-демократической маниловщины».

Попробуем разобраться в этой путанице.

Чтобы выяснить дело, необходимо прежде всего дать себе отчёт в том, какие силы и как именно «творят историю» русской революции в данный момент. Самодержавие приняло теорию «совещания» царя с народом. Желая совещаться с просеянной через полицейский надзор кучкой выборных от помещиков и лавочников, оно начинает с отчаянной свирепостью подавлять революцию. Более широкие круги монархической буржуазии

стоят за теорию соглашения царя с народом (освобожденцы или конституционное-«демократическая» партия). Буржуазия выражает этой теорией своё предательство революции, готовность сначала поддержать её, а затем соединиться с реакцией против неё. Революционный пролетариат, поскольку им руководит социал-демократия, требует *самодержавия народа*, т. е. полного уничтожения сил реакции и прежде всего фактического свержения царского правительства и замены его временным революционным правительством. Пролетариат стремится (часто бессознательно, но неуклонно и энергично) к тому, чтобы присоединить к себе крестьянство и с его помощью довести революцию до полной победы, вопреки неустойчивости и предательству буржуазии.

Государственная дума есть, несомненно, уступка революции, но уступка, сделанная (это ещё более несомненно) с целью подавить революцию и не дать конституции. Буржуазные «соглашатели» хотят добиться конституции с целью подавить революцию; г. Виноградов (в «Русских Ведомостях») выразил это стремление либеральной буржуазии, неизбежно вытекающее из её классового положения, с особенной ясностью.

Спрашивается теперь: какое значение имеет, при таком положении дел, решение бойкотировать Думу, принятое «Союзом союзов», т. е. самой широкой организацией буржуазной интеллигенции? Буржуазная интеллигенция, в общем и целом, тоже хочет «соглашения». Она тоже колеблется поэтому, как много раз уже показывал «Пролетарий», между реакцией и революцией, между торгашеством и борьбой, между сделкой с царём и восстанием против царя. Это и не может быть иначе в силу классового положения буржуазной интеллигенции. Но было бы ошибкой забывать, что эта интеллигенция более способна выражать широко понятые, существенные интересы всего класса буржуазии в отличие от временных и узких интересов одних только «верхов» буржуазии. Интеллигенция более способна выражать интересы широкой массы мелкой буржуазии и крестьянства. Она более способна, поэтому, при всей её неустойчивости, к революционной борьбе с самодержавием, и *при условии сближения с народом* она может стать крупной силой в этой борьбе. Бессильная сама по себе, она могла бы дать весьма значительным слоям мелких буржуа и крестьян как раз то, чего им недостаёт: знание, программу, руководство, организацию.

Суть идеи «бойкота», как она возникла у «Союза союзов», состоит, след., в том, что *первый шаг крупной буржуазии к соглашению — соглашению с царём* неминуемо вызвал *первый шаг мелкобуржуазной интеллигенции к сближению с революционным народом*. Помещики и капиталисты качнулись вправо, буржуазная интеллигенция, представительница мелкой буржуазии, качнулась влево. Первые идут к царю, далеко не отказываясь грозить ему ещё не раз силой народа. Вторые подумывают, не идти ли им к народу, не разрывая ещё окончательно с теорией «соглашения» и не становясь *вполне* на революционный путь.

Вот в чём суть идеи бойкота, возникшей, как мы уже указали в № 12 «Пролетария», внутри буржуазной демократии. Только очень близорукие и поверхностные люди могли бы усмотреть в этой идее невмешательство, абсентеизм, воздержание и т. п. Буржуазной интеллигенции нечего воздерживаться, ибо высокий ценз сам её удерживает вдали от Государственной думы. Буржуазная интеллигенция в своей резолюции о бойкоте на первый план ставит «мобилизацию всех демократических элементов страны». Буржуазная интеллигенция есть самый деятельный, решительный и боевой элемент освобожденской, конституционно-«демократической» партии. Обвинять эту интеллигенцию за идею бойкота в воздержании и т. п. или даже отказать этой интеллигенции в поддержке её идеи *и развитии её* — значит, по близорукости, сыграть на руку крупной монархической буржуазии, орган которой «Освобождение» недаром воюет с идеей бойкота.

Правильность изложенного взгляда, помимо общих и основных соображений, подтверждается ценными признаниями г. С. С. в № 75 «Освобождения». В высшей степени знаменательно, что г. С. С. относит сторонников идеи бойкота к «радикальной», а противников — к «умеренной» группе. Первых он обвиняет за «народовольчество», за повторение ошибок «активных революционных групп» (обвинение, почётное для того, против кого оно выдвигается «Освобождением»); про вторых он прямо говорит, что они стоят меж двух огней: между самодержавием и «социальной (sic!) революцией», причём бедный г. С. С. со страху даже чуть не смешал демократическую республику с социальной революцией! Самое же ценное признание г. С. С. следующее: для радикалов — говорит он, сравнивая

съезд «Союза союзов» со съездом земцев — «центр тяжести несомненно (слушайте!) лежал в требовании изменения системы выборов, *тогда как для более умеренной группы главный интерес заключался в расширении прав Думы*».

Под псевдонимом С.С. была опубликована статья П. Н. Милюкова «Идти или не идти в Государственную думу?». *Ред.*

Этим всё сказано! Г. С. С. выболтал сокровенные «думы» помещиков и капиталистов, которые мы сотни раз разоблачали. «Главный интерес» для них не в привлечении народа к выборам (они этого боятся), а в *расширении прав Думы*, т. е. в превращении *крупнобуржуазного* собрания из законосовещательного в законодательное. Вот где зарыта собака. Крупная буржуазия никогда не сможет удовлетвориться «законосовещательной» Думой. Отсюда — неизбежность конституционных конфликтов в Государственной думе. Но крупная буржуазия *никогда не сможет* стать надёжным и верным сторонником *самодержавия народа*. Она всегда будет одной рукой брать конституцию (для себя), а другой рукой — *отбирать* права у народа или противодействовать расширению прав народа. Крупная буржуазия не может не стремиться к конституции, обеспечивающей привилегии крупной буржуазии. Радикальная интеллигенция не может не стремиться к выражению интересов более широких слоёв мелкой буржуазии и крестьянства. Правое крыло буржуазной демократии, получив синицу в руки, сразу начало «умнеть» и отказывается уже, как мы видели, от «нелегальных» съездов. Левое крыло увидело, что оно осталось даже без синицы, что помещики и капиталисты, попользовавшись услугами «3-го элемента» (агитация, пропаганда, организация печати и т. д.), готовы *предать* их, направив усилия в Государственной думе не на народные права, а на *свои*, антинародные права. И вот, почуяв начало предательства, буржуазная интеллигенция клеймит Государственную думу как «дерзкий вызов» со стороны правительства всем народам России, объявляет бойкот, советует «мобилизацию демократических элементов».

При таком положении дел обрушиться на идею бойкота значило со стороны с.-д. сыграть роль политических простаков. Верный классовый инстинкт революционного пролетариата подсказал большинству российских товарищей идею *активного* бойкота. Это значит: поддерживать левое крыло и *тянуть его к себе*, стараться

выделить элементы *революционной демократии*, чтобы с ними вместе ударить на самодержавие. Радикальная интеллигенция протянула нам палец, — хватай её за руку! Если бойкот не хвастовство, если мобилизация не фраза, если возмущение дерзким вызовом не актёрство, — тогда вы должны порвать с «соглашателями», стать на сторону теории самодержавия народа, принять, *на деле* принять единственно-последовательные и цельные лозунги революционной демократии: вооружённое восстание, революционная армия, временное революционное правительство. Присоединить к себе тех, кто на деле принимает эти лозунги, втоптать перед всем народом в помойную яму тех, кто остаётся на стороне «соглашателей», — такова единственная правильная тактика революционного пролетариата. Наши новоискровцы прозевали и классовое происхождение, и реальное политическое значение идеи бойкота, открыв стрельбу... в воздух. Тов. Череванин пишет в № 108: «Как видно из листков донского комитета и с.-петербургской группы, обе эти организации» (НВ: *меньшевистские*. Примеч. редакции «Пролетария») «высказываются за бойкот. Участие в выборах в такую Думу они считают позорным, изменой делу революции и заранее клеймят тех либералов, которые примут участие в выборах. Таким образом, исключается возможность сделать Государственную думу орудием демократической революции и отвергается, очевидно, агитация, направленная в эту сторону». Подчёркнутые нами слова показывают именно очерченную сейчас ошибку. Ведь те, кто декламирует против «невмешательства», только *заслоняют* действительно важный вопрос о *способах* вмешательства. Есть два способа вмешательства, два типа лозунгов. Первый способ: «удесятерение агитации, устройство собраний везде и всюду, утилизация избирательных собраний хотя бы путём насильственного проникновения в них, устройство демонстраций, политических забастовок и т. д. и т. п.» («Пролетарий» № 12). Лозунги *этой* агитационной кампании мы уже изложили. Другой способ: брать «революционное обязательство идти в Государственную думу с тем, чтобы добиваться превращения её в революционное собрание, ниспровергающее самодержавие и созывающее учредительное собрание» (т. Череванин в № 108 «Искры»), или «давить на выборщиков в том смысле, чтобы в Думу выбирались только решительные

сторонники демократического и свободного представительства» (т. Мартов в венской «Рабочей Газете»).

Вот это различие способов и отражает разницу «двух тактик» социал-демократии. Оппортунистическое крыло с.-д. всегда склонно «давить» на буржуазную демократию посредством *взимания обязательств* с неё. Революционное крыло социал-демократии «давит» на буржуазную демократию и толкает её налево *тем, что клеймит её за повороты вправо*, тем, что распространяет в массе лозунги решительной революции. Теория «взимания обязательств», эта знаменитая теория староверовской *лакомусовой бумажки*, есть величайшая наивность, способная лишь сеять смуту в пролетариате и развращать его. Кому предъявит ко взысканию полученное им «обязательство» т. Череванин? Не господу ли богу? Неужели т. Череванин не знает, что под давлением материальных интересов класса *все и всякие* обязательства полетят к чёрту? Неужели не ребячество мысль того же т. Череванина связать буржуазных депутатов Государственной думы с революционным пролетариатом посредством «императивных мандатов»? Ведь тов. Мартову, если бы он *на деле* стал выполнять свой план, пришлось бы *заявлять* перед рабочим классом, что Н. Н. или М. М. из данного собрания помещиков суть «решительные сторонники свободного и демократического представительства»! Делать такие заявления значило бы сеять величайший политический разврат!

И заметьте ещё вот что: все эти «революционные обязательства» господ Петрункевичей, Родичевых и tutti quanti (и им подобных. *Ред.*), все эти «императивные мандаты», все эти подписки о «решительной поддержке демократического и свободного представительства» (можно ли выбрать более общий, неясный, туманный термин?) брались и давались бы *от имени социал-демократии за спиной пролетариата*. Ведь открыто этого сделать нельзя, да даже и при открытой агитации в свободных странах политические деятели обязываются не столько частными сделками, сколько программами *партий*, а ведь у нас *нет и не будет* определённых и оформленных партий при выборах в Государственную думу! Посмотрите же, товарищи новоискровцы, как вы опять залезли в болото: на словах у вас всё «масса», «перед массой», «с участием массы», «самодеятельность массы»,

а на деле ваш «план» сводится к секретным сделкам об обязанности господина Петрункевича быть не предателем революции, а «решительным» сторонником её!

Новоискровцы сами довели себя до абсурда. В России никто и нигде, даже из их сторонников, и не подумает заключать этих нелепых «революционных обязательств». Нет. Вмешиваться надо не так. Вмешиваться надо самым беспощадным *клепанием* теории соглашения и буржуазных соглашателей, всех этих Петрункевичей и т. п. Разоблачать их буржуазное предательство революции, объединять против самодержавия (*а на всякий случай и против Думы*) революционные силы *для восстания* — вот единственный надёжный способ реально «давить» на Думу, реально готовить победу революции. Только с этим лозунгом должны мы вмешиваться в избирательную агитацию, не для избирательных манёвров, сделок, обязательств, а для проповеди восстания. И только реальная сила вооружённого народа даст возможность использовать в пользу революции (а не в пользу узкобуржуазной конституции) возможные и вероятные будущие конфликты внутри Государственной думы или Государственной думы с царём. Поменьше доверия к Государственной думе, побольше доверия к силам вооружающегося пролетариата, господа!

Мы подошли теперь и к лозунгу: организация революционного самоуправления. Рассмотрим его повнимательнее.

Во-первых, чисто теоретически неправильно выдвигать на первый план лозунг революционного самоуправления вместо лозунга: самодержавие народа. Первый относится к управлению, второй к устройству государства. Первый совместим поэтому с предательской буржуазной теорией «соглашения» (самоуправляющийся народ с царём во главе, который «не управляет, а царствует»), второй безусловно несовместим. Первый — приемлем для освобожденцев, второй — неприемлем.

Во-вторых, отождествление организации революционного самоуправления с организацией всенародного восстания совершенно вздорно. Восстание есть гражданская война, а война требует армии. Между тем, самоуправление само по себе не требует армии. Есть страны, где существует самоуправление, но нет армии. И революционное самоуправление не требует революционной армии там, где революция происходит по типу Норвегии:

«рассчитали» короля и произвели опрос народа. Но когда народ угнетён деспотизмом, опирающимся на армию и начинающим гражданскую войну, — тогда отождествлять революционное самоуправление с революционной армией, выдвигать первое и замалчивать второе есть прямо-таки несказанная пошлость, выражающая либо предательство революции, либо крайнее недомыслие.

В-третьих, и история подтверждает ту, самоочевидную, впрочем, истину, что только полная и решительная победа восстания обеспечивает вполне возможность организации действительного самоуправления. Возможна ли была бы во Франции муниципальная революция в июле 1789 года, если бы 14 июля поднявшийся и вооружённый Париж не победил царских войск, не взял Бастилии, не сломил в самом корне сопротивление самодержавия? Или, может быть, новоисковцы сошлются при этом на пример города Монпелье, где муниципальная революция, организация революционного самоуправления, произошла мирно, где была даже вотирована благодарность интенданту за любезность, с какою он содействовал своему собственному низложению? Не ждёт ли новая «Искра», что во время нашей агитационной кампании выборов в Думу мы будем благодарить губернаторов за самоустранение *до взятия* русских Бастилий? Не характерно ли, что во Франции 1789 года время муниципальной революции есть время начавшейся *эмиграции реакционеров*, а у нас лозунг революционного самоуправления *вместо* лозунга восстания выдвигают тогда, когда существует ещё *эмиграция революционеров*? Когда одного русского сановника спросили, почему 6-го августа не дарована амнистия, он ответил: «с какой же стати освободим мы 10 000 человек, которых нам стоило немало труда арестовать и которые завтра же начали бы отчаянную борьбу с нами?». Этот сановник рассуждал умно, а те, кто говорит о «революционном самоуправлении» до освобождения этих 10 000, рассуждают не умно.

В-четвёртых, современная русская действительность наглядно показывает недостаточность лозунга: «революционное самоуправление» и необходимость прямого и точного лозунга восстания. Взгляните, что было в Смоленске 2-го августа ст. ст. Городская дума признала незаконием расквартировку казаков, прекратила выдачу им денег, организовала для защиты населения городскую милицию, обратилась с воззванием к солдатам против насилия над

гражданами. Мы желали бы знать, находят ли это достаточным наши добрые новоисковцы? Не следует ли рассматривать эту милицию как *революционную армию*, как орган не только обороны, но и наступления? — и наступления не только против смоленской казачьей сотни, а против самодержавного правительства вообще? Не следует ли пропагандировать эту идею о провозглашении революционной армии и о задачах её? Можно ли считать действительно *народное* самоуправление города Смоленска обеспеченным, пока революционная армия не одержала решительной победы над царской армией?

В-пятых, факты свидетельствуют неопровержимо, что лозунг революционного самоуправления вместо лозунга восстания или в смысле (?) лозунга восстания не только «приемлем» для освободителей, но и *принят ими*. Возьмите № 74 «Освобождения». Вы увидите решительное осуждение «безумной и преступной проповеди вооружённого восстания» и в то же время защиту городских милиций и организации органов местного самоуправления, как элементов будущего временного правительства.

С которой стороны ни подойдёте вы к вопросу, — неизменно окажется, что новый лозунг новой «Искры» есть лозунг освободительский. Социал-демократы, заслоняющие или отодвигающие лозунг вооружённого восстания, революционной армии, временного правительства лозунгом организации революционного самоуправления, тащатся в хвосте у монархической буржуазии вместо того, чтобы идти во главе революционного пролетариата и крестьянства.

Нас упрекают за то, что мы «вдалбливаем» упорно одни и те же лозунги. Мы считаем этот упрёк за комплимент. Наша задача в том и состоит, чтобы наряду с общими истинами с.-д. программы вдалбливать неустанно насущные политические лозунги. Мы добились широчайшего распространения ненавистной либералам «четырёххвостки» (всеобщее, прямое, равное, тайное голосование). Мы ознакомили рабочие массы с «шестёркой» политических свобод (слова, совести, печати, собраний, союзов, стачек). Мы должны миллионы и миллиарды раз повторять теперь «тройку» ближайших революционных задач (вооружённое восстание, революционная армия, временное революционное правительство). Народные силы для выполнения этих задач растут стихийно не по дням, а по часам. Попытки восстания множатся,

организация его растёт, вооружение подвигается вперёд. Из рядов рабочих и крестьян, одетых в зипуны, пиджаки и мундиры, выдвигаются неведомые герои, которые неразрывно слиты с толпой и которые всё глубже проникаются благородным фанатизмом народного освобождения. Наше дело — позаботиться, чтобы все эти ручейки слились в могучий поток, чтобы стихийное движение осветил, удесятирив его силы, свет сознательной, прямой, ясной и точной революционной программы наших ближайших задач.

Итоги. Наша тактика по отношению к Государственной думе может быть выражена в пяти пунктах: 1) усиленная агитация по поводу закона о Государственной думе и по поводу выборов в неё, устройство собраний, использование выборной агитации, демонстрации и пр. и т. д.; 2) сосредоточение всей этой агитационной кампании вокруг лозунгов: вооружённое восстание, революционная армия, временное революционное правительство; распространение программы этого временного правительства; 3) присоединение для этой агитации и для вооружённой борьбы всех элементов революционной демократии и только их, т. е. только тех, кто принимает на деле вышеуказанные лозунги; 4) поддержка идеи бойкота, возникшей у левого крыла буржуазной демократии, с тем, чтобы это был активный бойкот в смысле очерченной выше самой широкой агитации; привлечение левых представителей буржуазной демократии на сторону революционно-демократической программы и к деятельности, сближающей их с мелкой буржуазией и крестьянством; 5) беспощадное разоблачение и клеймение перед самыми широкими массами рабочих и крестьян буржуазной теории «соглашения» и буржуазных «соглашателей»; оглашение и разъяснение каждого предательского и нетвёрдого шага их как до Думы, так и в Думе; предостережение рабочего класса от этих буржуазных предателей революции.

«Пролетарий» №15, 5 сентября (23 августа) 1905 г.

**Печатается по тексту газеты «Пролетарий»,
сверенному с рукописью**

*Вычитал: Воробьёв Евгений Валентинович, слесарь
Проверил: Алымов Андрей Александрович, инженер*

САМОЕ ЯСНОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ САМОГО ПУТАНОГО ПЛАНА

В передовой статье мы указывали на путаность нового плана «думской кампании» новой «Искры». Вот самое ясное изложение его самим Мартовым в венской «Рабочей Газете» (от 24 августа н. ст.). (Курсив в цитате везде самого Мартова.)

«План следующий, — говорит т. Мартов, ссылаясь на «поддержку его многими русскими организациями»: — Рабочие организации берут на себя инициативу основания *народных агитационных комитетов*, которые должны быть избираемы всеми элементами населения, не удовлетворёнными царской реформой. Задача таких комитетов состоит в том, чтобы прежде всего развернуть агитацию за действительное народное представительство во всей стране. Эти комитеты формально образуются в целях участия массы населения в предстоящих выборах. Так как они в силу избирательного закона исключены из *прямого* участия, то граждане государства могут участвовать в выборах косвенно, сообщая свои мнения и требования более узким коллегиям привилегированных избирателей. Комитеты оказывают давление на коллегии избирателей в том смысле, чтобы в Думу выбирались *только решительные сторонники демократического и свободного представительства*. При этом комитеты стремятся создать вне «легального» представительства *нелегальное представительство*, которое в известный момент *могло бы выступить* перед страной в качестве *временного органа народной воли*. Комитеты призывают население *избирать* своих представителей *посредством всеобщей подачи голосов*; эти представители в известный момент должны *съехаться в один город и провозгласить себя учредительным собранием*. Такова, так сказать, идеальная цель этой кампании. Дойдёт ли до этого дело или нет, движению по этому пути создаст организацию революционного самоуправления, которая сломит рамки царской легальности и положит фундамент грядущему триумфу революции. Элементы такого революционного самоуправления

образуются мало-помалу по всей России, как, напр., уже теперь *в двух кавказских губерниях* официальные власти бойкотируются всем населением, и население управляется своими собственными выборными властями. (В скобках: *крестьяне Гურიи требуют утверждения этих властей нашим комитетом.*)

Организация такого, повсюду публично функционирующего, самоуправления есть та форма, в которой должна произойти ликвидация самодержавия, не желающего добровольно открыть (инаугурировать) конституционной эры. Само собою разумеется, что самая возможность такой организации создаётся растущей дезорганизацией правительственного аппарата и ростом действенной силы (*wirkenden Kraft*) в народе».

Рекомендуем товарищам этот бесподобный план как *идеальную цель монархической* (освобожденской) буржуазии, как *идеальную цель ликвидации русской пролетарско-крестьянской революции либеральными помещиками.*

Освобожденская, то есть монархическая, буржуазия, как мы уже сотни раз указывали, хочет именно такой «ликвидации», когда бы переход власти к буржуазии совершился без народного восстания или хотя бы без полной победы народного восстания. Маниловские планы «выборов» при сохранении власти за самодержавием *всецело на руку либеральной буржуазии*, которая одна только способна произвести хоть нечто, приближающееся к таким выборам.

На частностях этого смехотворного плана мы остановимся лишь кратко. Не наивно ли забывать, что на Кавказе (не в двух губерниях, а в нескольких волостях) самоуправление опирается на *вооружённое восстание*? Не ребячество ли думать, что возможное в нескольких сёлах горных местностей далёкой окраины возможно в центре России без победы народа над самодержавием? Не является ли *идеальным педантизмом* этот план многостепенных «выборов» *при сохранении власти за самодержавным правительством*? «Недовольные элементы населения» (?) выбирают народные агитационные комитеты (без программы, без ясных лозунгов). Комитеты создают «нелегальное представительство» (замещающее, должно быть, нелегальную организацию *социалистической* рабочей партии просто *освобожденской* организацией!). Что замена ясного революционного термина *временное*

правительство, как орган восстания», — неясным термином «*орган народной воли*» всецело на руку земско-буржуазной партии, это очевидно. *Всеобщие* выборы учредительного собрания по инициативе «незаконных» комитетов и при оставлении власти за Треповым и К⁰ есть идея совсем уже детская.

В спорах полезен иногда бывает «адвокат дьявола» — защитник нелепого, всеми отвергаемого взгляда. Эту роль взяла теперь «Искра». План её очень удобен для учебных целей опровержения нелепости в кружках, на летучках, массовках и т. д., для более отчётливого противопоставления лозунгов революционного пролетариата и лозунгов монархической либеральной буржуазии.

«Пролетарий» № 15, 5 сентября (23 августа) 1905 г.

Печатается по тексту газеты «Пролетарий»,

сверенному с рукописью

Вычитал: Воробьёв Евгений Валентинович, слесарь

Проверил: Алымов Андрей Александрович, инженер

ОТНОШЕНИЕ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ К КРЕСТЬЯНСКОМУ ДВИЖЕНИЮ

Громадное значение крестьянского движения в переживаемой Россией демократической революции много и много раз уже разъяснялось всей социал-демократической печатью. Третий съезд РСДРП принял, как известно, особую резолюцию по этому вопросу, чтобы точнее определить и объединить деятельность всей партии сознательного пролетариата по отношению именно к теперешнему движению крестьянства. Несмотря на то, что резолюция эта была подготовлена заранее (первый проект был напечатан в № 11 «Вперёд», 10 (23) марта с. г.), несмотря на то, что она была тщательно обработана съездом партии, старавшимся формулировать установившиеся уже взгляды всей российской социал-демократии, несмотря на это, резолюция вызвала недоумение среди ряда работающих в России товарищей. Саратовский комитет единогласно признал эту резолюцию неприемлемой. К сожалению, выраженное нами тогда же пожелание получить разъяснения этого вердикта осталось пока неосуществлённым. Мы знаем лишь, что Саратовский комитет признал неприемлемою также и аграрную резолюцию новоискровской конференции, — следовательно, его не удовлетворило то, что обще обоим резолюциям, а не то, чем они отличаются одна от другой.

Новым материалом по этому вопросу является доставленное нам (изданное в виде гектографированного листка) письмо московского товарища. Печатаем это письмо полностью:

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ЦЕНТРАЛЬНОМУ КОМИТЕТУ И ТОВАРИЩАМ, РАБОТАЮЩИМ В ДЕРЕВНЕ

Товарищи! Окружная организация Московского комитета вплотную подошла к работе среди крестьянства. Недостаток опыта в организации

такого рода работы, особые условия нашей центральной деревни, а также недостаточная ясность директив резолюций III съезда по этому вопросу и почти полное отсутствие литературы, как в периодической печати, так и в общей, о работе среди крестьянства заставляют нас обратиться к ЦК с просьбой прислать нам детальные директивы как принципиального, так и практического характера, а вас, товарищей по работе, просим ознакомить нас с теми практическими данными, которые дал вам ваш опыт.

Считаем необходимым поделиться теми недоумениями, которые возникли у нас при чтении резолюции III съезда «об отношении к крестьянскому движению», и тем организационным планом, который мы начинаем уже применять у себя в деревне.

«§ а) Пропагандировать в широких слоях народа, что социал-демократия ставит своей задачей самую энергичную поддержку всех революционных мероприятий крестьянства, способных улучшить его положение, вплоть до конфискации помещичьих, казённых, церковных, монастырских и удельных земель» (из резолюции III съезда РСДРП).

В этом параграфе прежде всего неясно, каким образом партийные организации будут и должны вести пропаганду. Пропаганда требует прежде всего организации, стоящей совсем близко к тем, кого хотят распропагандировать. Будут ли такой организацией комитеты из сельского пролетариата, или возможны и другие организационные пути, как для устной, так и для письменной пропаганды, — вопрос открытый.

То же самое можно сказать и про обещание энергичной поддержки. Поддерживать, да ещё энергично, возможно тоже только при организации на местах. Вопрос об «энергичной поддержке» нам вообще кажется крайне смутным. Может ли социал-демократия поддерживать экспроприацию тех помещичьих земель, которые подвергаются обработке самым интенсивным способом с применением машин, выших культур и т. д.? Переход таких земель в руки мелкобуржуазных собственников, как ни важно было бы улучшить их положение, является шагом назад в смысле капиталистического развития данного хозяйства. И мы, оставаясь социал-демократами, должны были бы, по нашему мнению, сделать в этом пункте о «поддержке» оговорку: «если экспроприация этих земель в крестьянскую (мелкобуржуазную) собственность будет высшей формой развития данного хозяйства на данных землях».

Затем дальше:

«§ г) Стремиться к самостоятельной организации сельского пролетариата, к слиянию его с городским под знаменем социал-демократической партии и к проведению представителей его в крестьянские комитеты».

Сомнения возникают относительно последней части этого параграфа. Дело в том, что буржуазно-демократические организации вроде «Крестьянского союза» и реакционно-утопические вроде соц.-революционеров организуют под своим флагом как буржуазные элементы крестьянства, так и пролетарские. Вводя своих представителей из организаций сельского пролетариата в такие «крестьянские» комитеты, мы будем противоречить самим себе, нашим взглядам на bloc и т. д.

И тут, нам кажется, необходимы поправки и очень солидные поправки.

Вот некоторые общие замечания к резолюциям III съезда. Желательно их разобрать как можно скорее и как можно детальнее.

Что же касается плана «деревенской» организации в нашей Окружной организации, то нам приходится работать в таких условиях, о которых резолюции III съезда совсем умалчивают. Прежде всего необходимо отметить, что район нашей деятельности — Московская губерния и соприкасающиеся с ней уезды соседних губерний — по преимуществу занят в индустриальной промышленности с сравнительно слабо развитыми кустарными промыслами и с очень незначительной частью населения, занимающегося *исключительно* сельским хозяйством. Огромные мануфактуры с 10-ю — 15-ю тысячами рабочих перемежаются с маленькими фабриками в 500—1000 человек, раскиданными по захолустным сёлам и деревням. Казалось бы, что при таких условиях социал-демократия найдёт для себя здесь очень подходящую почву, но дело показало, что такие предпосылки с птичьего полёта не выдерживают критики. Наш «пролетариат» в огромном большинстве ещё до сих пор, несмотря на то, что некоторые фабрики существуют по 40—50 лет, не разделался с землёй. «Деревня» так крепко присосалась к нему, что все те психологические и иные предпосылки, которые создаются в процессе коллективного труда у «чистого» пролетариата, у нашего пролетариата не развиваются. Земледельческое хозяйство наших «пролетариев» представляет из себя какие-то убогие формы. Ткач на фабрике нанимает батрака для обработки своего клочка. На этом же клочке работают его жена (если она не на фабрике), дети, старики, инвалиды,

и сам он будет работать на нём, когда состарится, получит увечье или будет изгнан за буйное или неблагонадёжное поведение. Таких «пролетариев» трудно назвать пролетариями. По своему экономическому положению это — пауперы. По своей идеологии — мелкие буржуа. Они невежественны и консервативны. Из них вербуются «черносотенные» элементы. Но и у них за последнее время самосознание начинает пробуждаться. Мы через зацепки из «чистого» пролетариата будим эту тёмную массу от векового сна, и не безуспешно. Зацепки растут, местами крепнут, пауперы подчиняются нашему влиянию, воспринимают нашу идеологию как на фабрике, так и в деревне. И мы думаем, что насаждение организаций в среде не «чисто» пролетарской не будет не ортодоксально. У нас другой среды нет, и если мы будем настаивать на ортодоксальности, организовывать только сельский «пролетариат», то нам придётся распустить нашу и соседние с нами организации. Мы знаем, что нам будет трудно бороться против жадности экспроприации заброшенных помещиком пахотных и иных угодий или тех земель, на которых отцы в клобуках и рясах не сумели поставить хозяйства как следует. Мы знаем, что буржуазная демократия, начиная «демократически-монархической» фракцией (такая существует в Рузском уезде) и кончая «крестьянским» союзом, будет бороться с нами за влияние на «пауперов», но мы вооружим последних против первых. Мы используем все социал-демократические силы в округе, как интеллигентские, так и пролетарско-рабочие, чтобы поставить и закрепить наши социал-демократические комитеты из «пауперов». И мы сделаем это по такому плану. В каждом уездном городе или большом промышленном центре мы поставим уездные комитеты групп Окружной организации. Уездный комитет организует, кроме фабрик и заводов в его районе, «крестьянские» комитеты. Такие комитеты не должны быть многочисленны из конспиративных соображений, и состав их определяется наиболее революционно настроенными и способными крестьянами-пауперами. Там, где имеются и фабрики и крестьяне, — необходимо организовать их в один комитет подгруппы.

Прежде всего такой комитет должен ясно и отчётливо разбираться в окружающих условиях: А) Земельные отношения: 1) крестьянские наделы, аренда, форма владения (общинная, подворная и т. д.). 2) Окружающие земли: а) кому принадлежат; б) сколько земли; в) какие отношения крестьян к этим землям; г) на каких условиях пользование этими землями: 1) отработки, 2) чрезмерная арендная плата за «отрезки»

и т. д.; д) задолженность кулакам, помещикам и др. Б) Подати, налоги, высота земельного обложения крестьянских и помещичьих земель. В) Отхожие и кустарные промыслы, паспорта, нет ли зимнего найма и пр. Г) Местные фабрики и заводы: условия труда на них: 1) заработная плата, 2) рабочий день, 3) отношение администрации, 4) жилищные условия и т. д. Д) Администрация: земские начальники, старшина, писарь, волостные судьи, стражники, поп. Е) Земство: гласные от крестьян, земские служащие: учитель, врач, библиотеки, школы, чайные. Ж) Волостные сходы: их состав и ведение дел. З) Организации: «Крестьянский союз», социалисты-революционеры, социал-демократы.

Ознакомившись с этими данными, крестьянский социал-демократический комитет обязан проводить на сходах те постановления, которые будут вытекать из того или иного ненормального положения дела. Наряду с этим такой комитет ведёт также усиленную пропаганду и агитацию идей социал-демократии в массе, устраивает кружки, летучки, массовки, распространяет прокламации и литературу, собирает деньги в партийную кассу и поддерживает сношения через уездную группу с Окружной организацией.

Если нам удастся поставить целый ряд таких комитетов, то успех социал-демократии будет обеспечен.

Окружной организатор.

Само собою разумеется, что мы не возьмём на себя задачи выработать детальные практические директивы, о которых говорит товарищ: это дело работников на местах и практически руководящего русского центра. Мы намерены воспользоваться содержательным письмом московского товарища для разъяснения резолюции III съезда и насущных задач партии вообще. Из письма видно, что недоумения, вызванные резолюцией III съезда, лишь отчасти порождены теоретическими сомнениями. Другой источник их — *новый*, не возникавший раньше вопрос о соотношении «революционных крестьянских комитетов» и «*социал-демократических комитетов*», работающих в крестьянстве. Самая уже постановка этого последнего вопроса свидетельствует о значительном шаге вперёд социал-демократической работы среди крестьянства. На очередь дня выдвигаются уже вопросы сравнительно детальные, порождённые практическими потребностями «деревенской» агитации, которая стала упрочиваться

и отливаться в крепкие, постоянные формы. И автор письма забывает неоднократно, что, упрекая резолюцию съезда в неясности, он, в сущности, ищет ответа на такой вопрос, которого съезд партии не ставил и не мог ставить.

Так, например, не совсем правильно мнение автора, что и пропаганда наших идей и поддержка крестьянского движения возможны «только» при организации на местах. Разумеется, такие организации желательны и, при росте работы, необходимы, но указанная работа возможна и необходима даже там, где таких организаций нет. Во всей своей деятельности даже среди одного городского пролетариата мы должны не упускать из виду крестьянского вопроса и распространять заявление, сделанное *всей партией сознательного пролетариата*, в лице III съезда: мы поддерживаем крестьянское восстание. Крестьяне должны знать это — через литературу, через рабочих, через особые организации и т. д. Крестьяне должны знать, что с.-д. пролетариат *не остановится* в этой поддержке ни перед какой конфискацией земли (т. е. экспроприацией без вознаграждения собственников).

Автор письма поднимает здесь один теоретический вопрос: не следует ли ограничить особой оговоркой экспроприацию крупных имений в «крестьянскую мелкобуржуазную собственность». Но, предлагая эту оговорку, автор произвольно сузил смысл резолюции III съезда. В резолюции *ни слова не говорится* о том, чтобы партия с.-д. обязывалась поддержать переход конфискованных земель именно в руки мелкобуржуазных собственников. Резолюция говорит: мы поддерживаем «вплоть до конфискации», т. е. вплоть до отнятия без вознаграждения, но вопрос о том, кому отдать отнятое, совсем не решается резолюцией. Оставление этого вопроса открытым не случайно: из статей газеты «Вперёд» видно, что решать этот вопрос наперёд признавалось неразумным. Там указывалось, напр., что при демократической республике социал-демократия не может зарекаться и связывать себе рук по отношению к национализации земли.

В самом деле, в отличие от мелкобуржуазных социалистов-революционеров, для нас центр тяжести *теперь* — революционно-демократическая сторона крестьянских восстаний и особая организация сельского пролетариата в классовую партию. Не в проектах «чёрного передела» или национализации суть

вопроса теперь, а в сознании крестьянством и осуществлении им *революционной* ломки старого порядка. Поэтому социалисты-революционеры напирают на «социализацию» и т. п., а мы на *революционные крестьянские комитеты*: без них, говорим мы, все преобразования ничто. С ними и опираясь на них возможна *победа крестьянского восстания*.

Крестьянскому восстанию мы должны всячески помогать вплоть до конфискации земель, — *но вовсе не вплоть до всяких мелкобуржуазных прожектов*. Мы поддерживаем крестьянское движение, поскольку оно является революционно-демократическим. Мы готовимся (сейчас же, немедленно готовимся) к борьбе с ним, поскольку оно выступит как реакционное, пролетарское. Вся суть марксизма в этой двоякой задаче, которую упрощать или сплющивать в единую и простую задачу могут только не понимающие марксизма люди.

Возьмём конкретный пример. Допустим, что крестьянское восстание победило. Революционные крестьянские комитеты и временное революционное правительство (опирающееся, отчасти, именно на эти комитеты) может произвести любую конфискацию крупной собственности. Мы стоим за конфискацию, мы уже заявили это. Но кому посоветуем мы отдать конфискованные земли? Тут мы не связали себе рук и никогда не свяжем заявлениями вроде тех, которые неосторожно предлагает автор письма. Автор забыл, что в той же резолюции III съезда говорится об «*очищении революционно-демократического содержания крестьянского движения от всяких реакционных примесей*», это раз, а второе: о необходимости «*во всех случаях и при всех обстоятельствах самостоятельной организации сельского пролетариата*». Вот наши директивы. Реакционные примеси в крестьянском движении всегда будут, и мы заранее объявляем войну им. Классовый антагонизм между сельским пролетариатом и крестьянской буржуазией неизбежен, и мы заранее вскрываем его, разъясняем его, *готовимся к борьбе на почве его*. Одним из поводов такой борьбы очень может явиться вопрос о том: кому и как отдать конфискованные земли? И мы не затушёвываем этого вопроса, не обещаем уравнительного раздела, «социализации» и т. п., а говорим: там мы ещё поборемся, опять поборемся, на новом поприще поборемся и с иными союзниками: там мы будем

безусловно с сельским пролетариатом, со всем рабочим классом *против* крестьянской буржуазии. Практически, это может означать и переход земли к классу мелких хозяев-крестьян, там, где преобладает кабальная, крепостническая крупная собственность, где нет ещё материальных условий крупного социалистического производства, и национализацию, при условии полной победы демократической революции, и передачу крупных капиталистических имений *ассоциациям рабочих*, ибо от революции демократической мы сейчас же начнём переходить и как раз в меру нашей силы, силы сознательного и организованного пролетариата, начнём переходить к социалистической революции. Мы стоим за непрерывную революцию. Мы не остановимся на полпути. Если мы не обещаем сейчас же и немедленно всяких «социализаций», то именно потому, что мы знаем действительные условия этой задачи и не затушёвываем, а разоблачаем зреющую новую классовую борьбу в недрах крестьянства.

Мы сначала поддерживаем до конца, всеми мерами, до конфискации, — крестьянина вообще против помещика, а потом (и даже не потом, а в то же самое время) мы поддерживаем пролетариат против крестьянина вообще. Усчитать *сейчас* комбинацию сил внутри крестьянства «на другой день» после революции (демократической) — пустая утопия. Не впадая в авантюризм, не изменяя своей научной совести, не гоняясь за дешёвенькой популярностью, мы можем сказать и говорим *лишь одно*: мы всеми силами поможем всему крестьянству сделать революцию демократическую, *чтобы тем легче* было нам, партии пролетариата, перейти как можно скорее к новой и высшей задаче — революции социалистической. Мы не обещаем никакой гармонии, никакой уравнительности, никакой «социализации» из победы *теперешнего* крестьянского восстания, — напротив, мы «обещаем» новую борьбу, новое неравенство, новую революцию, к которой мы и стремимся. Наше учение менее «сладко», чем рассказы социалистов-революционеров, но кто хочет, чтобы его *поили* одним только сладеньким, тот пусть и идёт к социалистам-революционерам; мы скажем таким людям: скатертью дорога.

Эта марксистская точка зрения решает, на наш взгляд, и вопрос о комитетах. *Социал-демократических крестьянских* комитетов, по нашему мнению, *быть не должно*: если

социал-демократический, значит не только крестьянский; если крестьянский, значит не чисто пролетарский, не социал-демократический. Смешивать два эти ремесла есть тьма охотников, мы не из их числа. Везде, где можно, мы будем стремиться организовать *свои* комитеты, комитеты *социал-демократической рабочей партии*. Туда войдут и крестьяне, и пауперы, и интеллигенты, и проститутки (нас недавно спрашивал один рабочий в письме, почему не агитировать среди проституток), и солдаты, и учителя, и рабочие, — одним словом, *все социал-демократы и никто, кроме социал-демократов*. Эти комитеты будут вести социал-демократическую работу всю, во всей её широте, стремясь, однако, организовать специально и особо сельский пролетариат, ибо социал-демократия есть классовая партия пролетариата. Находить «неортодоксальным» делом организацию пролетариата, не вполне очистившегося от разных пережитков старины, *величайшее заблуждение*, и мы хотели бы думать, что относящиеся сюда места письма основаны на простом недоразумении. Городской и промышленный пролетариат неизбежно будет основным ядром нашей социал-демократической рабочей партии, но привлекать к ней, просвещать, организовать мы должны всех трудящихся и эксплуатируемых, как говорит и наша программа, всех без исключения: и кустарей, и пауперов, и нищих, и прислугу, и босяков, и проституток, — разумеется, при том необходимом и обязательном условии, чтобы они примыкали к социал-демократии, а не социал-демократия к ним, чтобы они переходили на точку зрения пролетариата, а не пролетариат на их точку зрения.

При чём же тогда революционные крестьянские комитеты? — спросит читатель. Значит, не надо их? Нет, надо. Наш идеал: повсюду в деревнях чисто социал-демократические комитеты, а затем соглашение их со *всеми* революционно-демократическими элементами, группами, кружками крестьянства для образования революционных крестьянских комитетов. Тут полная аналогия с самостоятельностью социал-демократической рабочей партии в городе и союзом её со всеми революционными демократами в целях восстания. Мы — за восстание крестьянства. Мы — безусловно против смещения и слияния разнородных классовых элементов и разнородных партий. Мы за то, чтобы в целях

восстания социал-демократия подталкивала *всю* революционную демократию, помогала *всей* ей организоваться, *шла рядом* с ней, но не сливаясь с ней, на баррикады в городах, — против помещиков и полиции в деревнях.

Да здравствует городское и деревенское восстание против самодержавия! Да здравствует революционная социал-демократия, как передовой отряд всей революционной демократии в настоящей революции!

«Пролетарий» №16, 14 (1) сентября 1905 г.

***Печатается по тексту газеты «Пролетарий»,
сверенному с рукописью***

Вычитал: Воробьев Евгений Валентинович, слесарь

Проверил: Алымов Андрей Александрович, инженер

ЧЕГО ХОТЯТ И ЧЕГО БОЯТСЯ НАШИ ЛИБЕРАЛЬНЫЕ БУРЖУА?

У нас в России политическое воспитание народа и интеллигенции совсем ещё ничтожно. У нас ясные политические убеждения и твёрдые партийные воззрения совсем ещё почти не выработаны. У нас слишком легко берут на веру любой протест против самодержавия, относясь с недоброжелательством ко всякой критике характера и сущности этого протеста, как к вредному разъединению освободительного движения. Неудивительно, что под этим общим флагом освобождения и издаваемое под редакцией г. Струве «Освобождение» широко распространяется среди всех и всяких вольномыслящих интеллигентов, ненавидящих анализ классового содержания «освобожденного» либерализма.

А ведь освобожденский либерализм есть лишь более систематическое, свободное от цензуры выражение основных черт всего русского либерализма. Чем дальше идёт вперёд революция, тем больше разоблачает себя этот либерализм, тем непростительнее становится боязнь взглянуть истине прямо в лицо, понять действительную суть этого либерализма. Чрезвычайно характерны в этом отношении «Политические письма» известного историка г. Павла Виноградова в известном либеральном органе, «Русских Ведомостях» (5 августа). Не менее характерно и то, что другие либеральные газеты, вроде «Нашей Жизни», перепечатали выдержки из этого почтенного произведения без единого слова возмущения и негодования. Г. Павел Виноградов с редкой рельефностью выразил интересы, тактику, психологию своекорыстной буржуазии: его откровенность, может быть, была бы сочтена неуместной теми или иными более ловкими либералами, но тем ценнее она для сознательных рабочих. Вот заключительные слова статьи г. Виноградова, выражающие всю её квинтэссенцию:

«Я не знаю, удастся ли ещё России пройти к новому строю дорогой, близкой к тому пути, которым прошла Германия в 1848 году, но не сомневаюсь, что надо употребить все усилия, чтобы выйти на эту дорогу, а не на путь, избранный Францией в 1789 г.

Сырому, дурно сплочённому, полному междоусобной злобы русскому обществу грозят на последнем пути неслыханные опасности, если не гибель. Нежелательно дожить до предметных уроков на темы о власти, порядке, национальном единстве, общественной организации, тем более, что эти предметные уроки будет давать или собравшийся с новыми силами урядник, или немецкий вахмистр, которому анархия в России откроет провиденциальную миссию».

Вот о чём думает больше всего русский буржуа: о неслыханных опасностях «пути» 1789 года! Буржуа не прочь от пути Германии в 1848 году, но «все усилия» он употребит для избежания пути Франции. Поучительное изречение, над которым стоит очень и очень задуматься.

В чём коренная разница между обоими путями? В том, что буржуазно-демократический переворот, осуществлённый Францией в 1789 году, Германией в 1848 году, в первом случае был доведён до конца, а во втором — нет; — в первом случае дошёл до республики и полной свободы, а во втором остановился, не слолив монархии и реакции; — во втором случае прошёл под руководством, главным образом, либеральных буржуа, ведших за собой на буксире недостаточно окрепший рабочий класс, в первом случае проведён хотя бы в известной части активно-революционной массой народа, рабочих и крестьян, отодвинувших, хотя бы на время, в сторону солидную и умеренную буржуазию; — во втором случае быстро привёл к «успокоению» страны, т. е. к подавлению революционного народа и к торжеству «урядника и вахмистра», в первом доставил на известный период господство революционному народу, раздавившему сопротивление «урядников и вахмистров».

И вот учёный лакей российской буржуазии выступает в «почтеннейшем» либеральном органе с предостережением против первого, «французского» пути. Учёный историк желает «немецкого» пути и прямо говорит это. Он знает превосходно, что немецкий путь не обошёлся без народного вооружённого

восстания. В 1848 и 1849 гг. был целый ряд восстаний и даже временных революционных правительств в Германии. *Но ни одно из этих восстаний не было вполне победоносным.* Самое успешное восстание, берлинское восстание 18 марта 1848 года, кончилось не свержением королевской власти, а *уступками* сохранившего свою власть короля, который очень быстро сумел оправиться от частичного поражения и отобрать назад все эти уступки.

Итак, учёный историк буржуазии не боится восстаний народа. *Он боится победы народа.* Он не боится того, чтобы реакция, бюрократия, ненавистная ему бюрократия, была проучена слегка народом. *Он боится свержения реакционной власти народом.* Он ненавидит самодержавие и всей душой желает свержения его, но *погибели* для России он ждёт не от сохранения самодержавия, не от отравления народного организма медленным гниением неумерщвлённого паразита монархической власти, а от *полной победы народа.*

Он знает, этот муж алтынной науки, что время революции есть время предметных уроков для народа, и вот он не хочет предметных уроков по части *уничтожения реакции*, пугая нас предметными уроками по части *уничтожения революции*. Он пуще огня боится того пути, когда революция хоть на небольшое время одерживала полную победу, и он жаждет всей душой такого исхода, вроде немецкого, когда реакция на долгие и долгие периоды одерживала полнейшую победу.

Он не приветствует революции в России, а лишь старается смягчить вину её. Он желает не победоносной революции, а неудавшейся революции. Он считает реакцию явлением законным и правомерным, естественным и прочным, надёжным и благоразумным. Он считает революцию явлением незаконным, фантастическим, неправомерным, которое может быть в лучшем случае *оправдано* до известной степени неустойчивостью, «слабостью», «несостоятельностью» самодержавного правительства. Он смотрит на революцию, этот «объективный» историк, не как на законнейшее право народа, а лишь как на греховный и опасный приём исправления крайностей реакции. Для него революция, победившая вполне, есть «анархия», а реакция, победившая вполне, не есть анархия, а только небольшое преувеличение известных необходимых функций государства. Он не знает другой

«власти», кроме монархической, другого «порядка» и другой «общественной организации», кроме буржуазных. Из тех европейских сил, которым революция в России «откроет providенциальную миссию», он знает только «немецкого вахмистра», но не знает и знать не хочет *немецкого социал-демократического рабочего*. Ему противна больше всего «гордыня» тех, кто «собирается обгонять западную буржуазию» (г. профессор пишет слово буржуазия в иронических кавычках: нашли, дескать, такой нелепый термин в применении к европейской, — ев-ро-пей-ской, — культуре!). Он благодушно закрывает глаза, этот «объективный историк», на то, что именно благодаря застарелой самодержавной мерзости в России Европа вот уже десятки и десятки лет стоит на месте или пятится назад в политическом отношении. Он боится предметных уроков «собравшегося с новыми силами урядника» и поэтому — о, вождь народа! о, политический деятель! — он пуще всего предостерегает от решительного разгрома всех «сил» современного урядника. Какая презренная холопская фигура! Какое гнусное предательство революции под соусом якобы учёного и якобы объективного рассмотрения вопроса! Копните русского и найдёте татарина, говорил Наполеон. Копните либерального российского буржуа, скажем мы, и найдёте одетого в новенький мундир урядника, которому оставляют 1/10 его *старой* силы по тому глубокомысленному «учёному» и «объективному» соображению, что иначе он захочет, пожалуй, «собраться с новыми силами»! У всякого идеолога буржуазии — насквозь торгашеская душонка; он думает не об уничтожении *сил* реакции и «урядника», а о том, чтобы подкупить, подмаслить, умягчить этого урядника посредством возможно более быстрой сделки с ним.

Как бесподобно подтверждает этот учёнейший идеолог буржуазии всё то, что мы не раз уже говорили в «Пролетарии» о сущности и характере российского либерализма. В отличие от европейской буржуазии, которая была в своё время революционной и десятки лет спустя становилась на сторону реакции, наши доморощенные мудрецы сразу перепрыгивают или хотят перепрыгнуть через революцию к умеренному и аккуратному господству реакционной буржуазии. Буржуазия не хочет и не может, по классовому положению, хотеть революции. Она хочет лишь

сделки с монархией против революционного народа, она хочет лишь прокрасться к власти за спиной этого народа.

И какой поучительный урок даёт этот мудрец либеральной буржуазии тем доктринам социал-демократии, которые договорились до следующей резолюции, принятой кавказскими новоискровцами и *специально одобренной* редакцией «Искры» в особом листке. Эта резолюция (вместе с одобрением «Искры») перепечатана полностью в брошюре Н. Ленина «Две тактики», но так как товарищам в России она мало известна, так как редакция «Искры» сама не пожелала перепечатать в своей газете этой «весьма удачной», по её мнению, резолюции, то мы приводим её здесь целиком в поучение всем социал-демократам и в посрамление «Искры»:

«Считая своей задачей использовать революционный момент для углубления социал-демократического сознания пролетариата, конференция (кавказская конференция новоискровцев) в целях обеспечения для партии полнейшей свободы критики нарождающегося буржуазно-государственного строя высказывается против образования социал-демократического временного правительства и вступления в него, а считает наиболее целесообразным оказывать давление извне на буржуазное временное правительство для усиленной демократизации государственного строя. Конференция полагает, что образование социал-демократами временного правительства или вступление в него повело бы, с одной стороны, к отпадению от социал-демократической партии широких масс пролетариата, разочаровавшихся в ней, так как социал-демократия, несмотря на захват власти, не сможет удовлетворить насущным нуждам рабочего класса, вплоть до осуществления социализма, с другой, *заставит буржуазные классы отшатнуться от дела революции и тем ослабит её размах*».

Эта резолюция — позорная, ибо она выражает (помимо воли и сознания писавших её, которые встали на наклонную плоскость оппортунизма) предательство интересов рабочего класса в руки буржуазии. Эта резолюция освящает превращение пролетариата для эпохи демократической революции в хвост буржуазии. Эту резолюцию достаточно поставить рядом с вышеприведённой цитатой из г. Виноградова (а подобных цитат всякий найдёт сотни

и тысячи в либеральной публицистике), чтобы видеть, в какое болото залезли новоискровцы. Ведь г. Виноградов, этот типичнейший идеолог буржуазии, *уже отшатнулся* от дела революции. Не ослабил ли он этим «размаха революции», господа новоискровцы? Не следует ли вам пойти с повинной к господам Виноградовым и умолять их *ценой вашего воздержания от руководства революцией* не «отшатываться от дела революции»?

«Пролетарий» №16, 14 (1) сентября 1905 г.
Печатается по тексту газеты «Пролетарий»,
сверенному с рукописью

Вычитал: Воробьев Евгений Валентинович, слесарь
Проверил: Алымов Андрей Александрович, инженер

ТЕОРИЯ САМОПРОИЗВОЛЬНОГО ЗАРОЖДЕНИЯ

«Искра» показала, что учредительное собрание может образоваться путём самопроизвольного зарождения, без содействия какого бы то ни было правительства, стало быть, и временного. Отныне этот ужасный вопрос может считаться исчерпанным, и все приуроченные к нему споры должны прекратиться».

Так пишет Бунд в № 247 «Последних Известий», помеченных 1 сентября (19 августа). Если это не ирония, то лучшего «развития» искровских взглядов нельзя себе и представить. Во всяком случае, теория «самопроизвольного зарождения» установлена, «ужасный вопрос» исчерпан, споры «должны прекратиться». Какая благодать! Мы будем теперь жить без споров об этом ужасном вопросе, лелея эту новую, только что открытую простую и ясную, как глаза ребёнка, теорию «самопроизвольного зарождения». Правда, эта теория самопроизвольного зарождения не самопроизвольно зародилась, а явилась, на глазах у всех, плодом сожительства Бунда с новой «Искрой», — но ведь важно не происхождение теории, а ценность её!

Как недогадливы были эти несчастные российские социал-демократы, обсуждавшие «ужасный вопрос» и на III съезде РСДРП и на конференции новоискровцев: одни всё толковали о временном правительстве *для* зарождения, не самопроизвольного зарождения, учредительного собрания; другие допускали (резолуция конференции), что «решительная победа революции над царизмом» «может быть ознаменована» и «решением какого-либо представительного учреждения созвать, под непосредственным революционным давлением народа, учредительное собрание», и никто, даже вся редакция новой «Искры», вместе с Плехановым присутствовавшая на конференции, не додумался до того, что

теперь *«Искра показала»*, а Бунд резюмировал, закрепил, окрестил великолепным словечком. Как все гениальные открытия, *теория самопроизвольного зарождения учредительного собрания* сразу внесла свет в хаос. Теперь всё стало ясно. Не к чему думать о временном революционном правительстве (вспомните знаменательное изречение «Искры»: да не оскверняет ваши уста сочетание слов «да здравствует» и «правительство»!), не к чему брать с членов Государственной думы «революционное обязательство» «превратить Государственную думу в революционное собрание» (Череванин в № 108 «Искры»). *Учредительное собрание может зародиться самопроизвольно!!* Это будет непорочное рождение его самим народом, не оскверняющим себя никаким «посредством» правительства, хотя бы и временного, хотя бы и революционного. Это будет рождение «без нетления», чистым путём всеобщих выборов без всякой «якобинской» борьбы за власть, без всякого загрязнения святого дела предательством буржуазных представительных собраний, даже без всяких грубых акушеров, которые до сих пор в этом осквернённом, греховном, нечистом мире являлись аккуратно на сцену всякий раз, когда старое общество бывало беременно новым.

Да здравствует самопроизвольное зарождение! Да оценят теперь все революционные народы всея России его «возможность», — а следовательно, и его необходимость *для них*, как самого рационального, лёгкого, простого пути к свободе! Да будет воздвигнут скорее памятник в честь Бунда и новой «Искры», самопроизвольных родителей теории самопроизвольного зарождения!

Однако как ни ослепляет нас яркий свет нового научного открытия, мы всё же должны коснуться слегка и некоторых низменных особенностей этого возвышенного творения. Если луну делают в Гамбурге прескверно, то и новые теории фабрикуют в редакции «Последних Известий» не очень тщательно. Рецепт простой, издавна излюбленный людьми, которые никогда не грешили ни единой самостоятельной мыслишкой: взять противоположные взгляды, смешать вместе и разделить пополам! У «Пролетария» возьмём критику народных выборов при самодержавии, у «Искры» — осуждение «ужасного вопроса»; у «Пролетария» — активный бойкот, у «Искры» — негодность восстания,

как лозунга... «как пчёлочка с каждого цветочка берёт взяточку». И добрые бундовцы самодовольно охорашиваются, радуясь прекращению споров об ужасном вопросе и любуясь собой: как они превзошли узость и односторонность взглядов обеих спорящих сторон!

Не кругло выходит у вас, товарищи из Бунда. Других «путей самопроизвольного зарождения», кроме новоискровского, вы не показали. А насчёт новоискровского вы сами должны были признать, что «в обстановке самодержавия и против воли правительства, имеющего в своих руках всю государственную машину», выборы народных представителей могут быть только *потешными* выборами. Не покидайте же нас на полдороге, о, творцы новой теории: скажите, каким «путём», кроме новоискровского, «мыслите» вы себе «самопроизвольное зарождение»?

«Пролетарий» писал против «Искры», что при самодержавии выборы смогут провести лишь освобожденцы, которые охотно выдадут их за народные. Бунд отвечает: «Этот довод не выдерживает никакой критики, так как не подлежит никакому сомнению, что самодержавие никому — в том числе и освобожденцам — не позволит производить выборы вне рамок, установленных законом». Мы почтительно заметим: выборы земцами, городскими гласными и членами «союзов» произведены и производятся. Это факт. Доказательство налицо: их многочисленные бюро.

Бунд пишет: «Поднять агитацию против Думы во имя вооружённого восстания вообще (!) нельзя, так как восстание, будучи только средством совершения политического переворота, не может в данном случае» (а не «вообще»?) «служить агитационным лозунгом. Ответить на Думу можно и должно расширением и углублением политической агитации за учредительное собрание на основе всеобщей и т. д. подачи голоса». Мы ответим: во-первых, если бы бундовцы подумали немного или даже просто справились с нашей партийной программой, то они увидели бы, что и учредительное собрание тоже есть лишь «средство». Неразумно объявлять одно «средство» пригодным для лозунга, а другое «вообще» непригодным. Во-вторых, мы уже давно и много раз обстоятельно разъясняли, что один лозунг учредительного собрания никуда не годится, ибо он стал освобожденским лозунгом, лозунгом буржуазных «соглашателей». Со стороны либерально-монархической

буржуазии *вполне естественно*, что она *оставляет в тени* вопрос о *способе* созыва учредительного собрания. Со стороны представителей революционного пролетариата это совершенно непозволительно. Первым вполне пристала теория самопроизвольного зарождения. Вторых она может только осрамить перед сознательными рабочими.

Последний довод Бунда: «Вооружённое восстание необходимо, к нему надо готовиться, готовиться и готовиться. Но пока что мы не в силах его вызвать, поэтому (!) и не для чего связывать его с Думой». Мы ответим: 1) Признавать необходимость восстания и подготовки к нему, а в то же время презрительно морщить нос по поводу вопроса о «дружинах» («взятого из вперёдовского арсенала», как пишет Бунд) значит побивать самого себя, значит доказывать непродуманность своих писаний. 2) Временное революционное правительство есть орган восстания. Это положение, прямо выраженное в резолюции III съезда, в сущности своей принято и новоискровской конференцией, хотя выражено, нам думается, менее удачно (временное революционное правительство, «выходящее из победоносного народного восстания»: и логика и исторический опыт показывают, что временные революционные правительства возможны, как орган восстания, вовсе не победоносного или не вполне победоносного; кроме того, временное революционное правительство не только «выходит» из восстания, но и ведёт восстание). Бундовцы не пробуют оспорить этого положения, да и нельзя его оспорить. Признавать необходимость восстания и подготовки к нему и требовать в то же время прекращения споров об «ужасном вопросе» о временном правительстве — значит писать, не думая. 3) Фраза об образовании учредительного собрания «без содействия какого бы то ни было правительства, стало быть, и временного» есть *анархическая* фраза. Она стоит целиком на уровне знаменитой искровской фразы об «осквернении» уст сочетанием слов «да здравствует» и «правительство». Она показывает непонимание значения революционной власти, как одного из величайших и высших *«средств»* совершения политического переворота. Дешёвенький «либерализм», каким щеголяет здесь вслед за «Искрой» Бунд (вовсе, дескать, без правительства, хотя бы временного!), есть именно анархический либерализм. Образование учредительного собрания *без*

содействия восстания есть мысль, достойная лишь буржуазных пошляков, как это видят и товарищи бундовцы. А восстание *без содействия* временного революционного правительства не может стать ни общенародным ни победоносным. Паки и паки мы должны с сожалением констатировать, что бундовцы совершенно не сводят концов с концами. 4) Если надо готовиться к восстанию, то в подготовку эту необходимо входит распространение и разъяснение лозунгов: вооружённое народное восстание, революционная армия, временное революционное правительство. Надо нам и самим изучать новые приёмы борьбы, их условия, их формы, их опасности, их практическое осуществление и т. д. и массу просвещать относительно них. 5) Положение: «мы пока что не в силах вызвать восстание» неправильно. История с «Потёмкиным» показала скорее то, что *мы не в силах удержать от преждевременных вспышек подготавливаемого восстания*. Матросы «Потёмкина» были менее подготовлены, чем матросы иных судов, и восстание вышло менее полным, чем могло бы быть. Какой вывод из этого? Тот, что в задачу подготовки восстания входит задача удерживать от преждевременных вспышек подготавливаемого или почти подготовленного восстания. Тот, что стихийно растущее восстание *обгоняет* нашу сознательную и планомерную работу его подготовки, и теперь мы не в силах удержать вспышки восстания, происходящие раздробленно, разъединенно, стихийно то здесь, то там. Тем более обязаны мы *спешить* с распространением и разъяснением всех политических задач и политических условий успешного восстания, тем более неумны, следовательно, предложения прекратить споры об «ужасном вопросе» насчёт временного правительства. 6) Правильна ли та мысль, что «не для чего связывать восстание с Думой»? Нет, она неправильна. Определять заранее момент восстания — нелепо, особенно нам здесь, из-за границы. О «связывании» в этом смысле нет и речи, как указывал много раз «Пролетарий». Но *агитацию за восстание, проповедь его* необходимо «связывать» со всеми важными и волнующими народ политическими событиями. Весь спор у нас идёт теперь именно из-за того, какой агитационный лозунг должен стоять в центре всей нашей агитационной «думской» кампании. Есть ли Дума такое событие? Несомненно, да. Будут ли рабочие и крестьяне спрашивать нас: как лучше бы всего ответить

на Думу? Непременно будут и уже спрашивают. Как ответить на эти вопросы? Не ссылкой на самопроизвольное зарождение (это годится только для смеха), а *разъяснением* условий, форм, предпосылок, задач, органов *восстания*. Чем большего добьёмся мы таким разъяснением, тем больше вероятности будет за то, что неизбежные вспышки восстания смогут развиваться легче и скорее в успешное, победоносное восстание.

«Пролетарий» №16, 14 (1) сентября 1905 г.

***Печатается по тексту газеты «Пролетарий»,
сверенному с рукописью***

Вычитал: Воробьёв Евгений Валентинович, слесарь

Проверил: Алымов Андрей Александрович, инженер

СПОРЬТЕ О ТАКТИКЕ, НО ДАВАЙТЕ ЯСНЫЕ ЛОЗУНГИ!

Спор о тактике по отношению к Государственной думе всё разгорается. Разногласие между «Искрой» и «Пролетарием» становится всё глубже, особенно после статьи Парвуса в «Искре».

Спорить о тактике необходимо. Но обязательно при этом добиваться полнейшей ясности. Вопросы тактики, это — вопросы политического поведения партии. Обосновывать то или иное поведение можно *и должно* и теорией, и историческими справками, и анализом всей политической ситуации, и т. д. Но партия борющегося класса обязана при всех этих спорах не упускать из виду необходимости совершенно ясных, *не допускающих двух толкований*, ответов на конкретные вопросы нашего политического поведения: да или нет? делать ли нам теперь же, в данный момент, то-то или не делать?

Эти ясные ответы обязательны и для того, чтобы не преувеличивать, не запутывать разногласий, и для того, чтобы рабочий класс знал с полнейшей точностью, какие именно конкретные советы дают ему те или иные с.-д. в данный момент.

В видах внесения полной ясности в наши споры с «Искрой» мы даём следующий список конкретных вопросов политического поведения социал-демократии в настоящей агитационной думской кампании. Не претендуя нисколько на исчерпывающую полноту этого списка, мы будем очень рады всяким указаниям на необходимость его дополнения, изменения или расчленения тех или других вопросов. Само собою разумеется, что относящееся к избирательным собраниям относится также ко всем и всяческим собраниям вообще.

КАКИЕ СОВЕТЫ ДАЮТ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТЫ ПРОЛЕТАРИАТУ ПО ОТНОШЕНИЮ К ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ?

	«Искра»	«Пролетарий»
1. Проникать ли рабочим в избирательные собрания?	Да.	Да.
2. Проникать ли рабочим в избирательные собрания даже силой?	Да.	Да.
3. Говорить ли на этих собраниях о полной негодности Государственной думы и о всех целях, о всей программе социал-демократии?	Да.	Да.
4. Призывать ли на этих собраниях рабочих и весь народ к вооружённому восстанию, образованию революционной армии и временного революционного правительства?	?	Да.
5. Делать ли из этих (п. 4) лозунгов центральный пункт всей нашей «думской» кампании?	Нет.	Да.
6. Клеймить ли идущих в Государственную думу «освобожденцев» (или «конституционалистов-демократов») как буржуазных предателей, проводящих «соглашение» с царём?	Нет.	Да.
7. Говорить ли нам, социал-демократам, народу о предпочтительности выборов в Государственную думу Петрункевичей или Стаховичей и т. п.?	Да.	Нет.

	«Искра»	«Пролетарий»
8. Заключать ли какие бы то ни было соглашения с освобожденцами о поддержке их нами на основании тех или иных условий, требований, обязательств и т. под.?	Да.	Нет.
9. Делать ли из лозунга: «революционное самоуправление» центральный пункт нашей агитации?	Да.	Нет.
10. Призывать ли народ теперь же к выборам всеобщим голосованием органов революционного самоуправления, а через них и учредительного собрания?	Да.	Нет.
11. Выбирать ли нам социал-демократические избирательные комитеты? выставлять ли наши, социал-демократические, кандидатуры в Государственную думу?	Да.	Нет.

«Пролетарий» №18, 26 (13) сентября 1905 г.
Печатается по тексту газеты «Пролетарий»,
сверенному с рукописью

Вычитал: Воробьев Евгений Валентинович, слесарь
Проверил: Алымов Андрей Александрович, инженер

ИГРА В ПАРЛАМЕНТАРИЗМ

Мы уже неоднократно (в № 12 «Пролетария» до закона о Государственной думе, в №№ 14–17 после 6 августа) развивали нашу тактику по отношению к Государственной думе и теперь должны вновь рассмотреть её в сопоставлении с новыми взглядами, которые высказал Парвус (отдельный оттиск из № 110 «Искры», статья: «Социал-демократия и Государственная дума»).

Проследим сначала шаг за шагом основное рассуждение Парвуса. «Мы должны до последней крайности бороться против подставного парламента, этой смеси подлости и ничтожества», — начинает он свою статью и к этому справедливому положению добавляется сейчас же не менее справедливое следующее: «Свергнуть Государственную думу... мы можем только народным восстанием. Заставить правительство изменить избирательное право и расширить права Думы мы можем опять-таки только народным восстанием». Превосходно. Каковы же, спрашивается, должны быть наши лозунги *агитации* по поводу Государственной думы? Каковы главные и особенно важные формы *организации* борьбы против смеси подлости с ничтожеством? Парвус ставит вопрос, в сущности, так же, говоря: «То, что мы можем внести с своей стороны для подготовки восстания, это — агитация и организация». И вот как решает он первую часть этого вопроса, об отношении к избирательным собраниям.

«Если мы будем мешать этим собраниям, — пишет Парвус, — если мы будем срывать их, мы только окажем услугу правительству».

Итак, Парвус против того, чтобы рабочие *мешали* кучке помещиков и купцов *ограничивать* предмет обсуждения

на избирательных собраниях подлой и ничтожной Государственной думы? Парвус против того, чтобы рабочие пользовались избирательными собраниями для критики «подлой» Государственной думы и развития *своих* социал-демократических взглядов и своих лозунгов?

Выходит так, но вслед за приведённой фразой Парвус говорит уже другое: «То, чего рабочим не дают добровольно, — читаем в его статье, — они должны взять силой. Они должны массами являться на сходки избирателей и превратить их *в рабочие собрания* (курсив в цитатах везде наш. Редакция «Пролетария»). *Вместо* рассуждений о том, избрать ли Ивана Фомича или Фому Ивана, они поставят на очередь политические вопросы (Парвус хотел, вероятно, сказать: с.-д. вопросы, ибо вопрос о выборах Фомы или Ивана есть тоже политический вопрос). Тут мы можем обсуждать и политику правительства, и тактику либералов, и классовую борьбу, и самую Государственную думу. Всё это ведёт к революционизированию масс».

Посмотрите же, что вышло у Парвуса. С одной стороны, мешать собраниям Трубецких, Петрункевичей и Стаховичей не следует. Идею бойкота Парвус в конце своей статьи определённо осуждает. С другой стороны, на собрание надо явиться: 1) силой; 2) «*превратить*» собрание Петрункевичей и Стаховичей в «рабочее собрание»; 3) *вместо* рассуждений о том, для чего собрание сошлось (выбирать ли Фому или Ивана?), обсуждать наши социал-демократические вопросы, и классовую борьбу, и социализм, и, разумеется, необходимость народного восстания, его условия, его задачи, его средства, приёмы, орудия, его органы, — такие, как революционная армия и революционное правительство. Мы говорим: разумеется, хотя Парвус ни слова не проронил о проповеди восстания на избирательных собраниях, ибо он сам вначале признал, что мы должны бороться до последней крайности и что мы можем достигнуть наших ближайших целей *только* восстанием.

Ясно, что Парвус запутался. Он воюет против идеи бойкота, он не советует мешать собраниям и срывать их, а тут же, рядом, советует проникать в собрания *силой* (это не значит «срывать»?), превращать их в рабочие собрания (это не значит «мешать» Петрункевичам и Стаховичам?), обсуждать *не думские*, а свои,

социал-демократические, революционные вопросы, которых Петрункевичи обсуждать всерьёз не хотят, а рабочие и сознательные крестьяне очень хотят и непременно будут обсуждать.

Отчего же запутался Парвус? Оттого, что он не понял предмета спора. Он собрался воевать против идеи бойкота, вообразив, что бойкот значит простое отстранение, отказ от мысли использовать избирательные собрания для *нашей* агитации. Между тем, такой пассивный бойкот никем даже в легальной печати, не говоря уже о нелегальной, не проповедуется. Парвус обнаруживает полнейшее незнание русских политических вопросов, когда он смешивает пассивный и активный бойкот, когда он, пускаясь рассуждать о бойкоте, ни единым словом не разбирает *второго бойкота*.

Мы уже указывали не раз на условное значение термина «активный бойкот», отмечая, что рабочим нечего бойкотировать Государственную думу, ибо Государственная дума сама их бойкотировала. Но действительное содержание этого условного термина мы вполне ясно определили с самого начала, ещё полтора месяца тому назад, когда в № 12 «Пролетария», до выхода закона о Государственной думе, писали: «В противоположность пассивному отстранению, активный бойкот должен означать удешевление агитации, устройство собраний везде и повсюду, утилизацию (использование) избирательных собраний, хотя бы путём насильственного проникновения в них, устройство демонстраций, политических забастовок и т. п. и т. д.». И несколько дальше: «Активный бойкот» (мы ставили этот термин в кавычках, как условный термин) «есть агитация, вербовка, организация революционных сил в увеличенном масштабе, с двойной энергией, под тройным давлением».

Это сказано так ясно, что не понять этого могли бы только люди, совершенно чужие русским политическим вопросам, или же люди, безнадежно путанные, Konfusionsrathe («советники путаницы»), как говорят немцы.

Итак, чего же, наконец, хочет Парвус? Когда он советует силой врываться в собрания избирателей, превращать их в рабочие собрания, обсуждать социал-демократические вопросы и восстание, «вместо рассуждений о том, избрать ли Ивана Фомича или Фому Иваныча» (заметьте: «вместо», а не вместе, не наряду), — он советует именно активный бойкот. С Парвусом случилось, как

видите, маленькое несчастье: он шёл в одну дверь, а попал в другую. Он объявил войну идее бойкота, а сам высказался (по вопросу об избирательных собраниях) за активный бойкот, т. е. за единственный вид бойкота, который обсуждался в русской политической печати.

Конечно, Парвус может возразить, что условные термины для него не обязательны. Это возражение будет формально справедливо, но по существу никуда не годно. Обязательно знать то, о чём идёт речь. О словах мы спорить не станем, но политические термины, сложившиеся уже в России, на месте действия, это — совершившийся факт, который заставит считаться с собой. Заграничный социал-демократический писатель, который вздумал бы игнорировать эти складывающиеся на месте действия лозунги, обнаружил бы только самое узкое и мертвенное литературское самомнение. Повторяем: ни о каком другом бойкоте, кроме активного, никто в России не говорил, никто в революционной печати не писал. Парвус имел бы полное право критиковать термин, отвергать или пояснять иначе его условное значение и т. д., но игнорировать его, или извращать установившееся уже значение, значит вносить путаницу в вопрос.

Мы подчеркнули выше, что Парвус сказал: не вместе, а вместо. Парвус советует не вместе с вопросом о выборах Фомы или Ивана поднять наши с.-д. вопросы и вопрос о восстании, а *вместо* вопроса о выборах вопрос о классовой борьбе и о восстании. Это различие «не вместе, а вместо» очень важно, и на нём тем более необходимо остановиться, что Парвус, как видно из дальнейшего содержания его статьи, может быть, сам бы вздумал поправиться и сказать: не вместо, а вместе.

Нам следует рассмотреть два вопроса: 1) возможно ли на избирательных собраниях обсуждать «вместе» и выбор Ивана или Фомы, и классовую борьбу, социализм, восстание? 2) если возможно, то следует ли обсуждать вместе первые и вторые вопросы или вторые вместо первого? Кто знает русские условия, тот едва ли затруднится ответом на оба вопроса. Проникать в избирательные собрания и превращать их в рабочие собрания придётся силой, т. е. подавляя сопротивление полиции и войска прежде всего. В сколько-нибудь крупных рабочих центрах (где рабочая социал-демократическая партия только и может рассчитывать

на руководство действительно широким, народным движением) сопротивление полиции и войска будет самое серьёзное. Закрывать глаза на это было бы с нашей стороны прямо глупо. Парвус сам говорит, что «выборная агитация может каждую минуту превратиться в революционное восстание». Если так, то мы обязаны рассчитывать и сообразовать свои силы именно с *задачей восстания*, а не с задачей повлиять на выбор Фомы, а не Ивана в Государственную думу. Если так, то главным и центральным лозунгом всей нашей агитационной думской кампании должен быть лозунг: вооружённое восстание, революционная армия, революционное правительство. Если так, то мы обязаны прежде всего и больше всего проповедовать и разъяснять именно эти лозунги на всех и всяких собраниях. Поэтому Парвус опять-таки сам побивает себя, когда, с одной стороны, ждёт восстания «каждую минуту», а с другой стороны, совершенно умалчивает о проповеди восстания, разборе его условий, средств и органов, как о «нерве» думской кампании.

Далее. Рассмотрим другой случай, возможный в отдельных, особенно менее крупных центрах. Попытки силой пройти в собрание не вызывают, допустим, серьёзной борьбы с правительством, не доходят до восстания. Попытки эти, допустим, увенчиваются в отдельных случаях успехом. Тогда нельзя забывать, во-первых, об учреждении, называемом *военным положением*. На всякую частичную победу народа над полицией и войском правительство отвечает, как небезызвестно, вероятно, даже Парвусу, введением военного положения. Пугает ли нас эта перспектива? Нет, ибо это шаг, приближающий восстание и обостряющий вообще всю борьбу. Пугает ли это земцев и выборщиков в Думу вообще? Безусловно да, ибо это облегчает аресты Милюковых, ибо это даёт поводы правительству прикрыть часть избирательных собраний, а может быть, и все собрания и всю Думу! Значит, дело опять сводится к тому, что одни желают восстания, проповедуют его, готовят его, агитируют за него, организуют отряды восстания и т. д., а другие не хотят восстания, борются с идеей восстания, осуждают, как безумную и преступную, проповедь восстания и т. д. Неужели Парвус не знает, что эти «другие» — *все освобожденцы*, т. е. даже самые левые из буржуазных демократов, могущих попасть в Думу??

А если Парвус знает это, то он должен знать и следующее (это во-вторых). Сопротивление насильственному проникновению в избирательные собрания и превращению их в рабочие собрания окажут не только (иногда даже не столько) полиция и войско, *но и сами земцы, сами освобожденцы*. Закрывать глаза на это позволительно только детям. Земцы и освобожденцы ставят вопрос яснее и прямее, чем некоторые социал-демократы. Или готовить восстание и взять его за центр агитации и всей работы, или перейти на почву Думы и её взять за основу всей политической борьбы. Земцы и освобожденцы уже решили этот вопрос, как мы указывали и подчёркивали не раз ещё с № 12-го «Пролетария». Земцы и освобожденцы идут на собрания именно для того и только для того, чтобы обсудить выбор Фомы или Ивана, Петрункевича или Стаховича, чтобы принять программу «борьбы» (борьбы в кавычках, борьбы в белых лакейских перчатках) на почве Думы и отнюдь не восстанием. Земцы и освобожденцы (мы нарочно соединяем тех и других, ибо для политического разделения их нет данных), конечно, не прочь будут допустить к себе в собрание (только там и тогда, когда это можно сделать без применения силы в сколько-нибудь значительных размерах!!) революционеров и социал-демократов, если найдутся из этих последних неумные люди, готовые обещать «поддержку» Фомы против Ивана, Петрункевича против Стаховича. Но земцы никогда не потерпят, чтобы *их* собрание «превратили в рабочее собрание», чтобы *их* собрание сделали народным революционным собранием, чтобы с *их* трибуны звали открыто и прямо к вооружённому восстанию. Разжёвывать эту очевидную истину даже несколько неловко, но для Парвуса и «Искры» приходится разжёвывать её. Земцы и освобожденцы неизбежно будут сопротивляться *такому* использованию их собраний, хотя эти буржуазные торгаши будут сопротивляться, конечно, не силой, а более безопасными, «мирными» и окольными средствами. Они не войдут ни в какие сделки с людьми, обещающими им «народную» поддержку Петрункевича против Стаховича, Стаховича против Грингмута, иначе как под условием не превращать избирательного собрания в рабочее собрание, под условием не пользоваться их трибуной для призыва к восстанию. Если они узнают, что на их собрание идут рабочие (а это они почти всегда узнают,

ибо массовой демонстрации не скроешь), то одни из них прямо донесут начальству, другие примутся уговаривать социал-демократов не делать этого, третьи побегут уверять губернаторов, что «не их в том вина», что они хотят Думы, хотят в Думу, что они всегда устами «верного собрата» г. Струве осуждали «безумную и преступную» проповедь восстания; четвёртые посоветуют переменить время и место собрания; пятые, наиболее «смелые» и наиболее политически ловкие, скажут под сурдинку, что они рады выслушать рабочих, поблагодарят социал-демократического оратора, расшаркаются и раскланяются перед «народом», уверят всех и каждого в красивой, эффектной и прочувствованной речи, что они всегда за народ, всей душой за народ, что они идут не с царём, а с народом, что «их» Петрункевич давно это заявил, что они «вполне согласны» с социал-демократическим оратором насчёт «подлости и ничтожества» Государственной думы, но что надо, говоря прекрасными словами высокочтимого парламентария Парвуса, столь кстати переносящего на непарламентскую Россию парламентские образчики фольмаровских союзов социал-демократов с католиками, надо «не мешать выборной агитации, а расширять её»; расширять же значит не рисковать безумно судьбой Государственной думы, а «поддерживать» всем народом выбор Фомы против Ивана, Петрункевича и Родичева против Стаховича, Стаховича против Грингмута и т. д.

Одним словом, чем глупее и трусливее будут земцы, тем меньше шансов на то, что они будут слушать Парвуса на своём избирательном собрании. Чем умнее и смелее земцы, тем больше шансов на это, а также тем больше шансов на то, что Парвус в роли поддерживающего Фому против Ивана окажется одураченным.

Нет, добрый Парвус! Пока в России нет парламента, переносить на Россию тактику парламентаризма, значит недостойно играть в парламентаризм, значит из вождя революционных рабочих и сознательных крестьян превращаться в прихвостня помещиков. Заменять временные соглашения отсутствующих у нас открытых политических партий тайными сделками с Родичевым и Петрункевичем о поддержке их против Стаховича, значит сеять разврат в рабочей среде. А открыто выступить перед массой социал-демократическая партия пока не может,

а радикально-демократическая партия частью не может, частью не хочет и даже более не хочет, чем не может.

На прямой и ясный лозунг земцев-освободенцев: долой преступную проповедь восстания, за работу в Думе и через Думу, — мы должны ответить прямым и ясным лозунгом: долой буржуазных предателей свободы, господ освободенцев и К^о, долой Думу и да здравствует вооружённое восстание!

Соединять лозунг восстания с «участием» в выборах Фомы или Ивана значит, под предлогом «широты» и «разносторонности» агитации, «гибкости» и «чуткости» лозунгов вносить одну путаницу, ибо на практике это соединение есть маниловщина. На практике выступление Парвуса и Мартова перед земцами с «поддержкой» Петрункевича против Стаховича будет (предполагая те исключительные случаи, когда оно окажется осуществимо) не открытым выступлением перед массой народа, а закулисным выступлением одураченного вождя рабочих перед горсткой предателей рабочих. Теоретически, или с точки зрения общих основ нашей тактики, соединение этих лозунгов является сейчас, в данный момент, разновидностью парламентского кретинизма. Для нас, революционных социал-демократов, восстание не абсолютный, а конкретный лозунг. Мы отодвигали его в 1897 году, мы ставили его в смысле общей подготовки в 1902 году, мы поставили его, как прямой призыв, лишь в 1905 г., после 9-го января. Мы не забываем, что Маркс в 1848 году был за восстание, а в 1850 г. осуждал бредни и фразы о восстании, что Либкнехт до войны 1870—1871 года громил участие в рейхстаге, а после войны участвовал в нём сам. Мы отметили сразу, в № 12 «Пролетария», что смешно было бы зарекаться в будущем от борьбы на почве Думы. Мы знаем, что не только парламент, но и пародия на парламент могут стать, когда нет налицо условий для восстания, главным центром всей агитации на весь тот период времени, когда о народном восстании нет и речи.

Но мы требуем ясной и отчётливой постановки вопроса. Если вы думаете, что эпоха восстаний миновала для России, — скажите это и защищайте открыто свой взгляд. Мы его оценим и обсудим всесторонне и спокойно, с точки зрения конкретных условий. Но когда вы сами говорите о возможности восстания «каждую минуту», о необходимости его, — тогда мы клеймим

и будем клеймить, как жалкую маниловщину, все и всякие рассуждения против активного бойкота Думы. Если восстание возможно и необходимо, тогда мы именно его должны сделать центральным лозунгом всей нашей околдумской кампании, тогда мы должны разоблачить продажную душонку «франкфуртского парламентского говоруна» в каждом освобожденце, который сторонится от этого лозунга восстания. Если восстание возможно и необходимо, то это значит, что никакого легального центра для легальной борьбы за цели восстания нет, а маниловскими фразами его не заменишь. Если восстание возможно и необходимо, то это значит, что правительство *«поставило штык во главе порядка дня»*, открыло гражданскую войну, выдвинуло военное положение, как антикритику демократической критики, а при таких условиях брать всерьёз «почти парламентскую» вывеску Государственной думы и начинать в потёмках и под сурдинку играть в парламентаризм в четыре руки с Петрункевичами, значит заменять политику революционного пролетариата политиканством комедиантствующих интеллигентов!

Показав основную фальшь всей позиции Парвуса, мы можем лишь вкратце остановиться на отдельных, наиболее ярких проявлениях этой фальши. «До выборов или после выборов, в связи с Государственной думой, — пишет Парвус, — создаётся законная база существования политических партий». Неправда. На деле *теперь* создаётся «законная база» для правительственной подделки выборов. Эта база называется: 1) земским начальником (выборы крестьян всецело в его руках); 2) охраной (арест Милюкова); 3) военным положением. Когда *на деле*, а не на языке писателей, создаётся «законная база существования политических партий» (в том числе и РСДРП), тогда мы обязаны будем пересмотреть весь вопрос о восстании заново, ибо для нас восстание есть лишь одно из важных, но вовсе не всегда обязательных средств завоевания свободного поля борьбы за социализм.

«Необходимо немедленно выступить не как отдельные общественные группы, не как юристы, инженеры, земцы, а как либеральная, демократическая, социал-демократическая партия — официально

и открыто. Представители различных направлений могут в этом отношении согласиться между собой, как соглашались отдельные фракции парламента».

Да, они могут сделать это, но не открыто, ибо если Парвус забыл о Трепове, то Трепов не забыл о Парвусе, а тайком. То, что Парвус называет парламентским соглашением (иногда необходимым для социал-демократов в *парламентской* стране), есть в современной России, в сентябре 1905 г., презреннейшая игра в парламентаризм. Предатели революции ставят теперь на первый план соглашение между освобожденцами и революционерами. Сторонники революции — соглашение между социал-демократами и всеми революционными демократами, т. е. сторонниками восстания. Если новая «Искра», Парвус и Плеханов* заключат *теперь* «парламентское» соглашение с освобожденцами, то мы заявим публично, что эти социал-демократы потеряли всякое чутьё действительности и должны быть выброшены за борт. Мы заключим тогда соглашение с революционными демократами на почве совместной агитации за восстание, подготовки и проведения его.

* *Примечание:* Мы упоминаем Плеханова, ибо он заявил печатно, что тактика «Искры» лучше тактики «Пролетария». Правда, Плеханов при этом *ни словечка не сказал о резолюциях новоискровцев* и III съезда, но увёртки и увиливания социал-демократического писателя есть обстоятельство, усиливающее, а не смягчающее его вину.

Мы уже показали разбором новоискровских резолюций (Ленин: «Две тактики»), что «Искра» опускается до либерального помещика, а «Пролетарий» поднимает и встряхивает революционного крестьянина.

«Необходимо, чтобы каждая партия организовывала свой избирательный комитет для ведения выборов по всей стране. Необходимо, чтобы они согласились бы между собой относительно практических мер к расширению свободы слова, сходок и прочее во время выборов. Необходимо, чтобы они связали себя общей политической ответственностью (слушайте, слушайте, товарищи рабочие! Новоискровцы хотят связать вас с Петрункевичами! Долой Петрункевичей и долой новоискровцев!) так, что если официальный представитель какой-нибудь политической партии, как таковой, подвергается полицейскому преследованию

или судебному взысканию, то чтобы представители всех других (!) партий заявили себя солидарными с ним и чтобы все вместе организовали (!) народный (??) протест и, если возможно (слушайте!), народное восстание для его защиты».

Скатертью дорога, любезный Парвус! Организуйте протесты и восстание с Петрункевичами (демократ) и Стаховичами (либерал), — наши дороги разошлись. Мы будем *это* делать с революционными демократами. Только измените уже кстати и свои лозунги, почтеннейшие герои «парламентских соглашений»: — вместо лозунга: «восстание необходимо» скажите: «восстание, если возможно, должно дополнить протесты». Тогда все освобожденцы с вами согласятся! Вместо лозунга: «всеобщее, равное, прямое и тайное голосование» выставьте такой: «правительство должно обеспечить голосование, *если возможно*, прямое, равное, всеобщее и тайное». Скатертью дорога, господа! Мы будем терпеливо ждать, когда Парвус, Петрункевич, Стахович и Мартов «организуют народный протест и, *если возможно*, народное восстание» для защиты Милюкова. Ведь это гораздо своевременнее, господа, в нашу «почти-парламентскую» эпоху: защищать г. Милюкова, чем сотни и тысячи арестуемых и избиваемых рабочих!..

Парвус заявляет категорически: «у нас нет никаких шансов провести самостоятельно своих представителей в Думу». И, тем не менее, он пишет: «Если избирательные комитеты окажутся неосуществимыми, то нам всё же нужно употребить все усилия, чтобы выставить собственные кандидатуры». Несмотря на ценз, полагает Парвус, «в отдельных случаях возможность социал-демократических кандидатур не исключена». «Одна, две социал-демократических кандидатуры, где бы то ни было, станут политическим лозунгом для всей страны».

Благодарим хоть за ясность. Только за чем же дело стало, господа? Газета «Русь» давно выставила свои кандидатуры, всех этих Стаховичей, Петрункевичей и прочих предателей революции, обивающих пороги господ Дурново. Что же молчит газета «Искра»? Почему от слов не переходит к делу? не выставляет кандидатур Аксельрода, Старовера, Парвуса и Мартова в Государственную думу? Попробуйте, господа, сделайте опыт, *experimentum in corpore vili* (опыт на малоценном

организме. *Ред.*). Попробуйте, и мы увидим сразу, кто из нас прав: вы ли правы, думая, что эти кандидаты станут «лозунгом для всей страны», или мы, думая, что эти кандидаты сыграют в настоящее время роль гороховых шутов?

Парвус пишет: «Правительство дало кучке людей избирательные права в учреждение, которое должно бы заведовать делами всего народа. Это налагает на искусственно подобранных избирателей обязанность использовать своё исключительное право не по личному» (а по классовому и партийному?) «произволу, а считаясь с мнением народных масс. Напомнить им об этой обязанности, заставить (!) их её выполнить — наша задача, для проведения которой мы не должны останавливаться ни перед какими средствами».

Это рассуждение, естественно дополняемое уверением, что тактика (активного) бойкота выражает неверие в «революционные силы страны» (*sic!*), ошибочно в корне. Это — образец сентиментально-буржуазной постановки вопроса, против которой должны ополчиться все социал-демократы. Рассуждение Парвуса буржуазное, ибо он не видит классовой сущности Думы — соглашения буржуазии с самодержавием. Рассуждение Парвуса — пустая сентиментальная фраза, ибо он хоть на минуту берёт всерьёз лживые слова освобожденцев об их желании «считаться с мнением народных масс». Опоздал почтенный Парвус года на три. Когда у либералов не было ни органа, ни нелегальной организации, а у нас было и то и другое, мы помогали их политическому развитию. И этой заслуги не вычеркнет история из деятельности социал-демократии. Но теперь либералы из младенцев политики стали главными дельцами её, показали на деле своё предательство революции. *Теперь* обращать главное внимание не на изобличение в предательстве буржуазных «соглашателей», а на напоминание им «обязанности» ведать дела (*не буржуазии, а*) всего народа — значит превращаться в прихвостня освобожденцев! Только освобожденцы и могут всерьёз искать выражения «революционных сил страны» в Государственной думе. Социал-демократия знает, что самое лучшее, чего мы можем теперь достигнуть, это — нейтрализация, парализование предательских усилий буржуазии. Земцы и освобожденцы — не «революционная сила страны», стыдно

не знать этого, товарищ Парвус. Революционная сила теперь, в демократической революции, только пролетариат и борющееся с помещиками крестьянство.

Перлом из перлов в замечательной статье Парвуса является формулировка *условий* поддержки освобожденцев пролетариатом. «Необходимо, — пишет Парвус, — кандидатов оппозиции, которые захотят пользоваться нашей поддержкой, обязать на определённые политические требования». (Это не русский язык, а плохой перевод с немецкого, но смысл всё же ясен.) «Таковыми могут, например, быть: 1) требовать в самой Думе её немедленного распускания и созыва учредительного собрания на основе всеобщего и т. д. избирательного права; 2) отказ правительству во всех военных и финансовых средствах, пока это требование не будет исполнено».

Со ступеньки на ступеньку. Кто поскользнулся раз и оказался на наклонной плоскости, тот катится вниз безудержно. Наши стоящие вне обеих частей партии сверхчеловеки, вроде Парвуса и Плеханова, величественно игнорируют те самые резолюции новоискровцев, за которые они морально и политически ответственны. Эти сверхчеловеки воображают себя выше и «большинства» и «меньшинства»: на самом деле они *ниже* и того и другого, ибо ко всем недостаткам большинства они сумели присоединить все недостатки меньшинства и *все недостатки перебежчика*.

Возьмите Парвуса. Он всё время шёл об руку с «Искрой», даже тогда, когда план земской кампании и девятое января открыли ему, не надолго, глаза на её оппортунистическую позицию. Но тем не менее Парвус хотел считаться «примиренцем», — должно быть, на том основании, что когда он стал выдвигать после 9 января лозунги временного правительства, его приходилось поправлять большевикам и указывать на элементы фразы в его лозунгах. Без царя и правительство рабочее! кричал Парвус под впечатлением 9-го января. Без народа и Дума либеральная! вот к чему сводится его теперешняя «тактика» после 6-го августа. Нет, товарищ, на настроении минуты, на раболепстве перед минутой мы не будем строить своей тактики!

Парвус сочинил теперь «новые» *условия* для либералов. Бедные новоискровцы, как они устали, сочиняя «условия» соглашения с освобожденцами! Старовер на II съезде (см. его резолюцию,

отменённую III съездом) сочинил одни условия, которые сразу полетели к чёрту, ибо ни в плане земской кампании, ни теперь этих условий полностью не выставлял никто из новоискровцев, писавших о «соглашении» с освобожденцами. Конференция новоискровцев выставила другие, более строгие условия в резолюции об отношениях к либералам. Новоискровец Парвус отвечает морально за эту резолюцию, — но какое дело литераторам-сверхчеловекам до каких-то резолюций, вырабатывавшихся при участии ответственных представителей пролетариата! Сверхчеловеки плюют на партийные резолюции!

В резолюции новоискровцев об отношении к *оппозиционным* партиям чёрным по белому написано, что социал-демократия «требует от всех врагов царизма»:

«1) Энергичной и недвусмысленной поддержки всякого решительного действия организованного пролетариата, направленного к нанесению новых ударов царизму».

Парвус предлагает «соглашение» с освобожденцами и обещание им своей «поддержки», ничего подобного не требуя.

«2) Открытого признания и безоговорочной поддержки требования всенародного учредительного собрания на основе всеобщей и т. д. подачи голосов *и открытого выступления против всех тех партий и групп, которые стремятся урезать права народа* путём ли ограничения избирательного права, или же путём подмены учредительного собрания пожалованной монархической конституцией».

Всей второй части этих условий Парвус не признаёт. Он даже оставляет совершенно в тени вопрос о том, от кого должны освобожденцы в Думе «требовать созыва» учредительного собрания. От царя, конечно? Почему же не самим созвать его? а, почтеннейшие герои «парламентских соглашений»? Или вы уже теперь не против «*пожалования*»?

«3) Решительной поддержки борьбы рабочего класса с правительством и магнатами капитала за свободу стачек и союзов».

От этого «условия» Парвус освобождает, должно быть, освобожденцев по случаю созыва Думы и вреда тактики — «чем хуже, тем лучше» (хотя тут же рядом Парвус уверяет, в насмешку над читателем, что если бы Дума имела законодательные права, то это было бы хуже, т. е. что один шаг к лучшему и именно тот, которого добиваются освобожденцы, есть шаг к худшему!!).

«4) Открытого противодействия всем попыткам правительства и дворянских феодалов варварскими мерами насилия против личности и имущества крестьян подавить крестьянское революционное движение».

Добрый Парвус, зачем забыли вы это условие? Неужели вы не согласны теперь предъявить это прекрасное требование Петрункевичу? Стаховичу? Родичеву? Милюкову? Струве?

«5) Отказа от поддержки всяких мер, имеющих целью сохранение в свободной России каких бы то ни было ограничений в правах отдельных национальностей и каких бы то ни было следов национального угнетения;

и 6) активного участия в деле народного самовооружения для борьбы с реакцией и поддержки социал-демократии в её попытках организации вооружённой массовой борьбы».

Добрый Парвус, зачем забыли вы эти условия?

«Пролетарий» № 18, 26 (13) сентября 1905 г.

Печатается по рукописи,

сверенной с текстом газеты «Пролетарий»

Вычитал: Воробьёв Евгений Валентинович, слесарь

Проверил: Садовский Андрей Андреевич, инженер

СОЦИАЛИЗМ И КРЕСТЬЯНСТВО

Революция, переживаемая Россией, есть революция общенародная. Интересы всего народа пришли в непримиримое противоречие с интересами кучки лиц, составляющих самодержавное правительство и поддерживающих его. Самоё существование современного общества, построенного на основе товарного хозяйства, при громадном различии и противоречии интересов разных классов и групп населения, требует уничтожения самодержавия, политической свободы, открытого и непосредственного выражения интересов господствующих классов в устройстве и управления государством. Демократический переворот, буржуазный по своей общественно-экономической сущности, не может не выражать нужды всего буржуазного общества.

Но само это общество, ныне кажущееся единым и цельным в борьбе против самодержавия, расколото бесповоротно пропастью между капиталом и трудом. Народ, восставший против самодержавия, — не единый народ. Собственники и наёмные рабочие, незначительное число («верхние десять тысяч») богачей — и десятки миллионов неимущих и трудящихся, это, поистине, «две нации», как сказал один дальновидный англичанин ещё в первой половине XIX века. Борьба между пролетариатом и буржуазией стоит на очереди дня во всей Европе. Эта борьба давно перекинулась уже и в Россию. В современной России не две борющиеся силы заполняют содержание революции, а две различных и разнородных социальных войны: одна в недрах современного самодержавно-крепостнического строя, другая в недрах будущего, уже рождающегося на наших глазах буржуазно-демократического строя. Одна — общенародная борьба за свободу (за свободу буржуазного общества), за демократию, т. е. за самодержавие народа,

другая — классовая борьба пролетариата с буржуазией за социалистическое устройство общества.

На социалистов ложится, таким образом, тяжёлая и трудная задача — вести одновременно две войны, совершенно различных и по характеру, и по целям, и по составу социальных сил, способных к решительному участию в той или другой войне. Эту трудную задачу ясно поставила и твёрдо решила социал-демократия, благодаря тому, что она в основу всей своей программы положила научный социализм, т. е. марксизм, благодаря тому, что она вошла, как один из отрядов, в армию всемирной социал-демократии, которая проверила, подтвердила, разъяснила и развила детальнее положения марксизма на опыте длинного ряда демократических и социалистических движений самых различных европейских стран.

Революционная социал-демократия издавна показывала и показала буржуазный характер русского демократизма, начиная с либерально-народнического и кончая «освобожденским» формулированием его. Она всегда показывала неизбежную половинчатость, ограниченность, узость буржуазного демократизма. Она поставила перед социалистическим пролетариатом в эпоху демократической революции задачу: привлечь на свою сторону массу крестьянства и, парализуя неустойчивость буржуазии, сломить и раздавить самодержавие. Решительная победа демократической революции возможна лишь в виде революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Но чем скорее и полнее осуществится эта победа, тем быстрее и глубже развернутся новые противоречия и новая классовая борьба на поприще вполне демократизированного буржуазного строя. Чем цельнее осуществим мы демократический переворот, тем ближе окажемся мы лицом к лицу с задачами социалистического переворота, тем резче и острее будет борьба пролетариата против самых основ буржуазного общества.

Против всякого уклонения от этой постановки революционно-демократических и социалистических задач пролетариата социал-демократия должна вести неуклонную борьбу. Нелепо игнорировать демократический, т. е. буржуазный в основе своей, характер теперешней революции, нелепо ставить поэтому такие лозунги, как образование революционных коммун. Нелепо и реакционно

принижать задачи участия, и притом руководящего участия, пролетариата в демократической революции, чураясь хотя бы лозунга революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Нелепо смешивать задачи и условия демократической и социалистической революции, которые разнородны, повторяем, и по характеру, и по составу участвующих в них социальных сил.

Вот на этой последней ошибке мы и намерены теперь остановиться подробно. Незрелость классовых противоречий в народе вообще, в крестьянстве особенно, есть неизбежное явление в эпоху демократической революции, создающей впервые основы для действительно широкого развития капитализма. А эта незрелость экономики вызывает переживание и воскрешение в той или иной форме отсталых форм социализма, который является мелкобуржуазным социализмом, ибо идеализирует преобразования, не выходящие из рамок мелкобуржуазных отношений. Масса крестьян не сознаёт и не может сознавать того, что самая полная «воля» и самое «справедливое» распределение хотя бы даже и всей земли не только не уничтожит капитализма, а, напротив, создаст условия для особенно широкого и могучего его развития. И в то время, как социал-демократия выделяет и поддерживает только революционно-демократическое содержание этих мужицких стремлений, мелкобуржуазный социализм возводит в теорию крестьянскую бессознательность, смешивая или сливая воедино условия и задачи действительного демократического и сфантазированного социалистического переворота.

Самым наглядным выражением этой неясной мелкобуржуазной идеологии является программа, — вернее, проект программы «социалистов-революционеров», которые тем раньше поспешили провозгласить себя партией, чем меньше развиты были у них формы и предпосылки партийности. Разбирая их проект программы, мы уже имели случай показать, что корень воззрений социалистов-революционеров есть старое русское народничество. Но так как всё экономическое развитие России, весь ход русской революции беспощадно и безжалостно вырывает ежедневно и ежечасно почву из-под устоев чистого народничества, то воззрения социалистов-революционеров неизбежно становятся эклектическими. Прорехи народничества они стараются поправить заплатами модной оппортунистической «критики»

марксизма, но ветхое одеяние не становится от этого прочнее. В общем и целом, их программа есть нечто абсолютно безжизненное, внутренне-противоречивое, выражающее лишь в истории русского социализма один из этапов на пути от крепостной к буржуазной России, на пути «от народничества к марксизму». Под это определение, типичное для целого ряда более или менее мелких ручейков современной революционной мысли, подходит и новейший проект аграрной программы Польской социалистической партии (ППС), напечатанный в № 6–8 «Przedswit».

Проект разделяет аграрную программу на две части. Часть I излагает «реформы, для проведения которых общественные условия уже созрели»; часть II — «формулирует увенчание и интеграцию аграрных реформ, изложенных в I части». Часть I, в свою очередь, подразделяется на три отдела: А) охрана труда — требования в пользу сельскохозяйственного пролетариата; Б) аграрные реформы (в тесном смысле, или, так сказать, крестьянские требования) и В) охрана сельского населения (самоуправление и т. д.).

Шагом к марксизму является в этой программе попытка отделить нечто вроде программы-минимум от программы-максимум, — затем совершенно самостоятельная постановка требований чисто пролетарского характера, — далее, признание в мотивах к программе того, что совершенно недопустимо для социалиста «льстить собственническим инстинктам крестьянских масс». Собственно говоря, если бы вполне продумать истину, заключающуюся в этом последнем положении, и развить её последовательно до конца, то неизбежно получилась бы строго марксистская программа. Но в том-то и беда, что ППС не является выдержанно-пролетарской партией, черпая свои идеи столь же охотно из кладезя оппортунистической критики марксизма. «Вследствие недоказанной тенденции земельной собственности к концентрации, — читаем мы в мотивах программы, — невозможно выступать на защиту этой формы хозяйства с полной искренностью и уверенностью и убедить крестьянина в неизбежности исчезновения мелких хозяйств».

Это — не что иное, как отголосок буржуазной политической экономии. Буржуазные экономисты всеми силами стараются внушить мелкому крестьянину идею совместимости капитализма с благосостоянием мелкого земледельца-собственника.

Они заслоняют поэтому общий вопрос о товарном хозяйстве, о гнёте капитала, об упадке и принижении мелкого крестьянского хозяйства частным вопросом о концентрации земельной собственности. Они закрывают глаза на то, что крупное производство в специальных торговых отраслях земледелия развивается и на мелкой, и на средней земельной собственности, что эта собственность разлагается и в силу роста аренды, и под гнётом ипотек, и под давлением ростовщичества. Они оставляют в тени неоспоримый факт технического превосходства крупного хозяйства в земледелии и принижение условий жизни крестьянина в его борьбе с капитализмом. В словах ППС нет ничего, кроме повторения этих буржуазных предрассудков, воскрешаемых современными Давидами.

Неустойчивость теоретических воззрений сказывается и на практической программе. Возьмите часть I — аграрные реформы в тесном смысле. С одной стороны, вы прочтёте пункт 5) «Упразднение всяких ограничений при покупке надельных земель и 6) упразднение шарварков и подвод (натуральные повинности)». Это — чисто марксистские минимальные требования. Выставляя их (особенно п. 5), ППС делает шаг вперёд по сравнению с нашими социалистами-революционерами, которые вместе с «Московскими Ведомостями» питают слабость к пресловутой «неотчуждаемости наделов». Выставляя их, ППС вплотную подходит к идее марксизма о борьбе с остатками крепостничества, как основе и содержанию теперешнего крестьянского движения. Но, подходя к этой идее, ППС далека от полного и сознательного принятия её.

Главные пункты рассматриваемой нами программы-минимум гласят: «1) национализация имений удельных, государственных и принадлежащих духовенству путём конфискации; 2) национализация крупной земельной собственности при отсутствии прямых наследников; 3) национализация лесов, рек и озёр». Эти требования страдают всеми недостатками программы, выдвигающей для данного времени требование национализации земли на первый план. Пока нет налицо полной политической свободы и самодержавия народа, пока нет демократической республики, выставлять требование национализации преждевременно и неразумно, ибо национализация есть переход в руки

государства, а теперешнее государство есть полицейское и классовое, завтрашнее государство будет во всяком случае классовое. В качестве же лозунга, ведущего вперёд в направлении демократизации, это требование особенно непригодно, ибо центр тяжести оно переносит не на отношения крестьян к помещикам (крестьяне берут помещичьи земли), а на отношения помещиков к государству. Такая постановка вопроса в корне фальшива для такого момента, когда крестьяне революционным путём борются за землю и с помещиками, и с государством помещиков. Революционные крестьянские комитеты для конфискации, как орудие конфискации, — вот единственный лозунг, соответствующий такому моменту идвигающий вперёд классовую борьбу с помещиками в неразрывной связи с революционным разрушением помещичьего государства.

Остальные пункты аграрной программы-минимум в проекте ППС следующие: «4) ограничение права собственности, поскольку оно становится помехой для всяких земледельческих улучшений (мелиорации), если эти улучшения будут признаны необходимыми большинством заинтересованных; ...7) национализация страхования хлебов от пожара и градобития, а скота от эпизоотии; 8) законодательное содействие со стороны государства образованию земледельческих артелей и коопераций; 9) агрономические школы».

Эти пункты вполне в духе социалистов-революционеров или (что то же) вполне в духе буржуазного реформаторства. Революционного в них нет ничего. Они, конечно, прогрессивны, спора нет, но прогрессивны в интересах собственников. Выставлять их со стороны социалиста значит именно льстить собственническим инстинктам. Выставлять их — то же самое, что требовать содействия государства трестам, картелям, синдикатам, обществам промышленников, которые не менее «прогрессивны», чем кооперации, страхования и проч. в земледелии. Это всё — капиталистический прогресс. Заботиться о нём не наше дело, а дело хозяев, предпринимателей. Пролетарский социализм, в отличие от мелкобуржуазного, предоставляет графам де-Рокины, помещикам-земцам и т. п. заботу о кооперациях хозяев и хозяйчиков, а сам заботится всецело и исключительно о кооперации *наёмных рабочих* в целях *борьбы с хозяевами*.

Посмотрите теперь на часть II программы. Она состоит из одного следующего пункта: «Национализация крупной земельной собственности путём конфискации. Пахотные земли и луга, таким образом приобретённые народом, должны быть разделены на наделы и переданы безземельным и малоземельным крестьянам в долготлетнюю обеспеченную аренду».

Нечего сказать, хорошо «увенчание»! Партия, называющая себя социалистической, в виде «увенчания и интеграции аграрных реформ», предлагает вовсе не социалистическое устройство общества, а нелепую мелкобуржуазную утопию. Перед нами самый наглядный образец полного смешения демократического и социалистического переворотов, полного непонимания их разнородных целей. Переход земли от помещиков к крестьянам может быть — и везде в Европе был — составной частью демократического переворота, одним из этапов буржуазной революции, но называть его увенчанием или доведением до конца могут только буржуазные радикалы. Перераспределение земли между теми или иными разрядами собственников, теми или иными классами хозяев может быть выгодно и необходимо в интересах победы демократии, в интересах полного вытравления следов крепостничества, повышения жизненного уровня массы, ускорения развития капитализма и т. д., — самая решительная поддержка подобной меры может быть обязательна для социалистического пролетариата в эпоху демократической революции, но «увенчанием и доведением до конца» может быть только *социалистическое*, а не мелкое крестьянское производство. «Обеспечение» мелкокрестьянской аренды при сохранении товарного хозяйства и капитализма есть реакционная мелкобуржуазная утопия и ничего более.

Мы видим теперь, что основная ошибка ППС не ей одной свойственна, не единична, не случайна. Она выражает в более ясной и отчётливой форме (чем пресловутая «социализация» социалистов-революционеров, которой не понимают сами социалисты-революционеры) *коренную* ошибку всего русского народничества, *всего* русского буржуазного либерализма и радикализма в аграрном вопросе, вплоть до того, который выразился в прениях на последнем (сентябрьском) съезде земцев в Москве.

Эту коренную ошибку можно выразить так:

В постановке ближайших целей программа ППС не революционна. В своих конечных целях она не социалистична.

Или иначе: непонимание различия между демократическим и социалистическим переворотом ведёт к тому, что в демократических задачах не выражается их действительно революционная сторона, а в социалистические задачи вносится вся неясность буржуазно-демократического мирозерцания. Получается лозунг для демократа — недостаточно революционный, для социалиста — непростительно путаный.

Наоборот, программа социал-демократии удовлетворяет всем требованиям и поддержки истинно революционного демократизма, и выставления ясной социалистической цели. В теперешнем крестьянском движении мы видим борьбу с крепостничеством, борьбу с помещиками и с помещичьим государством. Эту борьбу мы поддерживаем до конца. Для такой поддержки единственный верный лозунг: конфискация путём революционных крестьянских комитетов. Как быть с конфискованными землями, — это вопрос второстепенный. Его не мы будем решать, а крестьяне. При решении его начнётся именно борьба между пролетариатом и буржуазией в крестьянстве. Вот почему мы либо оставляем этот вопрос открытым (что так не нравится мелкобуржуазным прожекторам), либо даём от себя лишь указание *начала* пути в виде отобразания отрезков (в чём мало думающие люди видят преграду движению, вопреки многочисленным разъяснениям социал-демократии).

Для того, чтобы аграрная реформа, неизбежная в современной России, сыграла революционно-демократическую роль, есть только одно средство: совершение её революционной инициативой самих крестьян, вопреки помещикам и бюрократии, вопреки государству, т. е. совершение революционным путём. Самое худшее распределение земли после *такого* преобразования будет лучше теперешнего со всех точек зрения. И этот путь мы указываем, ставя во главу угла требование революционных крестьянских комитетов.

Но рядом с этим мы говорим сельскому пролетариату: «Самая радикальная победа крестьян, которой ты должен помогать теперь всеми силами, не избавит тебя от нищеты. Для этой цели есть только одна мера: победа всего пролетариата — и промышленного

и сельскохозяйственного — над всей буржуазией, устройство социалистического общества».

Вместе с крестьянами-хозяевами против помещиков и помещичьего государства, вместе с городским пролетариатом против всей буржуазии и всех крестьян-хозяев. Вот лозунг сознательного деревенского пролетариата. И если этот лозунг не сразу примут или даже вовсе не примут хозяйчики, то зато он станет лозунгом рабочих, он будет неминуемо подтверждён всей революцией, он избавит нас от мелкобуржуазных иллюзий, он укажет нам ясно и определённо нашу социалистическую цель.

«Пролетарий» № 20, 10 октября (27 сентября) 1905 г.

***Печатается по тексту газеты «Пролетарий»,
сверенному с рукописью***

Вычитал: Воробьёв Евгений Валентинович, слесарь

Проверил: Садовский Андрей Андреевич, инженер

БУРЖУАЗИЯ СЫТАЯ И БУРЖУАЗИЯ АЛЧУЩАЯ

Газета «Le Temps» — один из самых влиятельных органов консервативной французской буржуазии. Против социализма она ведёт самую отчаянную кампанию, и редкий день вы не увидите на её столбцах имён Маркса, Бебеля, Геда, Жореса с самыми озлобленными комментариями и выходками. Без дрожи бешенства «Le Temps» не может говорить о социализме.

За русским «кризисом», как выражаются благонамеренные европейцы, эта газета следит самым внимательным образом, никогда не оставляя без своих назидательных советов la nation amie et alliee — «нацию дружественную и связанную союзом». Так и теперь она посвящает передовицу последнему съезду земцев. Она вспоминает предыдущий июльский съезд и даже задним числом не может удержаться от выражения своего недовольства. Это было, видите ли, «зрелище абсолютного беспорядка мыслей и полнейшей неопределённости намерений»: проект Булыгина был известен уже, и тем не менее делегаты ограничились «горячими речами», не сумев решить вопроса, бойкотировать или участвовать. Орган французской правящей буржуазии даже напоминает земцам в раздражении, что у них не было мандатов!

Зато теперь, как радостно улыбается сытый политической властью буржуа! как любезно спешит он позвать благородную десницу своего собрата, который ещё только алчет политической власти, но уже доказывает свою «зрелость»! Бойкот отвергнут, и про неимение мандатов уже не упоминается. «Решение земцев, — говорит «Le Temps», — делает им честь. Оно доказывает, что политическое воспитание наиболее просвещённых элементов русского народа прогрессирует и что они отказываются

от туманных планов политического фокусничества, вступая мужественно на путь необходимой эволюции».

Буржуа, сытый политической властью и выдавший виды по части того, к чему приводят действительные победы народа, рабочих и крестьян в революциях, ни минуты не колеблется объявить сентябрьский съезд либеральных помещиков и купцов победой эволюции над революцией.

Он хвалит «умеренность» съезда. Он указывает, с явным удовлетворением, на провал резолюции о «раздроблении земель» и об избирательных правах женщин. «Мудрость и умеренность этих решений показывают ясно, что мнения крайних партий не взяли верха на этом съезде. Программа, на которой они все сошлись, достаточно демократична, чтобы *обезоружить революционеров*. А так как земский съезд ждёт осуществления своих проектов исключительно от употребления законных средств, то его программа может присоединить и тех реформистов, чьи личные споры не отделят от членов земского съезда».

Буржуа сытый поощрительно похлопывает по плечу буржуа алчущего: выставить программу, «достаточно демократичную», чтобы пустить пыль в глаза, чтобы *обезоружить революционеров*, и встать на легальный путь, — сиречь, говоря простым и прямым русским языком, сторговаться с Треповыми-Романовыми, вот истинная государственная мудрость.

А что надежды проницательного буржуа на простоватых революционеров не совсем неосновательны, это доказали наши мудрецы из новой «Искры». Они, отпустив повода, ринулись в ловушку, наперерыв предлагая взимать демократические обязательства с умеренных буржуа, которые всей душой готовы теперь обещать что угодно и обязаться на что угодно. Не только в борьбе между враждебными партиями, но и в борьбе внутри социалистических партий, (как мы после II съезда убедились на опыте) все обещания летят к чёрту, раз затронуты сколько-нибудь существенные интересы борющихся. The promises like pie-crust are leaven to be broken, говорит английская пословица. «Обещания, что корка от пирога: их на то и пекут, чтобы ломать потом».

К чему свелась искровская тактика по поводу Думы? Именно к идейному и тактическому *обезоружению революционеров*. Мудрецы из оппортунистической «Искры» работали над этим

обезоружением, разнося идею активного бойкота, подменивая (совершенно в духе «Нового Времени» и почти теми же словами) активный бойкот пассивным, проповедуя доверие и доверчивость к обнимающимся вместе Милюковым и Стаховичам, *заменяя* революционный лозунг восстания освобожденской буржуазной размазней вроде «революционного самоуправления граждан».

Только слепые могут ещё теперь не видеть, в какое болото залезла «Искра». В нелегальной печати она совершенно одинока, на её стороне стоит *только* «Освобождение». Бунд, которого даже Мартов с Аксельродом не заподозрят в симпатии к «вперёдovскому арсеналу», решительно встал за активный бойкот. В легальной печати все прохвосты и все умеренные либералы объединились в борьбе с радикальными буржуа, высказавшими сочувствие бойкоту и настроенными наиболее дружелюбно по отношению к крестьянству.

Ну, разве же неправду сказал Ленин в своих «Двух тактиках», разбирая новоискровские резолюции, что «*Искра*» *опускается до либеральных помещиков*, в то время как «Пролетарий» старается поднять революционных крестьян?

Мы упомянули «Новое Время». Не только этот орган-рептилия, но и «Московские Ведомости» ведут отчаянную борьбу против идеи бойкота, показывая этим всем и каждому реальное политическое значение Думы. Вот для образчика одна характерная выходка «Нового Времени», на которой мы тем охотнее остановимся, что она проливает новый свет на всю бездну буржуазной подлости даже такого «почтенного» либерального органа, как «Русские Ведомости».

Известный берлинский корреспондент этой последней газеты, г. Иоллос, останавливается в № 247 на Иенском съезде. Мещанская душа прежде всего восхищается тем, что нашёлся вот добрый и справедливый буржуа-либерал богатый Аббе, который подарил городу Иене народный дом для свободных собраний всех партий, даже социал-демократов в том числе. И г. Иоллос подводит свою мораль: «можно принести пользу народу и вне известных партийных рамок». Это правда, конечно. Но что сказать о писателе, который в эпоху отчаянной партийной борьбы в России принимается хвалить беспартийность? Неужели не понимает г. Иоллос, что он совершает этим величайшую политическую бестактность,

играя на руку нововременству? Истинный смысл этого мещанского восторга пред беспартийностью выяснится, однако, читателю из следующей фразы г. Иоллоса:

«Не говорю уже о том, что бывают политические условия, при которых полезно на время *спрятать в карман конечные цели* и помнить о ближайших задачах, общих у социализма и либерализма».

Вот это откровенно! Спасибо хоть за ясность, г. Иоллос! Нам остаётся только пользоваться такими заявлениями всегда и при всяком случае, при всех выступлениях перед рабочими, чтобы показывать *буржуазный* характер русского либерализма, чтобы разъяснять рабочим необходимость *самостоятельной* партии пролетариата, неуклонно враждебной буржуазии, хотя бы и самой либеральной.

Но все эти тирады нашего «демократа» только цветочки. Ягодки будут впереди. Г. Иоллос не ограничивается советом пролетариату «на время спрятать в карман конечные цели», т. е. отказаться от социализма, нет, он советует кроме того отказаться от доведения теперешней политической революции до конца. Г. Иоллос цитирует речь Бебеля и выдвигает на первый план то место этой речи, где Бебель выражает сомнение, чтобы нам удалось «так скоро» превратить Россию в культурное государство, заявляя в то же время, что старый, самодержавный режим больше не вернётся, «что старая Россия больше невозможна». По поводу этого места г. Иоллос пишет:

«Я не считаю Бебеля авторитетом в русских делах, но должен заметить, что в этой части своей речи он выгодно отличается от Каутского и некоторых других доктринёров, рекомендующих Revolution in Permanenz (непрерывную революцию). Как умный человек и политик, знающий, какие конкретные формы принимает в жизни народа состояние постоянной анархии, Бебель видит успех прежде всего в осуществлении задач культуры, и из его слов совершенно ясно вытекает, что он не проводит демаркационных линий и уже наверное не воздвигает стен между русской интеллигенцией и русским пролетариатом, по крайней мере до осуществления элементарных прав человека».

Во-первых, это *клевета на Бебеля*, клевета, чисто нововременская. Бебель всегда и безусловно проводит «демаркационную линию» между буржуазным и пролетарским демократизмом; г. Иоллос не может не знать этого. Бебель ограничивает самым

решительным образом интеллигенцию буржуазную и интеллигенцию социал-демократическую. Уверять русского читателя, будто Бебель, борясь за «культуру», оставляет хоть когда-нибудь в тени лживость и предательство буржуазной демократии, с одной стороны, социалистические цели рабочего класса, с другой, — значит возводить величайшую ложь на вождя революционной германской социал-демократии.

Во-вторых, из речи Бебеля абсолютно не вытекает, чтобы он иначе смотрел на русскую революцию, чем Каутский. «Выгодное отличие» Бебеля от Каутского в этом отношении есть вымысел г-на Иоллоса, который вырывает и извращает один кусочек из речи Бебеля, умалчивая о целом ряде его заявлений всецело в пользу русской революции и её решительной победы.

В-третьих, — и в этом заключается для нас самая интересная особенность позиции *«Русских Ведомостей»*, — г. Иоллос показывает своей выходкой, что он именно *боится* решительной победы революции в России. «Постоянную революцию» г. Иоллос называет «постоянной анархией». Сказать это значит назвать революцию крамолой, сказать это значит сделаться *предателем революции*. И пусть не говорят нам дипломаты «Освобождения», любящие уверять, будто у них нет врагов слева, что это случайная обмолвка «Русских Ведомостей». Неправда. Это — выражение самых глубоких чувств и самых коренных интересов либерального помещика и либерального фабриканта. Это то же самое, что фраза г. Виноградова, призывающего к борьбе против вступления русской революции на путь 1789 года. Это то же самое, что холопство г. Трубецкого, говорившего царю о своём несочувствии крамоле. Это не случайность. Это — единственно правдивая формулировка словами бесчисленных позорных дел наших буржуазных демократов, которых *утомляет* «постоянная анархия», которые начинают жаждать *спокойствия и порядка*, которые уже *устали бороться* (хотя они никогда и не боролись), которые *уже отшатываются* от революции при одном только виде того, что рабочие и крестьяне действительно поднимаются на действительную борьбу, желая сражаться, а не только быть сражаемыми. Демократы-буржуа готовы прикрыть один глазок на бесчинства Треповых, на бойню безоружных, их пугает не эта, а другая «анархия», когда у власти будут не Трепов и не Петрункевич с Родичевым,

когда крестьянское и рабочее восстание *победит*. Демократы-буржуа именно потому и идут так охотно в Думу, что они видят в ней залог предательства революции, залог предупреждения полной победы революции, — этой ужасной «постоянной анархии».

Что это значение либеральной психологии мы показали верно, тому порукой «Новое Время». Эти травлённые лакеи Треповых сразу подметили всю подлость «Русских Ведомостей» и поспешили душевно обнять своих братьев. В номере от 13 (26) сентября «Новое Время» сочувственно цитирует как раз эту неправду г. Иоллоса о «выгодном отличии» Бебеля от Каутского, замечая от себя:

«Таким образом, нашим радикалам-«абсентеистам» придётся и Бебеля исключить из числа своих союзников».

Вывод вполне законный. Профессиональные предатели «Нового Времени» верно оценили суть и смысл «обмолвки» «Русских Ведомостей». Мало того. «Новое Время», искушённое в политике, сейчас же сделало вывод *применительно к Думе*. Хотя г. Иоллос ни слова не сказал о взгляде Бебеля на бойкот, но «Новое Время» обозвало «абсентеистами» именно сторонников бойкота. «Новое Время» дополнило клевету на Бебеля клеветой на «радикалов», выразив, однако, ту совершенно правильную мысль, что именно идея полной победы революции, идея непрерывной революции руководит тактикой «радикалов-абсентеистов», тогда как боязнь «постоянной анархии» руководит идущими в Думу либералами. «Новое Время» право. Лакей Трепова имел полное основание поймать г. Иоллоса на месте и сказать ему: если не хочешь «постоянной анархии», значит, ты мой союзник, и никакое демократическое краснбайство не разубедит меня в этом. Наша ссора — маленькая семейная ссора, но против «доктринёров», сторонников «постоянной анархии», мы будем заодно!

Не поймёт ли «Искра» хоть теперь, что когда она упрекала сторонников бойкота в воздержании, *т. е. в абсентеизме*, то она говорила по-нововременски? Не поймёт ли она, что это совпадение её лозунгов с нововременскими доказывает какую-то глубокую фальшь в её позиции?

Сытая европейская буржуазия хвалит за умеренность алчущую власти российскую буржуазию. Лакеи Трепова хвалят г. Иоллоса

из «Русских Ведомостей» за порицание идеи «постоянной анархии». Нововременцы и новоискровцы смеются над «абсентеизмом»...

***«Пролетарий» № 20, 10 октября (27 сентября) 1905 г.
Печатается по тексту газеты «Пролетарий»,
сверенному с рукописью***

*Вычитал: Воробьёв Евгений Валентинович, слесарь
Проверила: Богатырёва Екатерина Владимировна,
менеджер по продажам*

НИКАКОЙ ФАЛЬШИ! НАША СИЛА В ЗАЯВЛЕНИИ ПРАВДЫ!

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

«Мы не в силах вызвать восстания... поэтому не для чего его связывать с Думой... лозунг агитации учредительное собрание». Так писал Бунд, и ему недостаточно ответил автор статьи в № 16.

Эти слова Бунда — превосходное отражение *мещанства* в социал-демократии, мещанства в смысле пошлости, золотой середины, бесцветности, общих мест, посредственности (чем всегда был Бунд, игравший роль идейного паразита, как известно, и в 1897–1900 гг., и в 1901–1903 гг., и в 1904 г., и теперь в 1905 г.).

Это — ходячий взгляд, обычная точка зрения, «здоровый смысл» («торжество здравого смысла» в «*Освобождении*» и «просветление»).

Это — величайшая *фальшь*, разоблачение которой имеет важнейшее значение для русской революции — и для сознательного пролетариата, как *единственно* возможного автора *победоносной революции*.

Мы не в силах вызвать восстание, *поэтому* не надо связывать, *поэтому* лозунг не вооружённое восстание, а учредительное собрание.

Это всё равно, что сказать: мы, нагие и сырые, голодные и истерзанные, не в силах подняться из нашего болота, где мы гибнем, на эту гору, где свет и солнце, воздух и все плоды земные. У нас нет лестницы, без которой подъём невозможен. Мы не в силах достать лестницы. Поэтому не надо связывать своей борьбы за подъём с лозунгом добычи (*respective* (или) создания) лестницы. Поэтому наш лозунг должен быть: на гору, на гору, на горе счастье и избавление, воздух и свет, ободрение и подкрепление.

Так как нет лестницы, без которой подняться нельзя, — *поэтому* не надо брать лозунгом добычи лестницы и работать над её изготовкой, — поэтому лозунг должен быть: очутитесь наверху, на горе, на горе счастье и т. д.!

«Слабость всегда спасалась верой в чудеса», говорил Маркс!

Слабость ли пролетариата или *слабость голов* Бунда и новой «Искры» спасается теперь верой в чудеса? — верой в то, чтобы без лестницы попасть на гору? — верой в учредительное собрание без восстания?

Эта вера — вера сумасшедших. Без вооружённого восстания учредительное собрание фантом, фраза, ложь, франкфуртская говорильня.

Обман и фальшь *освобождения*, этой *первой* широкополитической, массово-политической, народной формы *буржуазного лозунга* в России, состоят именно в том, чтобы поддержать эту веру в чудеса, эту ложь. Ибо либеральной буржуазии **нужна** её ложь, для неё это не ложь, а величайшая правда, правда её классовых интересов, правда буржуазной свободы, истина капиталистического равенства, святое святых торгашеского братства.

Это — её (буржуазии) правда, ибо ей нужна не победа народа, не *гора*, а болото для массы, и восседание на плечах черни для тузов и мешков, не победа, а сделка, *соглашение* с врагом, = предательство врагу.

Для буржуазии это не «чудо», а реальность, реальность измены революции, а не победы революции.

...Мы не в силах добыть лестницы... мы не в силах вызвать восстание... Так, господа?

Если так, тогда переделайте *всю* свою пропаганду и агитацию, тогда начните говорить рабочим и всему народу *новые*, переделанные речи, заново построенные, иные речи.

Тогда говорите народу: рабочие Питера, Риги, Варшавы, Одессы, Тифлиса... мы не в силах поднять восстание и победить в восстании. Поэтому нечего нам и думать, нечего и болтать зря о *всенародном учредительном собрании*. Не пачкайте больших слов мелкой увёрткой. Не прикрывайте своей слабости верой в чудеса. Кричите всем и каждому об этой слабости, — сознание есть половина исправления. Ложная фраза, ложное хвастовство есть гибель нравственная, верный залог гибели политической.

Рабочие! Мы слабы вызвать восстание и одержать победу в нём! Поэтому бросьте толки о *всенародном учредительном собрании*, гоните от себя лжецов, говорящих об этом, разблачайте предательство освободителей, «думцев», *кадетов* и прочей мерзости, ибо они *на словах* только хотят всенародного учредительного собрания, а на деле *антинародного*, не учреждающего новое, а подшивающего старое, не дающего вам новое платье, новую жизнь, новое оружие для новой великой борьбы, а только блёстки на ваше старое рубище, только мираж и обман, игрушку вместо оружия, цепи вместо ружья.

Рабочие! Мы слабы для восстания. Не говорите же поэтому и не позволяйте проституткам освобождения, *кадетам* и думцам говорить о *революции*, не позволяйте этим буржуазным негодяям пачкать великое народное понятие их языкоблудством.

Мы слабы? Значит, у нас нет и не может *быть революции*. Это не революция народа, это объегоривание народа Петрунkevичами и сворой либеральных лакеев царя. Это не борьба за свободу, это продажа народной свободы за кресла освободителей. Это не начало новой жизни, а закрепление старой изморы, каторги, старого прозябания и гниения.

Мы не в силах вызвать восстание, товарищи рабочие! Мы не в силах поднять народ до революции! Мы не в силах добиться свободы... Мы только в силах покачнуть врага, а не сбить его, покачнуть так, чтобы рядом с ним сел Петрунkevич. Прочь же все толки о революции, о свободе, о народном представительстве, — кто говорит эти вещи, *не работая на деле* над лестницей, чтобы достать их, над восстанием, чтобы завоевать их, тот лжец и хлыщ, тот обманывает вас.

Мы слабы, товарищи рабочие! За нас только один пролетариат да миллионы крестьян, начавших разрозненную, тёмную, невооружённую, слепую борьбу.

Против нас — вся придворная шайка и все рабочие и крестьяне, одетые в солдатский мундир и...

■ В рукописи фраза не окончена. *Ред.*

Конец. Мы слабы. Слабость спасается верой в чудеса. Это факт — из слов Бунда, из плана «Искры».

Но что факт, господа? Слабость сил пролетариата всей России или слабость голов бундовцев и новоискровцев??

Говорите правду:

1) Нет революции. Есть сделка либеральной буржуазии с царём...

2) Нет борьбы за свободу. Есть продажа народной свободы.

3) Нет борьбы за народное представительство. Есть представительство *денежного мешка*.

Мы слабы... из этого неминуемо вытекает всё предательство *революции*.

Если вы хотите революции, свободы, народного представительства... *вы должны быть сильны*.

С конца

Вы слабы?

Революция есть удел
сильных!

Нам — оставаться
в рубище.

ω) Кто слаб? Силы пролетариата или головы искровцев, бундовцев?

Вы слабы?

Свобода достаётся только
сильным.

Слабые всегда *будут* рабами. Опыт всей истории.

χ) Хотите революции?
Вы **должны** быть сильны!

ξ) Мы должны сказать *правду*: в этом *наша* сила, а *масса, народ, толпа* решит на деле, после борьбы, есть ли сила.

Вы слабы?

Представительство ваше будет идти через ваших рабовладельцев, эксплуататоров.

«Представительство» есть либо завоевание сильного, либо пустая бумажка, обман, *повязка на глаза слабого, чтобы отупить его...*

Есть ли она?
Или мы слабы.

ω) Кто слаб.

Написано в сентябре 1905 г.

Впервые напечатано в 1926 г. в Ленинском сборнике V

Печатается по рукописи

Вычитал: Воробьёв Евгений Валентинович, слесарь

*Проверила: Богатырёва Екатерина Владимировна,
менеджер по продажам*

ФИНАНСЫ РОССИИ

Мы уже неоднократно указывали, что самодержавное правительство всё более и более запутывается со своими делами (или проделками, что будет, пожалуй, вернее) в финансовом отношении. Неизбежность финансового краха становится всё очевиднее. Вот интересное подтверждение этого. Берлинский корреспондент одного из самых влиятельных органов европейских финансовых тузов, лондонского «The Economist» сообщал от 11 октября н. ст.:

«Представитель фирмы Мендельсона был на этой неделе в Петербурге для участия в переговорах между русским правительством и французскими банкирами о новом русском займе, о котором там много уже говорили. Сведения, полученные здесь из аутентичных, по-видимому, источников, определяют сумму этого займа в 75 млн. фунтов стерлингов (около 700 млн. руб.), из которых Франция возьмёт около половины, а остальное будет предложено в Германии, Голландии, Англии и Соединённых Штатах. Утверждают также, что большая часть выпускаемых обязательств (of the issue) должна быть предназначена на покрытие билетов казначейства (?? taking up the Treasury Notes?), помещённых во Франции и Германии во время войны.

Что Россия обращается к денежным рынкам при такой конъюнктуре (at just this juncture), когда все крупные центры испытывают необыкновенно угнетённое состояние (are under unusual pressure), это принимается за яркое свидетельство её финансовых затруднений (straits). Одна из версий состоит в том, что только небольшая часть вышеупомянутой суммы будет предложена на подписку теперь же, остальная же будет реализована (will be raised) впоследствии, вероятно, в начале будущего года. Но это лишь ещё более усиливает неблагоприятное впечатление насчёт нужды России в деньгах. Что в Германии нет никакого

энтузиазма к русскому займу именно в настоящий момент, это ясно само собою. Не только условия здешнего денежного рынка, но ещё более, чем всё это, продолжение политической смуты (turmoil) в России и очевидное ослабление, чтобы не сказать разрушение (breakdown), правительственного авторитета, всё это такие факты, которые оцениваются в Германии столь высоко (are being weighed in a manner), что это является дурным предзнаменованием для будущей подписки».

Написано позднее 1 (14) октября 1905 г.

Впервые напечатано в 1931 г. в Ленинском сборнике XVI

Печатается по рукописи

Вычитал: Воробьёв Евгений Валентинович, слесарь

Проверил: Садовский Андрей Андреевич, инженер

В БОЕВОЙ КОМИТЕТ ПРИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ КОМИТЕТЕ

16. X. 1905.

Дорогие товарищи! Очень благодарен Вам за присылку 1) отчёта Боевого комитета и 2) записки по вопросу об организации подготовки восстания + 3) схемы организации. Прочитав эти документы, я счёл долгом прямо обратиться к Боевому комитету для товарищеского обмена мнений. Нечего и говорить, что о практической постановке дела я судить не берусь; что делается всё возможное при тяжёлых русских условиях, в этом не может быть сомнения. Но, по документам судя, дело грозит выродиться в канцелярщину. Все эти схемы, все эти планы организации Боевого комитета производят впечатление бумажной волокиты, — я прошу извинить меня за откровенность, но я надеюсь, что вы меня не заподозрите в желании придраться. В таком деле менее всего пригодны схемы, да споры и разговоры о функциях Боевого комитета и правах его. Тут нужна бешеная энергия и ещё энергия. Я с ужасом, ей-богу с ужасом, вижу, что о бомбах говорят *больше полгода* и ни одной не сделали! А говорят учёнейшие люди... Идите к молодёжи, господа! вот одно единственное, все-спасающее средство. Иначе, ей-богу, вы опоздаете (я это по всему вижу) и окажетесь с «учёными» записками, планами, чертежами, схемами, великолепными рецептами, но без организации, без живого дела. Идите к молодёжи. Основывайте *тотчас* боевые дружины везде и повсюду и у студентов, и у *рабочих особенно*, и т. д. и т. д. Пусть тотчас же организуются отряды от 3-х до 10, до 30 и т. д. человек. Пусть тотчас же вооружаются они сами, кто как может, кто револьвером, кто ножом, кто тряпкой с керосином для поджога и т. д. Пусть тотчас же эти отряды выбирают

себе руководителей и *связываются*, по возможности, с Боевым комитетом при Петербургском комитете. Не требуйте никаких формальностей, наплюйте, Христа ради, на все схемы, пошлите вы, бога для, все «функции, права и привилегии» ко всем чертям. Не требуйте обязательного вхождения в РСДРП — это было бы абсурдным требованием для вооружённого восстания. Не отказывайтесь связываться с каждым кружком, хотя бы в три человека, при единственном условии, чтобы он был полицейски надёжен и готов был драться с царским войском. Пусть желающие кружки входят в РСДРП или *примыкают* к РСДРП, это превосходно; но я безусловно считал бы ошибкой *требовать* этого.

Роль Боевого комитета при Петербургском комитете должна быть — *помогать* этим отрядам революционной армии, служить «бюро» для связи и т. д. Ваши *услуги* примет всякий отряд с охотой, но если вы *в таком деле* начнёте со схем да с речей о «правах» Боевого комитета, вы погубите всё дело, уверяю вас, погубите безвозвратно.

Тут надо действовать широкой проповедью. Пусть 5–10 человек обойдут в неделю *сотни* кружков рабочих и студентов, влезут всюду, куда только можно, и везде предложат ясный, короткий, прямой и простой план: образуйте тотчас же отряд, вооружайтесь, чем можете, работайте изо всех сил, мы поможем вам, чем сможем, но *не ждите от нас*, работайте сами.

Центр тяжести в таком деле — инициатива массы мелких кружков. Они сделают всё. Без них весь ваш Боевой комитет — ничто. Я готов измерять продуктивность работ Боевого комитета числом таких отрядов, с которыми он связан. Если через 1–2 месяца у Боевого комитета не будет в Питере *minimum* 200–300 отрядов, тогда это мёртвый Боевой комитет. Тогда его надо похоронить. При теперешнем кипении не набрать сотни отрядов — значит стоять вне жизни.

Проповедники должны давать отрядам каждому краткие и простейшие рецепты бомб, элементарнейший рассказ о всём типе работ, а затем предоставлять всю деятельность им самим. Отряды должны *тотчас же* начать военное обучение на немедленных операциях, тотчас же. Одни сейчас же предпримут убийство шпика, взрыв полицейского участка, другие — нападение на банк для конфискации средств для восстания, третьи — манёвр или

снятие планов и т. д. Но обязательно сейчас же начинать учиться на деле: не бойтесь этих пробных нападений. Они могут, конечно, выродиться в крайность, но это беда завтрашнего дня, а сегодня беда в нашей косности, в нашем доктринёрстве, учёной неподвижности, старческой боязни инициативы. Пусть каждый отряд сам учится хотя бы на избиении городских: десятки жертв окупятся с лихвой тем, что дадут сотни опытных борцов, которые завтра поведут за собой сотни тысяч.

Крепко жму руку, товарищи, и желаю успеха. Своего взгляда я отнюдь не навязываю, но считаю долгом подать *совещательный* голос.

Ваш *Ленин*

Впервые напечатано в 1926 г. в Ленинском сборнике V

Печатается по рукописи

Вычитал: Воробьёв Евгений Валентинович, слесарь

Проверил: Садовский Андрей Андреевич, инженер

ЗАДАЧИ ОТРЯДОВ РЕВОЛЮЦИОННОЙ АРМИИ

1) Самостоятельные военные действия.

2) Руководство толпой.

Отряды могли бы быть всяких размеров, начиная от двух-трёх человек.

Отряды должны вооружаться сами, кто чем может (ружьё, револьвер, бомба, нож, кастет, палка, тряпка с керосином для поджога, верёвка или верёвочная лестница, лопата для стройки баррикад, пироксилиновая шашка, колючая проволока, гвозди (против кавалерии) и пр. и т. д.). Ни в каком случае не ждать со стороны, сверху, извне, помощи, а раздобывать всё самим.

Отряды должны состояться по возможности из близко живущих или часто, регулярно в определённые часы встречающихся людей (лучше и то и другое, ибо регулярные встречи могут быть прерваны восстанием). Задача их — наладить дело так, чтобы в самые критические минуты, при самых неожиданных условиях можно было оказаться вместе. Каждый отряд должен поэтому заранее выработать приёмы и способы совместного действия: знаки на окнах и т. п., чтобы легче найти друг друга; условные крики или свистки, чтобы в толпе опознать товарища; условные знаки на случай встречи ночью и т. д. и т. д. Всякий энергичный человек с 2–3 товарищами сумеет разработать целый ряд таких правил и приёмов, которые надо составить, разучить, упражняться в их применении. Надо не забывать, что 99% за то, что события застанут врасплох и соединяться придётся при страшно трудных условиях.

Даже и без оружия отряды могут сыграть серьёзнейшую роль:

1) руководя толпой; 2) нападая при удобном случае на городского,

случайно отбившегося казака (случай в Москве) и т. д. и отнимая оружие; 3) спасая арестованных или раненых, когда полиции очень немного; 4) забираясь на верх домов, в верхние этажи и т. д. и осыпая войско камнями, обливая кипятком и т. д. При энергии организованный, сплочённый отряд — громадная сила. Ни в каком случае не следует отказываться от образования отряда или откладывать его образование под предлогом отсутствия оружия.

Отряды должны по возможности заранее распределять функции, иногда выбирать заранее руководителя, начальника отряда. Неразумно было бы, конечно, впадать в игру назначения чинов, но нельзя забывать гигантской важности единообразного руководства, быстрого и решительного действия, решительность, натиск — $\frac{3}{4}$ успеха.

Отряды должны немедленно по образовании, т. е. теперь же, взяться за всестороннюю работу отнюдь не теоретическую только, но и непременно практическую также. К теоретической мы относим изучение военных наук, ознакомление с военными вопросами, чтение рефератов по военным вопросам, приглашение на беседы военных (офицеров, унтеров и пр. и пр. вплоть до бывших солдатами рабочих); чтение, разбор и усвоение нелегальных брошюр и статей в газетах об уличном бое и т. д. и т. д.

Практические работы, повторяем, должны быть начаты немедленно. Они распадутся на подготовительные и на военные операции. К подготовительным относится раздобывание всякого оружия и всяких снарядов, подыскание удобно расположенных квартир для уличной битвы (удобных для борьбы сверху, для складов бомб или камней и т. д. или кислот для обливания полицейских и т. д. и т. д., а также удобных для помещения штаба, для сбора сведений, для укрывательства преследуемых, помещения раненых и т. д. и т. д.). Затем, к подготовительным работам относятся немедленные распознавательные, разведочные работы: узнавать планы тюрем, участков, министерств и пр., узнавать распределение работы в казённых учреждениях, в банках и т. д., условия охраны их, стараться заводить такие связи, которые бы могли принести пользу (служащий в полиции, в банке, в суде, в тюрьме, на почте, телеграфе и т. д.), узнавать склады оружия, все оружейные магазины города и т. д. Работы тут масса и притом такой

работы, в которой громадную пользу может принести всякий, даже совершенно не способный к уличной борьбе, даже совсем слабые люди, женщины, подростки, старики и проч. Надо стараться спланировать теперь же в отряды непременно и безусловно всех, кто *хочет* участвовать в деле восстания, ибо *нет* и быть не может такого человека, который при желании работать не принёс бы громадной пользы даже при отсутствии у него оружия, даже при личной неспособности к борьбе.

Затем, не ограничиваясь ни в каком случае одними подготовительными действиями, отряды революционной армии должны как можно скорее переходить и к военным действиям, в целях 1) упражнения боевых сил; 2) разведки слабых мест врага; 3) нанесения врагу частичных поражений; 4) освобождения пленных (арестованных); 5) добычи оружия; 6) добычи средств на восстание (конфискации правительственных денежных средств) и т. д. и т. д. Отряды могут и должны ловить сейчас же всякий удобный случай для живой работы, отнюдь не откладывая дело до общего восстания, ибо без подготовки в огне нельзя приобрести годности и к восстанию.

Конечно, всякая крайность нехороша; всё благое и полезное, доведённое до крайности, может стать и даже, за известным пределом, обязательно становится злом и вредом. Беспорядочный, неподготовленный мелкий террор может, будучи доведён до крайности, лишь раздробить силы и расхитить их. Это верно, и этого, конечно, нельзя забывать. Но, с другой стороны, нельзя ни в коем случае забывать и того, что теперь лозунг восстания *уже дан*, восстание уже *начато*. Начинать нападения, при благоприятных условиях, не только право, но прямая обязанность всякого революционера. Убийство шпионов, полицейских, жандармов, взрывы полицейских участков, освобождение арестованных, отнятие правительственных денежных средств для обращения их на нужды восстания, — такие операции уже ведутся везде, где разгорается восстание, и в Польше и на Кавказе, и каждый отряд революционной армии должен быть немедленно готов к таким операциям. Каждый отряд должен помнить, что, упуская сегодня же представившийся удобный случай для такой операции, он, этот отряд, оказывается виновным в *непростительной бездеятельности*, в пассивности, — а такая вина есть величайшее преступление

революционера в эпоху восстания, величайший позор для всякого, кто стремится к свободе не на словах, а на деле.

Относительно состава этих отрядов можно сказать следующее. Число желательных членов и распределение их функций покажет опыт. Надо самим начать вырабатывать этот опыт, не дожидаясь указаний со стороны. Надо просить, конечно, у местной революционной организации присылки революционера-военного для лекций, бесед, советов, но при отсутствии такового непременно и обязательно делать самим.

Что касается партийных делений, то члены одной партии, естественно, предпочтут соединяться вместе в одни отряды. Но ставить безусловные препятствия вступлению в отряды членов других партий не следует. Именно тут мы должны осуществлять соединение, соглашение практическое (без всякого партийного слияния, разумеется) социалистического пролетариата с революционной демократией. Кто хочет биться за свободу и доказывает делом свою готовность, тот может быть причислен к революционным демократам, с тем надо стремиться работать над подготовкой восстания вместе (конечно, при наличии полного доверия к лицу или к группе). Всех остальных «демократов» надо резко отделять, как quasi-демократов (*quasi* — мнимо. *Ред.*), как либеральных говорунов, на которых полагаться непозволительно, доверчивость к которым со стороны революционеров преступна.

Объединение отрядов между собой, конечно, желательно. Выработка форм и условий совместной деятельности чрезвычайно полезна. Но ни в каком случае не надо при этом впадать в крайность сочинения сложных планов, общих схем, откладывания живого дела ради педантских измышлений и т. д. Восстание неизбежно будет при таких условиях, когда неорганизованные элементы в тысячи раз обширнее организованных; неизбежны такие случаи, когда придётся действовать тут же, на месте, вдвоём, одному, — и надо готовиться к тому, чтобы действовать за свой риск и страх. Проволочки, споры, оттяжки, нерешительность есть гибель дела восстания. Величайшая решительность, величайшая энергия, немедленное использование всякого подходящего момента, немедленное разжигание революционной страсти толпы, направление её на более

решительные и самые решительные действия — таков первейший долг революционера.

Прекрасным военным действием, дающим и *ученье* солдат революционной армии, боевое крещение им, и громадную пользу приносящим революции, является борьба с черносотенцами. Отряды революционной армии должны тотчас же изучить, кто, где и как составляет чёрные сотни, а затем не ограничиваться одной проповедью (это полезно, но этого одного мало), а выступать и вооружённой силой, избивая черносотенцев, убивая их, взрывая их штаб-квартиры и т. д. и т. д.

Написано в октябре, позднее 3 (16), 1905 г.

Впервые напечатано в 1926 г. в Ленинском сборнике V

Печатается по рукописи

Вычитал: Воробьёв Евгений Валентинович, слесарь

*Проверила: Богатырёва Екатерина Владимировна,
менеджер по продажам*

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО «ИСКРОВСКОЙ» ТАКТИКИ ИЛИ ПОТЕШНЫЕ ВЫБОРЫ, КАК НОВЫЕ ПОБУДИТЕЛЬНЫЕ МОТИВЫ ДЛЯ ВОССТАНИЯ

Мы уже неоднократно говорили о несостоятельности искровской тактики в «думской» кампании. Несостоятельны обе основные черты этой тактики: и стремление поддерживать идущих в Думу освобожденцев на основании известных революционных обязательств, и провозглашение лозунга: «революционное самоуправление граждан», призыв к всенародным выборам при самодержавии в учредительное собрание. Теперь мы имеем, наконец, попытку точно и официально формулировать искровскую тактику в резолюции «Южной учредительной (?) конференции» меньшевиков. На этой конференции были представлены лучшие силы новоискровцев в России. Резолюция даёт нам опыт делового изложения чисто практических советов, обращённых к пролетариату. Вот почему внимательный разбор этой резолюции представляется насущной необходимостью и с точки зрения выработки определённой практики, и для оценки всей тактической позиции «Искры» в целом.

Приводим полный текст резолюции:

Резолюция Учредительной конференции южных организаций по поводу Государственной думы. Считая единственным, соответствующим интересам всего народа, выходом из современного тяжёлого положения созыв учредительного собрания на основах всеобщего, равного, прямого и тайного голосования для ликвидации самодержавного режима и учреждения демократической республики, которая прежде всего необходима пролетариату в интересах его борьбы против всех основ буржуазного строя и за осуществление социализма, — и принимая во внимание:

1) что система выборов в Государственную думу не даёт возможности принять участие в них всему народу, причём пролетариат лишён совершенно права выборов, благодаря установлению для городских жителей высокого имущественного ценза, а крестьянство, и то лишь часть его, будет выбирать на основе 4-степенной системы, которая открывает полный простор административному давлению на них; —

2) что вся Россия по-прежнему лишена всех необходимых гражданских свобод, без которых невозможна предвыборная агитация, а следовательно, и произведение сколько-нибудь правильных выборов, и что, наоборот, в настоящее время административный произвол господствует повсюду больше, чем когда-нибудь, и огромные местности одна за другой объявляются на военном положении; —

и, наконец, 3) что для всех окраин вырабатывается ещё более карикатурная система представительства; —

конференция предлагает всем организациям развить самую энергичную агитацию, раскрывающую всю карикатурность того представительства, которым самодержавное правительство думает обмануть народ, и объявляет сознательным предателем народа всякого, кто готов удовлетвориться Государственной думой и не поставит себе задачей в настоящий решительный момент своими действиями и своей тактикой поддержать требования революционного народа о созыве учредительного собрания на основах всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права.

В целях же скорейшего осуществления указанного требования, Южная конференция рекомендует партийным организациям следующую тактику:

1) Повести энергичную агитацию среди рабочего пролетариата и крестьянской массы для создания широких демократических организаций и объединения их в всероссийскую организацию в целях энергичной борьбы против Государственной думы и за осуществление всенародного учредительного собрания вместе с немедленным введением свободы слова, печати, собраний, союзов, стачек. — К созданию этой всероссийской народной организации следует идти путём образования агитационных комитетов, выбираемых рабочими на отдельных фабриках и заводах, объединения этих агитационных комитетов; создания соответствующих агитационных комитетов среди крестьянства; установления более тесной связи между городскими и крестьянскими комитетами; образования губернских комитетов и установления связи между ними.

2) При достаточной силе этой организации, при соответствующем настроении рабочей массы, приступить, при открытии выборной кампании, к организации всенародных выборов в учредительное собрание, имея в виду, что организованное народное движение, направленное на осуществление этих выборов, может сделаться естественным переходом к всенародному восстанию против царизма, так как неизбежное противодействие его и столкновение с ним на почве произведения выборов создадут для восстания новые побудительные мотивы, а предварительная организация народа обеспечит ему повсеместность и единство.

3) Рядом с этим конференция предлагает добиваться завоевания свободы выборных собраний, рекомендует энергичное вмешательство в выборную кампанию, вмешательство народа в собрания выборщиков, обсуждения выборщиками среди народа на широких народных собраниях тех задач, которые стоят перед представителями, выбираемыми в Государственную думу, причём социал-демократическая партия должна добиваться выступления слоёв населения, имеющих право выбора в Государственную думу, на революционный путь, который может выразиться или в присоединении к восстанию, руководимому демократическими организациями народа, или, при отсутствии его, в стремлении превратить формирующуюся Государственную думу в революционное собрание для созыва всенародного учредительного собрания или для содействия его созыву демократическими организациями народа.

4) Готовиться к давлению в том же направлении на Государственную думу, если к моменту её окончательного созыва народное движение не приведёт к свержению самодержавия и организации учредительного собрания. — Готовиться к постановке пред Государственной думой ультиматума о созыве учредительного собрания, немедленного введения свободы слова, собраний, печати, союзов и вооружения народа. — Готовиться к поддержанию этого ультиматума политической стачкой и другими широкими народными выступлениями.

5) Вся эта тактика должна быть принята широкими народными собраниями, организуемыми до и вовремя выборной кампании среди пролетариата и крестьянства.

Не будем останавливаться на редакционных недостатках резолюции, страдающей многословием. Обратимся прямо к основным ошибкам.

1. Во вступительной части говорится о единственном выходе из современного положения. При этом весь центр тяжести переносится на *понятие* учредительного собрания и ни слова не говорится о том, кем должно бы быть оно созвано для того, чтобы сделать «выход» выходом не на словах только, а на деле. Это умолчание есть пасование социал-демократов перед освободженцами. Мы уже неоднократно показывали, что именно интересы монархической либеральной буржуазии заставляют освободженцев ограничиваться одним созывом всенародного учредительного собрания и *замалчивать* вопрос о том, кому созвать его. Мы неоднократно показывали, что именно этот вопрос выдвинут уже на первый план развивающейся революцией, что именно в этом состоит теперь коренное различие между оппортунистической («соглашательной») тактикой буржуазии и революционной тактикой пролетариата. Новоискровцы своей резолюцией дали теперь документальное доказательство того, что они страдают неизлечимой слепотой в основных вопросах тактики, сбиваясь на лозунги освободенские.

В дальнейшем своём содержании резолюция ещё больше запутывает вопрос о созыве всенародного учредительного собрания. Проповедь, возлагающая в этом отношении надежды на Государственную думу, есть прямо реакционная проповедь, а созыв учредительного собрания «демократической организацией народа» имеет такое же значение, как если бы мы предложили созвать учредительное собрание чрез комитет друзей народа, живущих на планете Марс. — На своей общерусской конференции новоискровцы сделали непростительную ошибку, *приравняв* созыв всенародного учредительного собрания революционным правительством к созыву его одним из представительных учреждений. Теперь новоискровцы пошли ещё дальше назад: они вовсе обошли молчанием временное революционное правительство. Почему? на каком основании? в чём изменились их взгляды? — всё это остаётся тайной. Вместо развития тактических директив меньшевики дают на своих конференциях лишь образчики скачков и шатаний то вправо, то влево.

2. Объявление «сознательным предателем народа всякого, кто готов удовлетвориться» и т. д., есть именно такой скачок якобы влево и притом скачок не к истинно революционному

пути, а к революционной фразе. Во-первых, к чему это хлёткое словечко о «сознательном» (предателе)? Был ли сознательным предателем народа Иоганн Якоби, который в 1847 году шёл, как буржуазный либерал, в Государственную думу или Соединённый ландтаг, а после войны 1870–1871 года перешёл к социал-демократам? Будет ли сознательным предателем всякий крестьянин, идущий в Думу и «готовый» удовлетвориться очень и очень малым? Во-вторых, разумен ли выставленный здесь критерий предательства: кто *готов* удовлетвориться, кто не ставит себе задачи, и т. д. Чем доказывается «готовность» и «постановка задач», словами или делами? Если словами, тогда надо взять с идущих в Государственную думу к.-д. («конституционалистов-демократов», как называли себя теперь освобожденцы) подписку или революционное обязательство (Парвус, Череванин, Мартов). Тогда резолюция должна выразить эту мысль ясно, а не напускать тумана. Если же «готовность» доказывается делами, тогда почему резолюция не говорит открыто и прямо, *какие* «действия» в её глазах доказывают готовность? Потому что на резолюции отразилась коренная ошибка новой «Искры», не умеющей провести грани между демократией революционной и демократией монархически-либеральной. В-третьих, разумно ли со стороны борющейся партии говорить в общей форме о лицах («всякий, кто»), а не в конкретной форме о направлениях или партиях? Для нас особенно важно теперь разоблачить перед пролетариатом именно направление, именно партию к.-д., которая уже показала нам своими «действиями», какие требования и как она поддерживает. Обращаться от имени социал-демократических организаций к рабочим, говорить им об идущих в Думу, о выборщиках в Думу и пр. — и умалчивать о партии к.-д. (освобожденцах тож) значит либо недостойно виллять и хитрить (проводя за спиной соглашение с освобожденцами о поддержке их на парвусовских или череванинских условиях), либо по неразумию сеять разврат в рабочей среде и отказываться от борьбы с к.-д.

Кроме исторических фактов о деятельности «Освобождения», освобожденцев, земцев и прочих к.-д., у нас нет никакого серьёзного материала для оценки «готовности» демократов из буржуазии бороться вместе с народом. Новоискровцы обходят этот материал и отделяются бессодержательной фразой. И Плеханов

ещё старается уверить нас, что организационная туманность во взглядах «Искры» не дополняется тактической туманностью!

Ведь искровцы на деле не только закрыли глаза на «готовность» к.-д. совершить предательство, доказанную их явным, всеми отмеченным поворотом вправо за время от июльского до сентябрьского земского съезда, но даже *помогли* этим к.-д. своей войной против бойкота! Гипотетическим освобожденцам («всякий, кто готов» и т. д.) искровцы грозят «ужасно страшными» словами, а реальным освобожденцам помогают своей тактикой. Это вполне в духе г. Родичева, одного из вождей к.-д., который гремит: «Мы не возьмём свободы из рук, обгаренных кровью народа!» (эта фраза г. Родичева на частном собрании против В. Стэда обходит теперь все заграничные газеты) — а в то же время требует созыва всенародного учредительного собрания именно этими руками.

3. Следующая коренная ошибка резолюции заключается в лозунге: «создание широких демократических организаций и объединение их в всероссийскую организацию». Легкомыслие социал-демократов, выдвигающих подобный лозунг, прямо поразительно. Что это значит: создать широкие демократические организации? Это может значить одно из двух: или потопление организации социалистов (РСДРП) в организации демократов (этого новоискровцы сознательно проводить не могут, ибо это было бы полным предательством пролетариата) — или же временное соединение между социал-демократами и известными слоями буржуазных демократов. Если новоискровцы хотят проповедовать такое соединение, почему не говорят они этого прямо и открыто? зачем прячутся за словечко «создание»? отчего не указывают точно, с какими же именно течениями или группами внутри буржуазной демократии призывают они социал-демократию соединяться? Разве это не новый образчик непозволительной *тактической туманности*, которая на деле неизбежно превращает рабочий класс в прихвостня буржуазной демократии?

Единственное определение характера этих «широких демократических организаций» в резолюции состоит в указании на их две цели: борьба (1) против Государственной думы и (2) за всенародное учредительное собрание. Вторую цель в её дряблой искровской формулировке, т. е. без указания того, кто должен созвать

всенародное учредительное собрание, признали к.-д. вполне. Значит, искровцы проповедуют соединение с.-д. с к.-д., стыдись сказать это прямо?? Первая цель формулирована с такой неясностью, какие мы привыкли видеть только в российских законах, умышленно обманывающих публику. Что такое борьба против Государственной думы? Если понимать буквально, предполагая, что составители резолюции хотят выражаться без экивоков, то это значит *бойкот* Думы, ибо бороться против учреждения, ещё не существующего, значит противиться его возникновению. Но мы знаем, что искровцы против бойкота, мы видим из самой резолюции, что они говорят дальше уже не о борьбе *против* Государственной думы, а о *давлении* на Государственную думу, о стремлении превратить Государственную думу в революционное собрание и т. п. Значит, слова «борьба против Государственной думы» надо понимать не в буквальном, не в узком смысле. Но если так, то в каком же? Не в смысле ли г. М. Ковалевского, который читает рефераты с критикой Государственной думы? Что именно называть борьбой *против* Государственной думы?? Это остаётся тайной. Наши путаники ровно ничего определённого об этом не сказали. Зная настроение сознательных рабочих, безусловно враждебное тактике соглашений с к.-д., тактике поддержки Думы на известных условиях, наши новоискровцы трусливо выбрали средний путь: с одной стороны, повторить популярный среди пролетариата лозунг: «борьба против Государственной думы», с другой стороны, отнять у этого лозунга точный смысл, бросить песку в глаза, истолковать борьбу против Думы в смысле давления на Думу и т. п. И эта жалкая путаница выдвигается самыми влиятельными организациями искровцев в такой момент, когда освобожденцы кричат на все Европы, бия себя в грудь, что они идут в Государственную думу только для борьбы, всецело для борьбы, что они «готовы» на полный разрыв с правительством!

Мы спрашиваем читателей: видана ли где-нибудь более позорная шаткость в тактике социал-демократии? Можно ли представить себе что-нибудь губительнее для социал-демократии, как эту проповедь «создания широких демократических организаций» *вместе с освобожденцами* (ибо с искровски-изложенными целями таких организаций к.-д. согласны), но не называя прямо освобожденцев??

И Плеханов, уронивший себя в глазах всех русских революционных социал-демократов своей почти двухлетней защитой искировских «организационных туманностей», станет уверять нас теперь в том, что новоискровская тактика хороша!..

4. Далее. Крайне неразумно называть соединение широких (и расплывчатых) демократических организаций «всероссийской народной организацией» или «демократической организацией народа». Это прежде всего неверно теоретически. «Экономисты» грешили, как известно, тем, что смешивали партию с классом. Искровцы, воскрешая старые ошибки, смешивают теперь сумму демократических партий или организаций с организацией народа. Это пустая, лживая, вредная фраза. Она пуста, ибо никакого определённого смысла в ней нет в силу отсутствия указания на известные демократические партии или течения. Она лжива, ибо в капиталистическом обществе даже передовой класс, пролетариат, не в состоянии создать партии, охватывающей весь класс, — а про весь народ вообще нечего и говорить. Она вредна, ибо засоряет головы громким словечком, не выдвигая вперёд реальной работы по разъяснению действительного значения действительных демократических партий, их классовой основы, их степени близости к пролетариату и т. д. Именно теперь, в эпоху демократической революции, буржуазной по её общественно-экономическому содержанию, особенно сильна склонность буржуазных демократов, всех этих к.-д. и т. д. вплоть до социалистов-революционеров, проповедовать «широкие демократические организации», вообще, поощрять прямо или косвенно, открыто или тайком, беспартийность, т. е. отсутствие строгих делений между демократами. Сознательные представители пролетариата должны решительно и беспощадно бороться с этой тенденцией, ибо она глубоко буржуазна по самой своей сущности. Мы должны выдвигать на первый план точные партийные различия, разоблачать всякую путаницу, показывать лживость фраз о якобы едином, солидарном, широком демократизме, фраз, которыми кишат наши либеральные газеты. Предлагая соединение с известными слоями демократии для определённых задач, мы должны выделять одну *революционную* демократию, — особенно в такое время, как теперь, — мы должны указывать признаки, ограничивающие наиболее ясно

«готовых» бороться (теперь же в рядах революционной армии) от «готовых» торговаться с самодержавием.

Чтобы нагляднее пояснить искровцам их ошибку, возьмём пример попроще. Наша программа говорит о крестьянских комитетах. Резолюция III съезда РСДРП точнее определяет значение их, называя их революционными крестьянскими комитетами (в этом отношении с III съездом сошлась, в сущности, и новоискровская конференция). Задачей их мы ставили осуществление *революционным путём* преобразований демократических вообще и аграрных в частности, *вплоть до конфискации* помещичьих земель. Теперь искровцы рекомендуют в резолюции ещё новые «агитационные комитеты среди крестьянства». Это — совет, достойный не социалистических рабочих, а либеральных буржуа. Такие «агитационные крестьянские комитеты», если бы они создались, были бы всецело на руку освобожденцам, ибо революционный характер их заменён был бы либеральным: мы уже указывали, что по-искровски определённое содержание агитации этих агитационных комитетов (борьба «против» Государственной думы и за всенародное учредительное собрание) не выходит за пределы освобожденской программы. Ясно ли теперь новоискровцам, что, дополняя лозунг революционных крестьянских комитетов лозунгом «агитационных крестьянских комитетов», они превращают социал-демократические лозунги в освобожденские?

5. Наконец, мы подходим и к главной задаче этой «всероссийской народной организации» — организации всенародных выборов в учредительное собрание. При сохранении самодержавия — всенародные выборы! И «столкновения» с самодержавием дают «новые побудительные мотивы для восстания»... Вот уже поистине потешные выборы, как новые побудительные мотивы для восстания!

Лозунг «революционного самоуправления», теория «самопроизвольного зарождения» учредительного собрания привели неизбежно к этой нелепости, которой суждено стать классической. Говорить о всенародных выборах при господстве Треповых, т. е. до победы восстания, до фактического свержения царской власти, есть величайшая маниловщина, способная лишь внести невероятный политический разврат в головы рабочих. Только люди, причисленные новой «Искрой» к господству фразы, могут принимать

такие лозунги, которые рассыпаются в прах при первом прикосновении трезвой критики. Стоит немножечко подумать о том, что такое *всенародные* выборы в серьёзном значении этого слова, стоит припомнить, что они требуют и свободы агитации, и осведомления всего населения, и признания всем населением такого центра или таких местных центров, которые составят списки всего населения и произведут операцию опроса действительно всех без исключения, — стоит капельку подумать об этом, чтобы отнести проектируемые «Искрой» «всенародные выборы» к всенародной потехе или всенародному шарлатанству. *Ни единого* депутата, сколько-нибудь заслуживающего звания «всенародного выборного», т. е. собравшего за себя 50–100 тысяч голосов, действительно свободно и сознательно поданных, ни единого такого депутата нигде в России «при открытии выборной кампании» выбрано быть не может.

Исковская резолюция советует пролетариату *сыграть комедию*, и никакие оговорки и отговорки не изменяют значения этой комедиантской резолюции. Нам говорят, что выборы произведут лишь «при достаточной силе организации», лишь тогда, когда «предварительная организация обеспечит ему (восстанию) повсеместность и единство». Мы отвечаем: сила доказывается делами, а не словами. До победы восстания смешно и говорить о силе, способной, не вызывая насмешек, хотя бы провозгласить «всенародные выборы», не говоря уже о произведении их. Победу восстания не может «обеспечить» никакая повсеместность и никакое единство организации, если (1) эта организация не состоит из людей, действительно способных на восстание (а мы видели, что резолюция проповедует просто «широкие», т. е. на деле освобожденские, организации, которые безусловно изменили бы восстанию, если бы оно началось); (2) не окажется силы для победы восстания (а для победы нужна материальная сила революционной армии, кроме моральной силы общественного мнения, народного блага и т. п.). Выдвигать на первый план эту моральную силу, эти громкие слова о «всенародности» и *умалчивать* в боевом призыве о прямой материальной силе — значит принижать революционные лозунги пролетариата до буржуазно-демократической фразы.

Потешные выборы представляют из себя именно не «естественный», а *искусственный* переход к восстанию, переход,

выдуманный горсткой интеллигентов. Сочинять такие искусственные переходы — занятие, совершенно аналогичное старому надеждинскому занятию: выдумке «эксцитативного» террора. Новоискровцы также искусственно хотят «эксцитировать», возбудить народ к восстанию, — идея, фальшивая в своей основе. Создать действительно всенародной организации мы не можем; те выборы, которые бы мы вздумали назначить при самодержавии, неизбежно останутся комедией, и подобный *сочинённый* повод использовать для восстания — всё равно, что декретировать восстание в момент отсутствия *действительного* возбуждения в народе. Только люди, не верящие в революционную активность пролетариата, только интеллигенты, гоняющиеся за хлесткими словами, могли взяться придумывать в сентябре 1905 года «новые побудительные мотивы для восстания». Точно мало у нас в России *действительных*, а не комедиантских, мотивов для восстания, точно мало случаев действительного, а не инсценированного, не подделанного *возбуждения* масс! Потешные выборы никогда не возбуждают масс. Но стачка, или демонстрация, или военный бунт, или студенческая серьёзная вспышка, или голод, или мобилизация, или конфликт в Государственной думе и т. д., и т. д., и т. д. могут постоянно, ежечасно действительно *возбудить* массы. Не только мысль о выдумке «новых побудительных мотивов для восстания» есть величайшая глупость, но даже и мысль об указании наперёд того, а не иного действительно возбуждающего массы мотива была бы неразумна. Люди, сколько-нибудь уважающие себя, сколько-нибудь серьёзно относящиеся к своим словам, никогда не позволят себе сочинять «новые побудительные мотивы для восстания».

Не в «новых мотивах» нехватка, почтеннейшие Маниловы, а в военной силе, в военной силе революционного народа (а не народа вообще), которая состоит 1) в вооружённом пролетариате и крестьянстве, 2) в организованных передовых отрядах из представителей этих классов, 3) в готовых перейти на сторону народа частях войска. Взятое всё вместе, это и составляет *революционную армию*. Говорить о восстании, о его силе, о естественном переходе к нему и не говорить о революционной армии есть нелепость и путаница, — тем более, чем мобилизованнее контрреволюционная армия. Выдумывать «новые побудительные мотивы для восстания» в эпоху восстаний кавказских и черноморских,

польских и рижских, — значит нарочно замыкаться в свою скорлупу и отстраняться от движения. Перед нами — сильнейшее брожение рабочих и крестьян. Перед нами — ряд вспышек восстания, неуклонно и с громадной быстротой прогрессирующих по широте, силе и упорству, начиная с 9 января. Никто не поручится за то, что завтра эти вспышки не повторятся в любом крупном городе, в любом военном лагере, в любой деревне. Напротив, все показания сходятся в том, что такие вспышки вероятны, близки, неизбежны. Успех их зависит, во-1-х, от успехов *революционной* агитации и организации, — именно революционной, а не «широко-демократической», о которой болтает «Искра», ибо среди демократов масса неревolutionеров. Успех зависит, во-2-х, от силы и готовности революционной армии. Первое условие всеми давно признано и осуществляется по всей России всеми революционерами, на каждом буквально собрании кружка, группы, летучки, массовой. Второе ещё очень и очень мало признано. Его не хочет и не может признать, в силу её классового положения, либеральная буржуазия. Его замалчивают из революционеров только люди, безнадежно плетущиеся в хвосте монархической буржуазии.

Восстание — очень большое слово. Призыв к восстанию — крайне серьёзный призыв. Чем сложнее становится общественный строй, чем выше организация государственной власти, чем совершеннее военная техника, тем непозволительнее легкомысленное выставление такого лозунга. И мы не раз говорили, что революционные социал-демократы издавна подготавливали выставление его, но выставили, как прямой призыв, лишь тогда, когда не могло быть никаких колебаний насчёт серьёзности, ширины и глубины революционного движения, никаких колебаний насчёт того, что дело подходит к развязке в настоящем смысле слова. С большими словами надо обращаться осмотрительно. Трудности превращения их в большие дела громадны. Но именно поэтому непростительно было бы отделяться от этих трудностей фразой, отмахиваться от серьёзных задач маниловскими выдумками, надевать на глаза шоры сладеньких вымыслов о якобы «естественных переходах» к этим трудным задачам.

Революционная армия — это тоже очень большое слово. Создание её — трудный, сложный и долгий процесс. Но, когда мы видим, что он уже начался и обрывками, кусочками идёт

повсюду; — когда мы знаем, что без такой армии действительная победа революции *невозможна*, — мы должны выдвинуть решительный и прямой лозунг, проповедовать его, делать его оселком злободневных задач политики. Ошибочно было бы думать, что революционные классы всегда обладают достаточной силой для совершения переворота, когда этот переворот вполне назрел в силу условий общественно-экономического развития. Нет, общество человеческое устроено не так разумно и не так «удобно» для передовых элементов. Переворот может назреть, а силы у революционных творцов этого переворота может оказаться недостаточно для его совершения, — тогда общество гниёт, и это гниение затягивается иногда на целые десятилетия. Что демократический переворот в России назрел, это несомненно. Но хватит ли силы теперь у революционных классов осуществить его, это ещё неизвестно. Это решит борьба, критический момент которой приближается с громадной быстротой, — если нас не обманывает целый ряд прямых и косвенных признаков. Моральный перевес несомненен, моральная сила уже подавляюще велика; без неё, конечно, ни о каком перевороте не могло бы быть и речи. Она — условие необходимое, *но ещё не достаточное*. А претворится ли она в материальную силу, достаточную, чтобы сломить весьма и весьма серьёзное (не будем закрывать на это глаза) сопротивление самодержавия, — это покажет исход борьбы. Лозунг восстания есть лозунг решения вопроса материальной силой, — а таковой в современной европейской культуре бывает лишь военная сила. Этот лозунг нельзя выставлять до тех пор, пока не назрели общие условия переворота, пока не проявились определённо возбуждение и готовность масс к действию, пока внешние обстоятельства не привели к явному кризису. Но раз такой лозунг выставлен, — тогда уже было бы прямо позорно пятиться от него назад, опять к моральной силе, опять к одному из условий нарастания почвы для восстания, опять к одному из «возможных переходов» и т. д. и т. п. Нет, раз уже жребий брошен, надо оставить всякие увёртки, надо прямо и открыто разъяснять самым широким массам, каковы теперь практические условия успешного переворота.

Мы далеко не исчерпали всех ошибок искровской резолюции, которая, — для людей думающих, а не отделяющихся «ловлей момента», — надолго останется печальным памятником опошления задач социал-демократии. Нам кажется более важным проследить основные источники ошибок, чем перечислить все, даже сравнительно мелкие, проявления коренной фальши. Поэтому мы отметим лишь мимоходом нелепость и реакционность идеи о предъявлении «ультиматумов» (военное слово, звучащее пошлым хвастовством при отсутствии подготовленной военной силы) к Думе, о стремлении превратить в революционное собрание *эту Думу*^{*}, — и перейдём к общему значению лозунга: «революционное самоуправление народа».

^{*}Если мы окажемся сильны в предстоящей решительной борьбе с царизмом, то Государственная дума неизбежно повернёт влево (по крайней мере либеральной своей частью, о реакционной мы не говорим), но попытаться серьёзно повлиять на Государственную думу *помимо* разрушения власти царя — это такая же глупость, как если бы Япония стала предъявлять «ультиматумы» Китаю или придавать серьёзное значение помощи Китая *помимо* разрушения военной силы России. После 18 марта 1848 г. прусская Государственная дума (Соединённый ландтаг) моментально «подмахнула» бумажку о созыве учредительного собрания, а до тех пор все «ультиматумы» революционеров и все их «стремления» повлиять на Государственную думу, все их угрозы были пустыми словами для заседавших в Государственной думе Петрункевичей, Родичевых, Милюковых и т. п.

В этом лозунге, или, вернее, в превращении его в центральный лозунг, корень всех шатаний «Искры». Защищать этот лозунг «Искра» пробовала ссылкой на «диалектику», — ту самую плехановскую диалектику, благодаря которой «организационные туманности» «Искры» были сначала защищаемы, а потом изобличаемы Плехановым!

Революционное самоуправление народа не пролог восстания, говорили мы, не «естественный переход» к нему, а эпилог. Без победы восстания нельзя и говорить серьёзно о настоящем и полном самоуправлении. И мы добавляли, что реакционна самая мысль о перенесении центра тяжести на управление государством, а не на устройство государства, что отождествление революционного самоуправления с революционной армией есть величайший вздор, что революционная армия, победив, обязательно

предполагает революционное самоуправление, а революционное самоуправление ещё не обязательно включает революционную армию.

«Искра» пыталась защитить путаницу своих сознательных лозунгов ссылкой на «диалектику» бессознательного стихийного процесса. Жизнь-де не знает резких границ. Биржи рабочих есть и сейчас («Социал-Демократ» № 12), вот вам элементы самоуправления. Пролог и эпилог в диалектическом процессе развития нередко-де переплетаются.

Это последнее совершенно справедливо. Да, процесс действительного развития *всегда* идёт запутанно, всовывая кусочки эпилога раньше настоящего пролога. Но значит ли это, что вождю сознательной партии позволительно *запутывать* задачи борьбы, позволительно смешивать пролог с эпилогом? Может ли диалектика запутанного стихийного процесса оправдывать путаницу в логике сознательных социал-демократов? Не значит ли это подменять диалектику в смысле Маркса диалектикой в смысле Плеханова?

Чтобы сделать нашу мысль более наглядной, возьмём пример. Допустим, речь идёт не о демократическом, а о социалистическом перевороте. Кризис зреет, близится эпоха диктатуры пролетариата. И вот, оппортунисты выдвигают на первый план лозунг: потребительные общества, а революционеры — лозунг: завоевание политической власти пролетариатом. Оппортунисты спорят: потребительные общества — реальная сила пролетариев, завоевание реальной экономической позиции, настоящий кусочек социализма; вы, революционеры, не понимаете диалектического развития, этого перерастания капитализма в социализм, этого проникновения ячеек социализма в недра самого капитализма, этого опорожнения капитализма новым социалистическим содержанием.

Да, отвечают революционеры, мы согласны, что потребительные общества есть в известном смысле кусочек социализма, Во-1-х, социалистическое общество есть одно большое потребительное общество с планомерно организованным производством для потребления; во-2-х, социализм неосуществим без мощного, многостороннего рабочего движения, а одной из этих многих сторон неизбежно являются потребительные общества.

Но дело-то не в этом. Пока власть остаётся в руках буржуазии, до тех пор потребительные общества — жалкий кусочек, никаких серьёзных перемен не гарантирующий, никакого решительного изменения не вносящий, иногда даже отвлекающий от серьёзной борьбы за переворот. Навыки, приобретаемые рабочими в потребительных обществах, очень полезны, спора нет. Но поприще для серьёзного приложения этих навыков может создать лишь переход власти к пролетариату. Тогда система потребительных обществ будет включать в своё распоряжение и прибавочную стоимость; теперь сфера применения этого полезного института сужена до убожества убогими размерами заработной платы. Тогда это будет потребительный союз действительно свободных работников; теперь это союз наёмных рабов, придавленных и придушенных капиталом. Итак, потребительные общества — кусочек социализма. Диалектический процесс развития действительно всовывает ещё в пределах капитализма элементы нового общества, и материальные и духовные элементы его. Но социалисты должны уметь отличать кусочек от целого, должны выставлять своим лозунгом *целое*, а не кусочек, должны противопоставлять коренные условия действительного переворота тем частичным штопанием, которые нередко сбивают борцов с истинно революционного пути.

Как думает «Искра», кто прав в этом споре?

Вот то же самое и с лозунгом: «революционное самоуправление» в эпоху демократического переворота. Мы не против революционного самоуправления, мы отвели ему давно известное скромное место в нашей программе-минимум (см. § о широком местном самоуправлении), мы согласны, что это — кусочек демократического переворота, как отметил ещё № 15 «Пролетария», сославшийся на Смоленскую думу. Демократический переворот был бы невозможен без мощного и многостороннего демократического движения, а одной из этих многих сторон является движение в области самоуправления. Но демократический переворот был бы невозможен, напр., и без революционной школы, которая есть столь же несомненный признак фактического разложения царизма, как рабочие биржи вопреки полиции, как брожение в духовенстве, как противозаконное местное самоуправление и проч. Какой же вывод следует отсюда, подумайте-ка, товарищи из «Искры»! Тот ли, что

надо подытоживать все эти кусочки разложения в цельный лозунг восстания? или тот, что надо уродовать лозунг восстания, связывая его с одним из кусочков, с самоуправлением?

«Организация революционного самоуправления или, что то же самое, организация народных сил для восстания» — писала храбрая «Искра» (№ 109, с. 2, ст. 1). Это всё равно, что сказать: организация революционной школы есть организация сил для восстания, организация брожения в духовенстве есть организация сил для восстания, организация потребительных обществ есть организация сил для социалистического переворота. Нет, плохие вы диалектики, товарищи из «Искры». Вы не умеете рассуждать диалектически, хотя прекрасно умеете вилать и вертеться, как Плеханов, с вопросом об организационных и тактических туманностях в ваших взглядах. Вы просмотрели, что при условии победы восстания все эти кусочки переворота неизбежно сольются в цельный, законченный «эпилог» восстания, тогда как без победы восстания кусочки останутся кусочками, жалкими, ничего не изменяющими, только филистеров удовлетворяющими кусочками.

Мораль: 1) Оппортунисты социал-демократии и накануне социалистического и накануне демократического переворота имеют дурную привычку носиться, как с писаной торбой, с одним из мелких кусочков великого процесса, возводя этот кусочек в целое, соподчиняя этому кусочку целое, уродуя этим целое, превращаясь в силу этого в прихвостней непоследовательных и трусливых реформистов. 2) Диалектика стихийного процесса, который всегда и обязательно бывает запутанным, не оправдывает путаницы логических заключений и политических лозунгов, которые довольно часто (но не обязательно) бывают путанные.

Р. С. Статья уже была свёрстана, когда мы получили заграничное искровское издание резолюций Южной учредительной конференции. Текст резолюции о Государственной думе несколько отличается от изданного в России и перепечатанного нами выше. Но эти отличия не существенны и нисколько не задевают нашей критики.

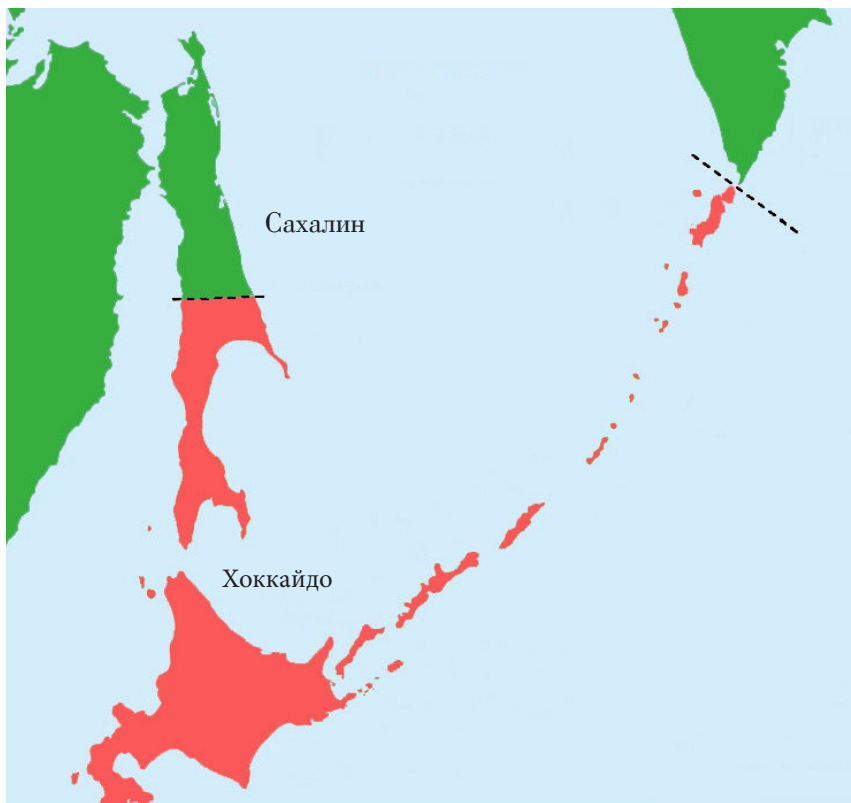
***«Пролетарий» № 21, 17 (4) октября 1905 г.
Печатается по тексту газеты «Пролетарий»,
сверенному с рукописью***

*Вычитал: Воробьёв Евгений Валентинович, слесарь
Проверил: Богатырёва Екатерина Владимировна,
менеджер по продажам*

ПОРТСМУТСКИЙ МИРНЫЙ ДОГОВОР

23 АВГУСТА 1905 ГОДА

УСЛОВИЯ:

- Россия признала Корею сферой японских интересов;
- обе стороны обязались вывести свои войска из Манчжурии;
- Россия передавала Японии аренду Порт-Артура и южную часть острова Сахалин;
- Япония получила право рыболовства в русских водах.

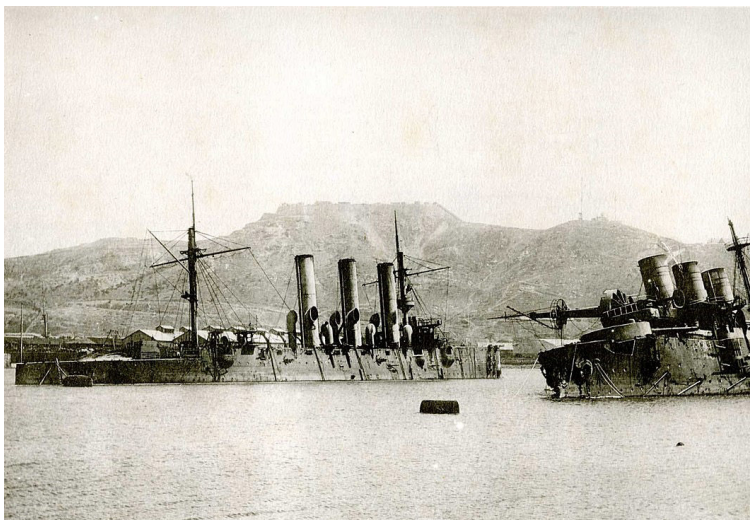
Теодор Рузвельт
(1858–1919)

Американский политический и государственный деятель, 26-й президент США в 1901–1909 годах. В связи с прояпонской позицией Т. Рузвельта, оказывавшего Японии огромную финансовую поддержку в войне с Россией, японская сторона обратилась за содействием к США. 18 апреля 1905 г. японский посланник в США Такахира попросил Рузвельта выступить с предложением о мире. В качестве предварительного требования американской стороны Рузвельт поставил перед Японией условие — соблюдать в Китае принцип «открытых дверей» и эвакуировать по окончании войны свои силы из Маньчжурии. Президент США Теодор Рузвельт был решительно настроен содействовать скорейшему заключению мирного соглашения, «прежде чем Япония вытеснит Россию из Восточной Азии». По его словам, лучше, если Россия «будет оставлена лицом к лицу с Японией, с тем чтобы они могли оказывать друг на друга сдерживающее влияние».

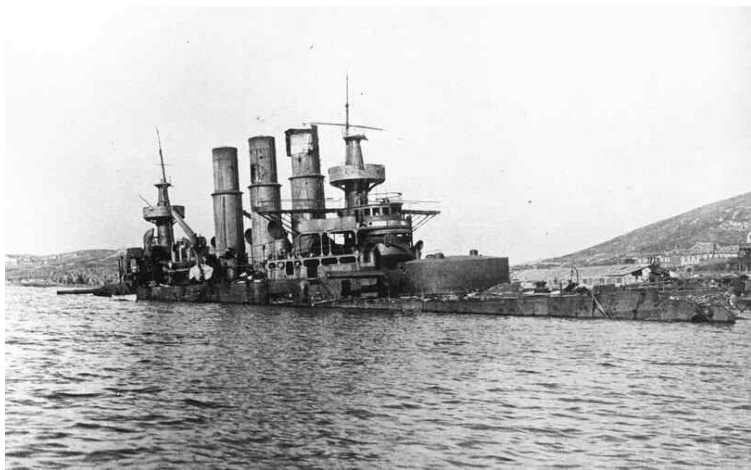

Сергей Юльевич Витте
(1849–1915)

Русский государственный деятель, выражавший интересы «военно-феодалного империализма» царской России, убеждённый сторонник самодержавия, стремившийся сохранить монархию путем незначительных уступок и обещаний либеральной буржуазии и жестоких репрессий по отношению к народу; один из организаторов подавления революции 1905–1907 годов. Участвовал в подписании Портсмундского мирного договора между Россией и Японией 23 августа (5 сентября) 1905 г. в городе Портсмуте, США. «Министр-маклер», «агент биржи» — так характеризовал его В. И. Ленин.

Крейсер «Паллада» и эскадренный броненосец «Победа»
затопленные в Порт-Артуре

Броненосец "Ретвизан", затопленный на рейде в Порт-
Артуре

Александр Львович Парвус
(1867–1924)

Настоящее имя — Израиль Лазаревич Гельфанд.

Деятель российского и германского социал-демократического движения, теоретик марксизма, публицист, доктор философии. Несколько материалов тома посвящены Парвусу, статьи которого Владимир Ильич критикует.

Крестьяне енисейской губернии конца 19 – начала 20 вв.

Городовой и солдат
обыскивают прохожего

Александр Григорьевич
Булыгин (1851–1919)

Государственный деятель Российской империи, министр внутренних дел. Разработанное комиссией во главе Булыгиным положение о выборах (правом голоса наделялись лишь ограниченные категории лиц: крупные собственники недвижимых имуществ, крупные плательщики промыслового и квартирного налога и на особых основаниях крестьяне) было утверждено царским манифестом от 6 августа 1905 года, однако вызвало сильное недовольство в обществе, и выборы в Булыгинскую думу не состоялись.

СОБРАНИЕ УЗАКОНЕНІЙ И РАСПОРЯЖЕНІЙ ПРАВИТЕЛЬСТВА,

ИЗДАВАЕМОЕ ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕМЪ СЕНАТѢ.

6 Августа 1905 г.

№ 141.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

СОДЕРЖАНИЕ:

Ст. 1325. Объ учрежденіи Государственной Думы.

1326. Объ отмініи Высочайшаго Указа 18 февраля 1905 года о возложеніи на Совѣтъ Министровъ, сверхъ дѣлъ, ему нинѣ подвѣдомственныхъ, разсмотрѣнія и обсужденія поступающихъ на Высочайшее Имя отъ частныхъ лицъ и учрежденій видовъ и предположеній по вопросамъ, касающимся усовершенствованія государственнаго благоустройства и улучшенія народнаго благосостоянія.

Высочайшій Манифестъ.

1325. Объ учрежденіи Государственной Думы.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ,

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ

ВСЕРОССИЙСКІЙ,

ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯДСКІЙ,

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ Нашимъ вѣрнымъ подданнымъ:

Государство Россійское созидалось и крѣпло неразрывнымъ единеніемъ Царя съ народомъ и народа съ Царемъ. Согласіе и единеніе Царя и народа великая нравственная сила, созидавшая Россію въ теченіе вѣковъ, отстоявшая ее отъ всякихъ бѣдъ и напастей, и является донынѣ залогомъ ея единства, независимости и цѣлости, матеріальнаго благосостоянія и развитія духовнаго въ настоящемъ и будущемъ.

Въ Манифестѣ Нашемъ, данномъ 26 февраля 1903 года, призывали Мы къ тѣсному единенію всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Отечества для усовершенствованія государственнаго порядка

Манифестъ царя об учреждении Государственной Думы

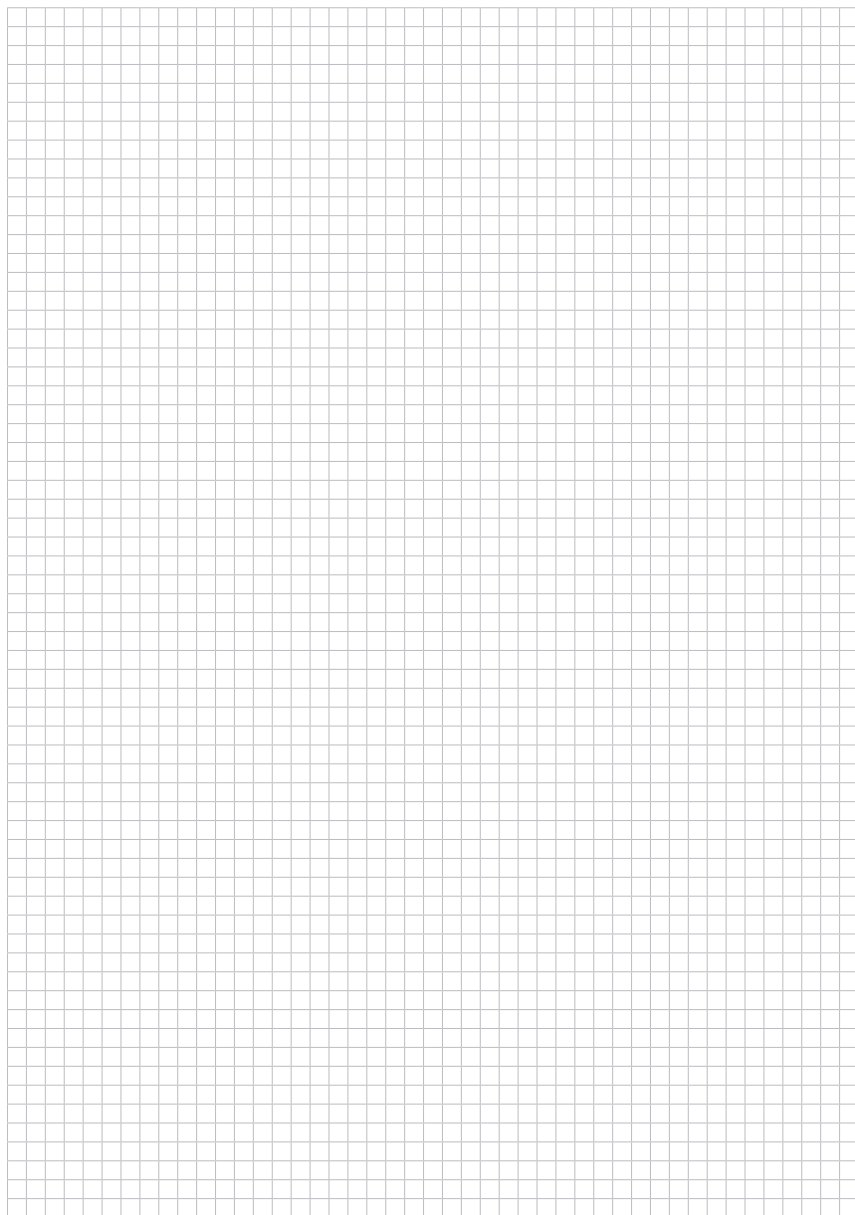
Карикатура на Государственную Думу по проекту Булыгина

СОДЕРЖАНИЕ

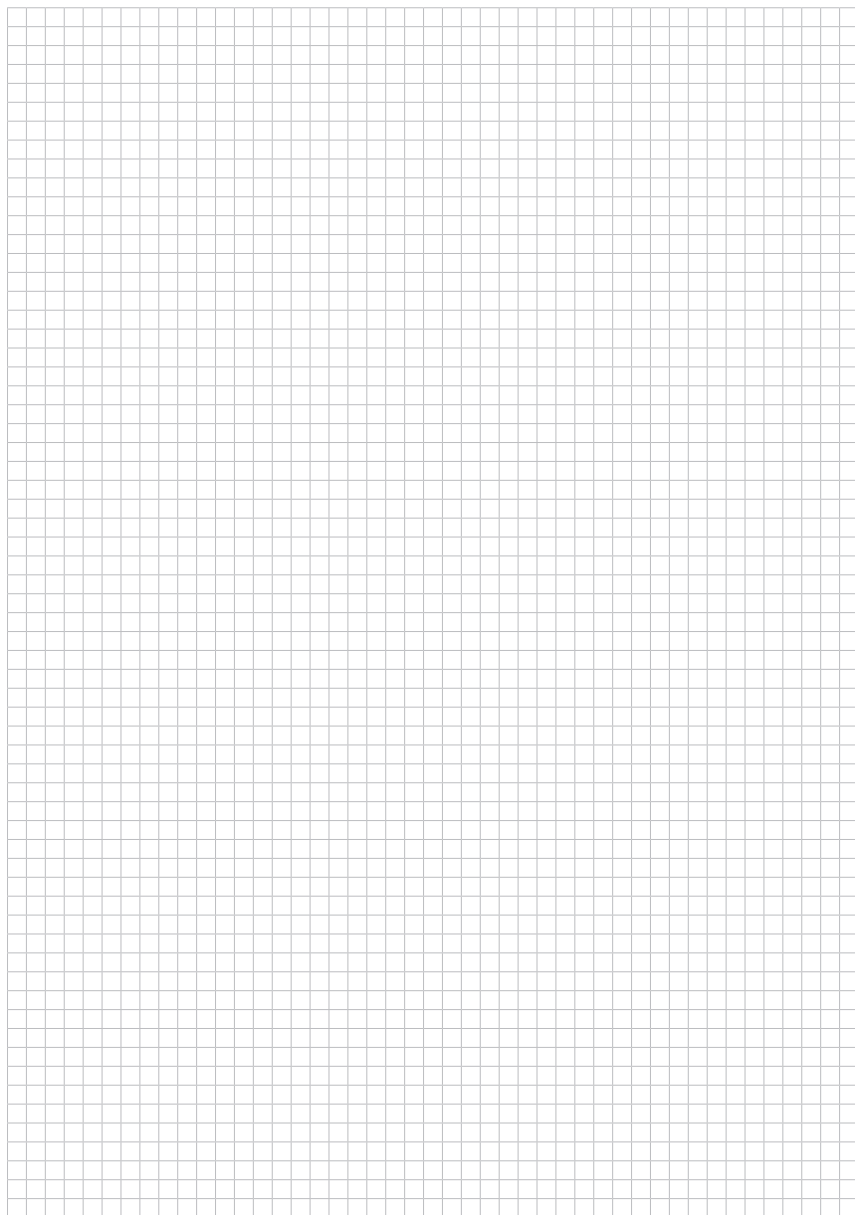
Предисловие редакторской группы.....	3
ДВЕ ТАКТИКИ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ В ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.....	5
РЕВОЛЮЦИЯ УЧИТ	117
СЕРДИТОЕ БЕССИЛИЕ.....	127
ПРОЛЕТАРИАТ БОРЕТСЯ, БУРЖУАЗИЯ КРАДЁТСЯ К ВЛАСТИ.....	131
БОЙКОТ БУЛЫГИНСКОЙ ДУМЫ И ВОССТАНИЕ	141
«ЕДИНЕНИЕ ЦАРЯ С НАРОДОМ И НАРОДА С ЦАРЁМ»	149
В ХВОСТЕ У МОНАРХИЧЕСКОЙ БУРЖУАЗИИ ИЛИ ВО ГЛАВЕ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПРОЛЕТАРИАТА И КРЕСТЬЯНСТВА?	159
САМОЕ ЯСНОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ САМОГО ПУТАНОГО ПЛАНА.....	171
ОТНОШЕНИЕ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ К КРЕСТЬЯНСКОМУ ДВИЖЕНИЮ	175

ЧЕГО ХОТЯТ И ЧЕГО БОЯТСЯ НАШИ ЛИБЕРАЛЬНЫЕ БУРЖУА?	185
ТЕОРИЯ САМОПРОИЗВОЛЬНОГО ЗАРОЖДЕНИЯ	191
СПОРЬТЕ О ТАКТИКЕ, НО ДАВАЙТЕ ЯСНЫЕ ЛОЗУНГИ!	197
ИГРА В ПАРЛАМЕНТАРИЗМ	201
СОЦИАЛИЗМ И КРЕСТЬЯНСТВО	217
БУРЖУАЗИЯ СЫТАЯ И БУРЖУАЗИЯ АЛЧУЩАЯ	227
НИКАКОЙ ФАЛЬШИ! НАША СИЛА В ЗАЯВЛЕНИИ ПРАВДЫ!	235
ФИНАНСЫ РОССИИ	241
В БОЕВОЙ КОМИТЕТ ПРИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ КОМИТЕТЕ	243
ЗАДАЧИ ОТРЯДОВ РЕВОЛЮЦИОННОЙ АРМИИ	247
ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО «ИСКРОВСКОЙ» ТАКТИКИ ИЛИ ПОТЕШНЫЕ ВЫБОРЫ, КАК НОВЫЕ ПОБУДИТЕЛЬНЫЕ МОТИВЫ ДЛЯ ВОССТАНИЯ	253

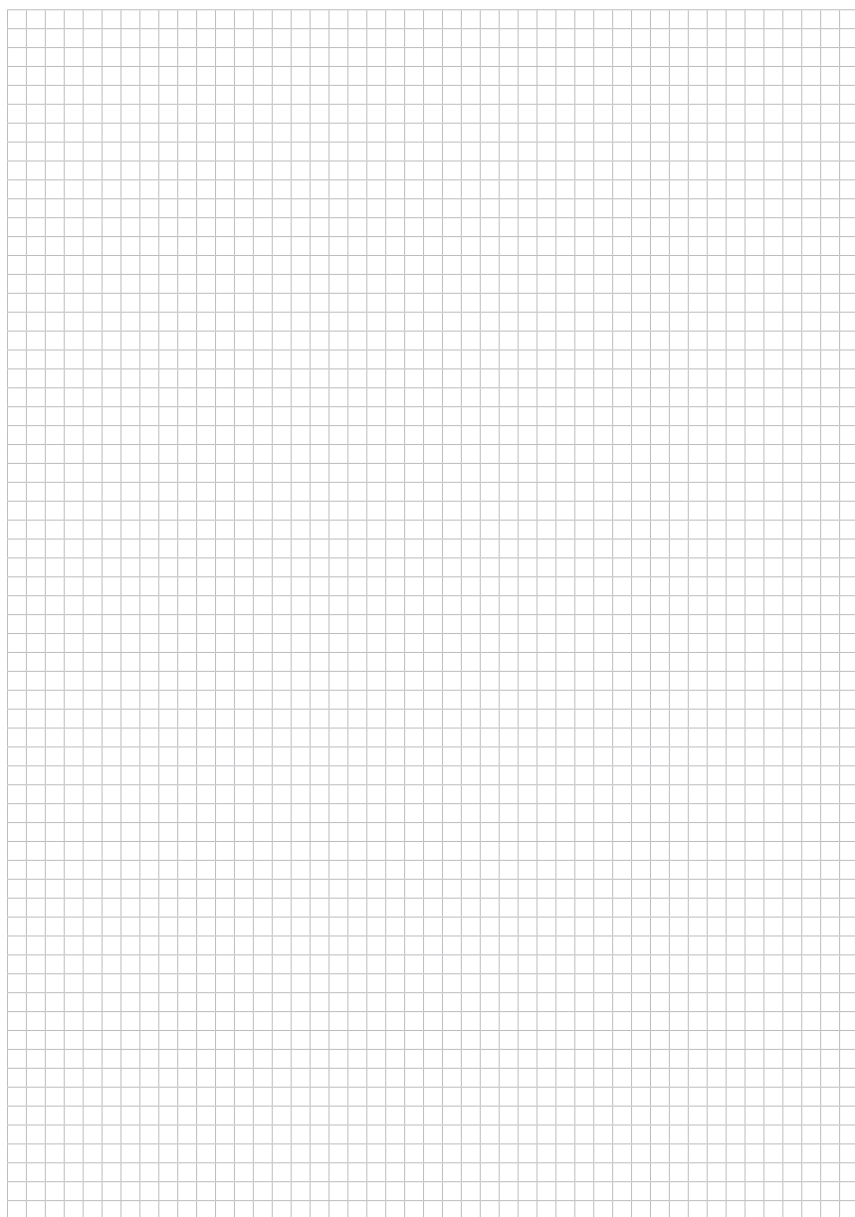

Владимир Ульянов (Ленин)
ОСНОВНОЕ В ЛЕНИНИЗМЕ

**Печатается по Полному собранию сочинений
В. И. ЛЕНИН, том 11 (июль-октябрь 1905), изд. 5-е**

Издательство политической литературы
Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Москва, 1972.

РЕДАКТОРСКАЯ ГРУППА:

Андрей Раскатов, Евгений Воробьёв, Екатерина Богатырёва, Андрей Алымов,
Андрей Садовский, Константин Черняховский, Марат Удовиченко,
Юлия Опарина, Виталий Евстигнеев.
Художественное оформление серии Екатерины Симуни.

КОНТАКТЫ

svobonoev
kurs.kommunizma
communism.university

Svremya
narcompros
lenin_speaking

Svremya

**КУПИТЬ
И СКАЧАТЬ**

ВИДЕО

РЕСУРСЫ

Все права на данную книгу серии «СВОБОДНОЕ ВРЕМЯ» принадлежат
ИП УДОВИЧЕНКО М. С. ПИ № ФС77 69804 от 18 мая 2017,
а также всем участникам редакторской группы книги.

Подписано в печать 12.12.2024.
Формат 60х88/16. Печать офсетная.

Издатель Англинова Л. Н.
194358, Санкт-Петербург, ул. Николая Рубцова, д. 9
Отпечатано в типографии ООО «Литография Принт»
191119, Санкт-Петербург, ул. Днепропетровская, д. 8, оф. 14
www.litobook.ru info@litobook.ru
+7 (812) 712-02-08